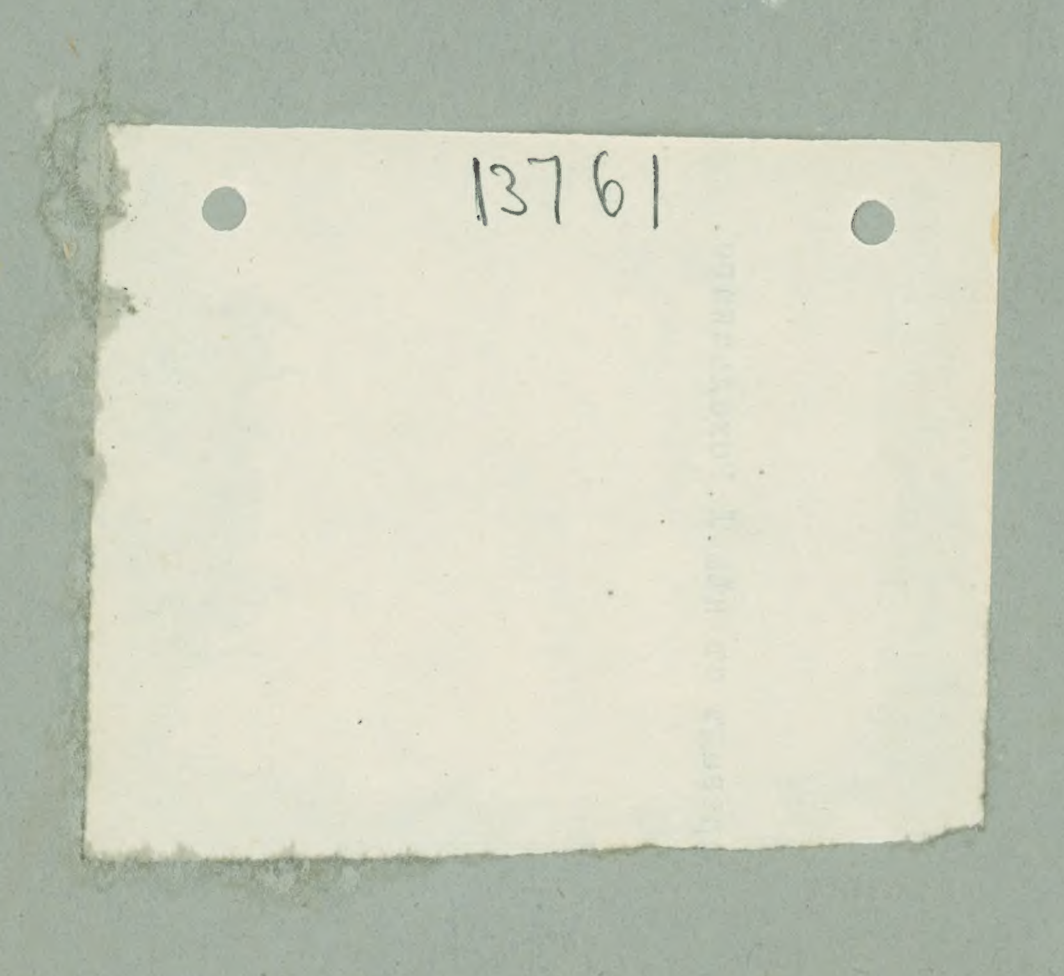
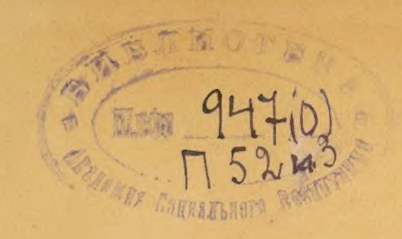
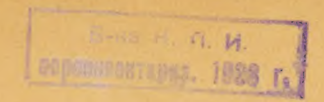

947
П 52и3.

13761

947(0)
П 52/43

Историко-Культурный Атласъ

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ,

Просятъ исправить опечатку на XXVIII табл. II вып.:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
23. Ильинская церковь.	23. Церковь св. Іоанна Предтечи.

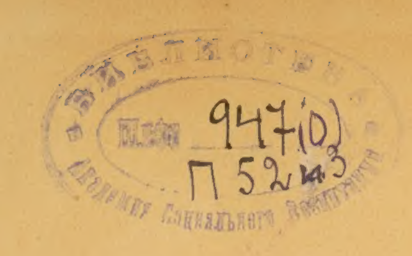
Выпускъ Третій.

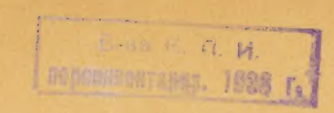

КІЕВЪ.
Типографія „С. В. Кульженко", Пушкинская улица, домъ № 4-й.
1914.

2
30

947(0)
П 52/43

Историко-Культурный Атласъ

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ,

составленный Н. Д. ПОЛОНСКОЙ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Изданіе В. С. Кульженко.

Выпускъ Третій.

Пров. 50
ОКОНЧЕНО
300499
300499

КІЕВЪ.
Типографія „С. В. Кульженко", Пушкинская улица, домъ № 4-й.
1914.

13761

ОГЛАВЛЕНІЕ III ВЫПУСКА.

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА.

ГОРОДЪ (Табл. I).

XVIII вѣкъ не вноситъ внезапной рѣзкой, перемѣны въ жизни Московской Руси. Перемѣна эта подготовлялась исподволь; какъ вода капля по каплѣ долбитъ гранитъ, такъ и новыя идеи, новые взгляды медленно, но неуклонно внѣдрялись въ умы людей. Постепенно рушилась та великая стѣна, которая отдѣляла Русь отъ Запада и открывался свободный путь для новыхъ идей, знаній, обычаевъ, проводникомъ которыхъ служилъ все увеличивавшійся контингентъ иноземцевъ, поселявшихся въ Москвѣ въ качествѣ пословъ, „дохтуровъ", купцовъ, мастеровъ, солдатъ и т. д. Число ихъ настолько возросло, что къ концу XVII в. они населили цѣлую Нѣмецкую слободу, гдѣ имѣли даже свои церкви. Слѣдствіемъ близкаго знакомства явилась перемѣна въ отношеніи москвичей къ иностранцамъ—ихъ перестали чуждаться, и стали приходить къ мысли, что и у нихъ есть чему поучиться.

Проникновенію въ Москву новыхъ идей способствовалъ и переходъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ, воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи, какъ Симеонъ Полоцкій, Медвѣдевъ, Дмитрій Ростовскій, Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и др.

Уже царь Алексѣй во многомъ мѣняетъ свою жизнь [1]); при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, воспитанникѣ Симеона Полоцкаго, еще болѣе усиливаются новыя вѣянія; они были настолько сильны, что въ 1681 г. было запрещено появляться при дворѣ въ русскомъ платьѣ, взамѣнъ котораго вводилось польское. При царевнѣ Софіи придворная жизнь шла по тому же направленію; по словамъ современника, кн. Куракина, вводился во всемъ „политесъ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовомъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ". Сочувствіе иноземцамъ выражалось правительницей столь опредѣленно, что она за это сочувствіе была даже лишена причастія патріархомъ Іоакимомъ. Да и самое явленіе дѣвицы, царевны, въ качествѣ правительницы съ непокрытымъ лицомъ принимавшей бояръ и иноземцевъ, участвовавшей въ процессіяхъ, принимавшей участіе въ религіозныхъ спорахъ—не было ли все это знаменіемъ того, что старая Москва отжила свое и нужна только сильная рука, которая повела бы Русь на просторъ изъ ея оцѣпѣненія.

Но рука эта оказалась слишкомъ жесткой, шагъ впередъ былъ слишкомъ великъ, слишкомъ стремителенъ, и чтобы сдѣлать его, русскій народъ долженъ былъ сразу порвать съ прошлымъ, съ тѣмъ, что дорого и свято его душѣ, съ чѣмъ онъ сроднился и сжился,

Такъ нарушилось то правильное поступательное движеніе впередъ, которое начало пробивать себѣ пути въ царствованіе предшественниковъ Петра, которое хотя и медленно, но постепенно привело бы Россію къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ стремился Петръ. Бурный натискъ реформъ разорвалъ народъ на двѣ части и умчалъ съ собой лишь верхній слой, предоставивъ нижнему, долгое время забытому, жить прежней жизнью. И понадобилась долгая культурная работа двухъ вѣковъ, чтобы мало по малу сгладить эти пропасть, раздѣлившую „благородное шляхетство" и „подлый народъ".

---

[1]) См. Историко-Культ. Атласъ, вып. II.

Вводя новые порядки, работая надъ возсозданіемъ новой жизни, Петръ I безжалостно крушилъ старину во всѣхъ ея проявленіяхъ—гоненію подвергнуты русскія одежды, подъ ножницами новыхъ людей отлетали длинныя объяревыя полы, безобразныя треуголки смѣняютъ горлатную шапку и удалую мурмолку; только „подлый народъ“ сохраняетъ право носить „образъ и подобіе Божіе“ — бороду. Отброшено все, что напоминаетъ старину. И заброшена чудная, старая Москва, столько вѣковъ олицетворявшая собой всю Русь, не только олицетворявшая ее, но въ глазахъ иностранцевъ заслонявшая собою Русь. Петръ I не любилъ ее; слишкомъ сильна въ ней была старая Россія, а кромѣ того, съ ней у него связано было столько тяжелыхъ воспоминаній молодости. Но онъ не сразу бросилъ Москву. Сначала онъ только ушелъ изъ стараго Кремля на Яузу, поближе къ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ отстроилъ себѣ Лефортовскій дворецъ. Но дни Москвы, какъ столицы были сочтены. Центромъ Россіи становится Петербургъ, новый городъ, съ удивительной быстротой выросшій надъ финскими болотами. Построеніе города среди топей требовало неимовѣрнаго труда, средствъ, жизней людскихъ, и финская легенда такъ объяснила этотъ почти чудесный ростъ города: такъ какъ все, что ни строили на болотѣ, сейчасъ же проваливалось въ него, то Петръ построилъ весь городъ въ воздухѣ и потомъ сразу поставилъ его на болото; такъ онъ и стоитъ до сихъ поръ.

Первые годы военныя дѣла отвлекали вниманіе Петра и не давали ему возможности заняться благоустроеніемъ города и только съ 1711 г. онъ спокойно поселяется въ своемъ „парадизѣ“ и съ этого времени начинается энергичная дѣятельность по отстраиванію и приведенію въ порядокъ Петербурга. Это была лихорадочная, своеобразная дѣятельность. Петръ сначала желалъ, чтобы городъ былъ на теперешней Петербургской сторонѣ и тамъ сталъ строить церкви, дома, биржу, лавки, зданіе коллегій. Но это мѣсто перестаетъ нравиться ему и онъ рѣшаетъ перенести главное поселеніе въ Кронштадтъ. Между тѣмъ городъ разростается и захватываетъ пространство между Лѣтнимъ садомъ и Адмиралтействомъ. Но Петръ не доволенъ этимъ—онъ мечтаетъ обратить свою столицу въ подобіе Амстердама или Венеціи и проектируетъ замѣнить улицы каналами: для этой цѣли городъ переносится на Васильевскій островъ.

Главная мысль, которая владѣла Петромъ, было желаніе придать новой столицѣ видъ западно-европейскаго города, и онъ выписываетъ мастеровъ изъ различныхъ странъ. Въ результатѣ выросъ городъ, не похожій ни на русскіе города, ни на одинъ западно-европейскій городъ въ частности. Онъ пріобрѣлъ свой особый стиль, составившійся изъ множества разнородныхъ элементовъ, но все же больше всего приближавшійся къ типу голландскихъ городовъ, съ которыми его роднилъ и общій колоритъ мѣстности. Конечно, первые годы Петербургъ мало походилъ на настоящій городъ и болѣе напоминалъ нѣмецкую или голландскую деревню. Немощенныя улицы покрыты были непролазной грязью, троттуаровъ для пѣшеходовъ, конечно, не было. Улицы, прямыя и ровныя, перерѣзывали весь городъ и уходили въ болота, на десятки верстъ окружавшія „сей парадизъ“. Но уже при Петрѣ стали мостить улицы, проводить троттуары, по концамъ улицъ ставить рогатки и часовыхъ при нихъ, которые охраняли покой гражданъ отъ воровъ и грабителей, и ночью не пропускали подозрительныхъ лицъ. Тѣ же горожане, которые должны были выходить ночью изъ дома, обязаны были нести фонарикъ. Наконецъ, появились и фонари, освѣщавшіе улицы — около 600 штукъ на весь городъ.

Что касается общей физіономіи города, то она носила опредѣленный военно-чиновничій характеръ: вдоль прямыхъ улицъ тянулись некрасивыя мрачныя казармы, широкія площади были приспособлены для ученія войскъ и смотровъ (рис. 1 и 2). Въ центрѣ, на берегу Невы, высилось зданіе адмиралтейства съ его остроконечнымъ шпицемъ, съ его доками, гдѣ созидался русскій флотъ (3). Надъ невысокими, мазанковыми, деревянными или кирпичными зданіями съ высокими черепичными крышами кое гдѣ высились шпили кирокъ и православныхъ церквей, столь не похожихъ на обычный типъ русскаго храма. Посѣтившій Петербургъ въ 1720 г. иностранецъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ зыбкость почвы, на которой стоитъ городъ—такъ, при ѣздѣ на улицѣ, дома трясутся и съ нихъ валятся черепицы—но онъ же съ восторгомъ говоритъ о Лѣтнемъ садѣ, съ его правильно разбитыми дорожками, съ статуями, привезенными изъ Италіи, съ его многоводными фонтанами и гротомъ, отдѣланнымъ раковинами (5). Невскій Проспектъ, широкая аллея, тянувшаяся на нѣсколько верстъ, обсаженная съ обѣихъ сторонъ деревьями, съ рощицами и лужайками по бокамъ, оживлялъ городъ и придавалъ ему своеобразный видъ.

Таковъ былъ съ внѣшней стороны Петербургъ, столь мало схожій съ русскими городами, и удивительно скучный въ своемъ казарменномъ однообразіи, которое нарушали лишь пристававшіе суда съ ихъ яркими разноцвѣтными флагами, пестрившіе Неву и Мойку. Для эпохи Петра Петербургъ является самымъ типичнымъ городомъ, такъ какъ остальные города слишкомъ мало успѣли измѣнить общій характеръ и больше принадлежали еще XVII в., нежели XVIII.

Первые годы по основаніи Петербурга, все вниманіе Петра было направлено на оборудованіе крѣпости и порта. Сначала были возведены земляныя укрѣпленія въ формѣ шести бастіоновъ, съ нѣсколькими наружными верками. Внутри крѣпости находились небольшіе деревянные домики, крытые черепицей, или дерномъ. Здѣсь были дома коменданта крѣпости, плацъ-маіоровъ, канцелярія Сената, провіантскіе магазины, главная аптека, дома причта. Тутъ же въ крѣпости была построена деревянная церковь во имя апостоловъ Петра и Павла съ высокими шпилями.

Въ 1710 г. Петръ начинаетъ срывать земляныя укрѣпленія и возводить на ихъ мѣстѣ каменныя, съ крытыми батареями и казематами. На валахъ и веркахъ были разставлены крѣпостныя орудія. Черезъ рѣку былъ перекинутъ подъемный въ нѣсколькихъ мѣстахъ мостъ. Постройкой каменной крѣпости завѣдывалъ итальянскій архитекторъ Трезини. Постройка эта подвигалась медленно, съ большимъ трудомъ, т. к. приходилось строить крѣпостныя стѣны на зыбкой болотистой почвѣ, Петръ торопилъ съ работой и постройка не прекращалась и въ холодную погоду. Сырость, холода, способствовали развитію болѣзней среди рабочихъ и масса людей погибла тутъ отъ тифа и другихъ болѣзней. Крѣпость въ планѣ имѣла видъ неправильной звѣзды и каждый изъ бастіоновъ носилъ названіе по имени лицъ, наблюдавшихъ за постройкой его—Царскій, выходившій на Неву, Меньшиковскій, Нарышкинскій, Трубецкого, Головкинскій и Зотовскій. Особенно красивы въ этой крѣпости были ворота, называвшіеся Петровскими. Построены они были тѣмъ же архитекторомъ Трезини, и сначала, какъ и большая часть строеній петровскаго времени, были деревянными. Украшали ихъ рѣзной по дереву барельефъ, изображавшій Симона Волхва, низвергаемаго апостоломъ Петромъ, и огромныя деревянныя фигуры апостола Петра и св. Николая. Позже, эти ворота были замѣнены каменными, по своей формѣ не отличавшимися отъ деревянныхъ; въ такомъ видѣ они сохранились и до нашего времени. Ворота эти по благородной простотѣ формъ, по красотѣ, украшающихъ ихъ барельефовъ, являются однимъ изъ лучшихъ памятниковъ петровской эпохи (6 и 7).

ПОСТРОЙКИ. (Табл. II).

Первыя постройки Петербурга были деревянныя, но до нашего времени они не сохранились. Самымъ древнимъ домомъ Петербурга является домикъ Петра Великаго на Петербургской сторонѣ. По плану своему онъ представлялъ обычную избу изъ двухъ клѣтей съ сѣнями посрединѣ, но снаружи онъ не походилъ на русскія избы—бревенчатыя стѣны его были расписаны „подъ кирпичъ“, высокую черепичную крышу украшала деревянная мортира съ деревянными ядрами по сторонамъ. Въ настоящее время домикъ этотъ виденъ плохо, т. к. надъ нимъ по приказанію Екатерины II былъ построенъ какъ бы футляръ — каменный навѣсъ. Особенно интересно среди этихъ деревянныхъ построекъ было Адмиралтейство. Сначала оно имѣло видъ деревянныхъ амбаровъ, построенныхъ покоемъ и окруженныхъ валомъ. Посреди были устроены ворота съ башней, съ высокимъ шпицемъ. Позже эти деревянныя постройки были сломаны и замѣнены мазанковыми съ высокой башней и шпицемъ (табл. I, рис. 3). Въ серединѣ XVIII в. были уничтожены и эти постройки.

Дома частныхъ лицъ были тоже деревянныя; при этомъ большая часть домовъ вельможъ была выстроена на казенный счетъ. Среди нихъ отличался великолѣпіемъ домъ Меншикова, мазанковый, въ формѣ покоя, одноэтажный, съ высокимъ подвальнымъ этажемъ. Домъ этотъ назывался „посольскимъ домомъ“, такъ какъ долгое время былъ лучшимъ зданіемъ во всемъ Петербургѣ и служилъ мѣстомъ, гдѣ Петръ давалъ аудіенціи посламъ. Не смотря на то, что онъ былъ мазанковый, отдѣлка на немъ была каменная, а наличники оконъ были даже позолочены.

Недалеко отъ Лѣтняго сада на Милліонной, противъ Фонтанки, стоялъ мазанковый же „питейный“ домъ, родъ аустеріи съ большой залой, въ которой Петръ устраивалъ пиры и празднества. Императорскій дворецъ, а также и гостинный домъ были тоже сначала мазанковыя.

Но Петръ не хотѣлъ мириться съ деревянными постройками и уже въ 1714 г. издаетъ указъ, предписывающій строить не деревянные дома, но только мазанковые и кирпичные. Вслѣдствіе этого указа многія постройки изъ дерева были разрушены и замѣнены кирпичными. Боясь, что въ Петербургѣ не хватитъ каменщиковъ, Петръ издалъ указъ, воспрещающій во всей Россіи возводить каменныя строенія „подъ разореніемъ всего имѣнія и ссылкою“ до тѣхъ поръ, пока не будетъ отстроенъ Петербургъ. Со всѣхъ концовъ Россіи въ Петербургъ сзывались мастера, каменщики, маляры. Всѣмъ служащимъ и дворянамъ было предписано строить себѣ дома въ Петербургѣ, при чемъ было точно указано, какой надлежало строить домъ — дома должны строиться по линіи улицы, а отнюдь не въ глубинѣ двора, какъ любила старая Москва. Свободѣ, фантазіи, мѣста не было въ Петербургѣ: созданная Петромъ Канцелярія строенія выработала образцовый типъ домовъ, съ которымъ должны были сообразоваться люди въ зависимости отъ занимаемаго ими положенія въ обществѣ; въ этихъ проектахъ точно опредѣлялось сколько комнатъ, оконъ, трубъ, воротъ долженъ былъ имѣть домъ „подлага“, „зажиточнаго“ или „именитаго“ человѣка (1, 2, 3 и 4). Дома предписывалось строить кирпичные или по крайней мѣрѣ, на каменномъ фундаментѣ, и на деревянныхъ каркасахъ мазанковыя, такъ называемой „прусской манерой“. Дома эти однообразные, скучные съ слѣпыми окошечками, съ высокими черепичными крышами и однообразными фронтонами на воротахъ, заставляютъ пожалѣть о красивыхъ домикахъ Московской Руси, съ прихотливой рѣзьбой и яркими красками.

Главными архитекторами, конечно, были иностранцы, которыхъ Петръ приглашалъ изъ разныхъ странъ, при чемъ не только эти иностранцы работали въ Петербургѣ въ одно время, но часто надъ однимъ и тѣмъ же зданіемъ трудились и французы, и нѣмцы, и голландцы и итальянцы, что, конечно, не могло не препятствовать выработкѣ единства стиля; но всѣ эти иностранцы, независимо отъ ихъ національности, привозили въ Петербургъ отличительныя черты стиля барокко, господствовавшаго въ Западной Европѣ въ это время, съ его тяжелыми формами, пышными, однообразными украшеніями. Первымъ пріѣхалъ въ Петербургъ Трезини, уроженецъ сѣверной Италіи, города Лугано, привезшій съ собой цѣлую кампанію помощниковъ. Онъ около 30 лѣтъ прожилъ въ Петербургѣ и первые годы былъ единственнымъ архитекторомъ. Именно ему принадлежатъ проекты образцовыхъ домовъ. Самой ранней изъ его построекъ, сохранившихся до настоящаго времени, являются Петровскія ворота Петропавловской крѣпости. Имъ же построенъ огромный корпусъ двѣнадцати коллегій (нынѣ Университетъ). Но наилучшимъ произведеніемъ его были Петропавловскій соборъ и проектъАлександро-Невской Лавры. Одновременно съ Трезини работали въ Петербургѣ французъ Леблонъ, нѣмцы Шлютеръ и Маттернови, итальянецъ Микетти и др.

Однимъ изъ самыхъ роскошныхъ домовъ Петербурга былъ домъ Меншикова (5). Онъ былъ на Васильевскомъ островѣ, на берегу Невы, къ которой вела широкая и отлогая лѣстница. Домъ красиво оттѣнялъ портикъ съ колоннами; оригинальный видъ придавала ему высокая крыша, раздѣленная на три части; за нимъ былъ разбитъ садъ. Дворецъ внутри былъ отдѣланъ съ большой роскошью. Въ настоящее дремя дворецъ этотъ сильно передѣланъ и почти неузнаваемъ (въ немъ помѣщается Павловскій корпусъ). Были обширныя палаты и у другихъ вельможъ. На приведенномъ рисункѣ мы видимъ дома Шафирова и Зотова — высокія зданія съ уступчатыми крышами (6). Зато императорскіе дворцы Петра были невелики, невзрачны.

Екатерина I, взойдя на престолъ, нашла недостаточнымъ старый Зимній дворецъ и приказала построить новый, большихъ размѣровъ. Постройка была поручена Трезини, который пристроилъ къ прежнему средній фасадъ и крыльцо, такъ что старый дворецъ сталъ служить боковой частью новаго (7).

Лѣтній дворецъ, въ Лѣтнемъ саду, сохранившійся до нашихъ временъ, былъ построенъ извѣстнымъ архитекторомъ Шлютеромъ, при чемъ онъ, очевидно, не разрушая стараго небольшого зданія, пристроилъ къ нему симметричную часть. Въ этомъ, простомъ, неизящномъ по формамъ, зданіи обращаютъ вниманіе замѣчательно красивые барельефы, украшающіе простѣнки окнами; сюжетомъ для нихъ служатъ мифологическія темы (8).

Однимъ изъ самыхъ красивыхъ и замысловатыхъ зданій Петербурга временъ Петра, была Кунсткамера; это зданіе построенное архитекторомъ Маттернови, состояло изъ трехъ частей—высокой башни и примыкающихъ къ ней флигилей съ разукрашенными боковыми фронтонами (9). Въ настояще время зданіе это, значительно опрощенное и лишенное многихъ скульптурныхъ украшеній, служитъ библіотекой Академіи Наукъ.

Не довольствуясь отстраиваніемъ Петербурга, Петръ Великій уже въ 1711 г. началъ украшать и окрестности Петербурга; такъ появляются загородные дворцы въ Петергофѣ, Стрѣльнѣ, при чемъ постройка этихъ дворцовъ тѣсно связана съ именемъ архитектора француза Леблона, талантами котораго Петръ особенно восхищался и цѣлые часы проводилъ съ нимъ, бесѣдуя о новыхъ постройкахъ и проектахъ. Въ бумагахъ Эрмитажа сохранился проектъ Леблона, неприведенный въ впрочемъ, въ исполненіе: по этому проекту предполагалось воздвигнуть въ Стрѣльнѣ огромный дворецъ съ „комедійнымъ" заломъ, съ отдѣльными павильонами, съ оранжереями—словомъ, создать изъ Стрѣльны „второй Версаль". Этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе; зато въ Петергофѣ Леблонъ достроилъ начатый ранѣе дворецъ и построилъ нѣсколько небольшихъ павильоновъ Постройка дворца представляла собой нѣчто въ высшей степени сложное — дворецъ былъ расположенъ недалеко отъ рѣки, отъ которой отдѣлялся обширной площадкой, на которой были устроены каскады и фонтаны; дворецъ не великъ, но очень красивъ и хорошо гармонируетъ съ окружающей мѣстностью (10). Онъ окруженъ тѣнистымъ паркомъ, въ которомъ были разбросаны небольшіе дворцовые павильоны—Эрмитажъ, Монплезиръ, Мабли, смотрящійся въ гладь озера. Эти павильоны красивы и уютны, и выдѣляются своей благородной красотой среди пышныхъ и вычурныхъ загороднихъ дворцовъ Петербурга.

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО ДОМОВЪ (Табл. III).

О внутреннемъ убранствѣ домовъ частныхъ лицъ Петровскаго времени сохранилось не много свѣдѣній. Вѣроятно и тамъ шла такая же борьба двухъ теченій — привычки и моды. Привычки влекли къ старому укладу жизни, мода и царская воля—къ новому. Дома, построенные по новому, часто были мало удобны для жилья. Большія залы зимой были холодны, такъ какъ не умѣли устроить соотвѣтствующія ихъ размѣрамъ печи; пользовались этими залами только для большихъ вечеровъ, а сами хозяева жили въ тѣсныхъ и маленькихъ комнатахъ. Въ деревянныхъ домахъ Петербурга, наскоро сколоченныхъ, случалось, что потолки протекали во время парадпаго пира и вода капала на обѣдавшихъ и портила ихъ расшитые золотомъ костюмы. Освѣщались дома по прежнему—окнами изъ слюды, такъ какъ стекла долгое время служили недоступной роскошью.

Конечно, все сказанное не можетъ относиться въ равной мѣрѣ ко всѣмъ домамъ. Вельможи начала XVIII в. отдѣлывали свои дома съ рѣдкой роскошью, поручали скульпторамъ и художникамъ украшать стѣны залъ живописью, рѣзьбой и барельефами. Конечно, первое мѣсто среди этихъ роскошныхъ дворцовъ занимали палаты кн. Меншикова. Съ большой роскошью были отдѣланы дворцы царскіе въ Петергофѣ, Стрѣльнѣ и Екатерингофѣ. Камеръ-юнкеръ Берхгольцъ такъ описываетъ первый изъ этихъ дворцовъ: главный корпусъ состоялъ изъ двухъэтажнаго зданія. Нижній этажъ былъ отведенъ прислугѣ, на верху же помѣщалась царская семья. Входили сразу въ большія свѣтлыя сѣни съ красивыми колоннами, съ лѣстницей на верхъ. На верху была большая зала съ дивнымъ видомъ на море, на Кронштадтъ и Петербургъ. Комнаты остальныя не велики, но убраны хорошо красивой мебелью, много картинъ на стѣнахъ. Особенно замѣчателенъ кабинетъ царя, отдѣланный великолѣпными рѣзными украшеніями работы французскаго мастера. Тутъ помѣщается и библіотека царя, состоящая изъ голландскихъ и русскихъ книгъ. За дворцомъ прекрасный садъ и звѣринецъ. Передъ дворцомъ садъ спускается тремя уступами, въ немъ много бесѣдокъ, гротовъ, фонтановъ. Недалеко отъ царскаго дворца, небольшой павильонъ—Монплезиръ, стоящій въ прекрасномъ саду. Возлѣ него выложенный камнемъ прудъ, въ которомъ плаваютъ

лебеди. По другую сторону—Марли, тоже расположенный на небольшомъ островкѣ. Все вмѣстѣ создавало удивительно живописный и уютный уголокъ (см. табл. II, рис. 10).

До нашего времени уцѣлѣло не много комнатъ, сохранившихъ отдѣлку петровскаго времени — таковы, напримѣръ, дворцы въ Екатерингофѣ (рис. 1 и 2), въ Петербургѣ, въ Ревелѣ. Въ большинствѣ сохранившихся дворцовъ непріятно поражаетъ масса украшеній, грузность лѣпныхъ орнаментовъ, тяжелая орнаментовка каминовъ, которые украшались съ особымъ пристрастіемъ. Особенно типиченъ въ этомъ отношеніи пышно украшенный залъ Екатеринентальскаго дворца въ Ревелѣ, отстроенный въ 1718–23 г. г. итальянцемъ Микетти (3). За то комнаты такъ называемаго Лѣтняго дворца въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, просты и уютны. Не большія, не высокія, съ маленькими окошечками, скромными скульптурными украшеніями потолка, онѣ меньше всего говорятъ о царскомъ величіи. Въ этихъ комнатахъ сохранилась простая мебель, которая была при великомъ преобразователѣ, его глобусъ (4 и 5), изразцовая плита въ кухнѣ, гдѣ Екатерина сама готовила ему любимыя кушанья.

Въ обстановкѣ домовъ замѣчается тоже большая перемѣна—выписываются изъ заграницы мебель, зеркала. Стѣны украшаютъ картины иностранныхъ, а также и русскихъ художниковъ; особенно охотно вѣшали на стѣнахъ портреты хозяевъ, ихъ родственниковъ, друзей. Окна украшаютъ гардинами, драпировками, стѣны обиваютъ дорогими шпалерами, или матеріей.

Въ столовой утвари господствуетъ прежняя роскошь. На пирахъ у вельможъ подаютъ посуду изъ чистаго золота и серебра. О томъ, какой цѣнности достигала золотая и серебряная посуда, говоритъ ужасающая цифра стоимости посуды, конфискованной у Меншикова, при его ссылкѣ—она оцѣнена была въ 200000 рублей.

ОДЕЖДЫ. (Табл. IV).

Стремясь какъ можно болѣе сблизить Русь съ Западомъ, Петръ Великій рѣшилъ уничтожить и то внѣшнее отличіе въ одеждѣ, которое прежде всего бросалось въ глаза каждому. Слѣдствіемъ явилось запрещеніе носить русскія одежды и бороды. Правда, въ первое время Петръ не принуждалъ всѣхъ стричь бороды, но разрѣшалъ не желающимъ разставаться съ бородами платить особую пошлину въ размѣрѣ ста рублей въ годъ, при чемъ уплатившему выдавался особый „бородовой знакъ“ (рис. 1). Но въ 1699 г. послѣдовалъ новый указъ, окончательно воспретившій ношеніе бородъ людямъ всѣхъ сословій, кромѣ духовенства и крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось всѣмъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ и духовенства, носить—мужчинамъ саксонское и французское, а женщинамъ нѣмецкое платье. Непокорныхъ останавливали на улицѣ и силой брили бороды и рѣзали длинныя полы кафтановъ (2). Продававшіе русскую одежду, даже скобы для русскихъ сапогъ, ссылались на каторгу.

Эти мѣры вызвали волненіе, ропотъ; роптали не только простой темный людъ, но и бояре, а еще болѣе духовенство. Чтобы понять это, нужно вспомнить, какъ смотрѣлъ русскій человѣкъ на бороду, какъ онъ осуждалъ „бороды своей подстригателей“, какъ любилъ свою одежду. Многіе серьезно задумывались надъ вопросомъ, можно ли попасть въ рай, обривъ бороду, и бережно хранили ее, завѣщая положить съ собой въ гробу, чтобы предстать на томъ свѣтѣ съ бородою. Митрополитъ Ростовскій Димитрій въ своихъ проповѣдяхъ настойчиво убѣждалъ паству, что не въ бородѣ заключается „образъ и подобіе Божіе“, и не она ведетъ къ спасенію, но убѣжденія его слабо дѣйствовали.

Мало понятенъ былъ темному народу смыслъ реформъ Петра, онъ видѣлъ въ нихъ только ломку стараго, привычнаго уклада, который считалъ неизмѣннымъ, освященнымъ предками обычаемъ. Царь гонитъ русскія одежды, брѣетъ бороды, разрѣшаетъ курить дьявольское зелье — табакъ, живетъ самъ не по царскому обычаю—ѣздитъ за границу, знается съ нѣмцами, не соблюдаетъ старые обычаи, при живой женѣ, заключенной въ монастырь, женится на басурманкѣ нѣмкѣ—словомъ, все будило мысль, возбуждало сомнѣнія, порождало ропотъ, и въ этой борьбѣ за старину

противъ новизны, которая ознаменовало начало XVIII в., вопросъ о бородѣ занялъ видное мѣсто — борода перестала служить только деталью наружности, но стала какъ бы знаменемъ, вокругъ котораго объединялись сторонники старины.

Костюмъ „благородныхъ“ людей петровской эпохи состоялъ изъ короткихъ кафтановъ, полы которыхъ обшивались позументами, длинныхъ камзоловъ, замѣнявшихъ жилетъ, короткихъ панталонъ, башмаковъ съ большими пряжками и длинныхъ чулокъ (3, 4 и 5). Костюмъ этотъ дополнялъ длинный завитой „алонжевый“ парикъ и треугольная шляпа. Но если велика была разница въ мужскомъ одѣяніи по сравненію съ старымъ московскимъ нарядамъ, то еще больше была она въ женскомъ нарядѣ: тамъ все было противоположно прежнимъ понятіямъ приличія и красоты; не только лицо, но и руки, и плечи теперь были открыты, и широкій вырѣзъ лифа лишь обрамлялся кружевомъ. Привыкшій къ свободѣ станъ былъ тѣсно скованъ узкимъ и высокимъ корсетомъ, который дѣлалъ талію непомѣрно длинной и неподвижной. Прямой узкій лѣтникъ и опашень смѣнили широчайшія съ множествомъ складокъ робы съ длинными „шлепами“, какъ наши щеголихи называли шлейфы, съ широкими фижмами на китовомъ усѣ, которыя еще больше стѣсняли движенія. Волосы уже не закрывали кокошникомъ и кикой, но складывали въ замысловатую прическу, спускали длинными локонами, убирали жемчугомъ, камнями, цвѣтами (6 и 7). Нужно сказать, что изъ за причесокъ приходилось особенно страдать щеголихамъ, такъ какъ при Петрѣ I въ Петербургѣ былъ только одинъ парикмахеръ и для того чтобы пріѣхать на балъ съ модной прической, дамѣ не рѣдко приходилось сдѣлать ее дня за три, и двѣ ночи спать сидя, чтобы не попортить сложнаго сооруженія, возведеннаго рукой мастера. Но не все старое было оставлено — при перемѣнѣ всей внѣшности сохранился обычай по прежнему румяниться и бѣлиться и подводить брови и глаза, при чемъ эта подрисовка выполнялась попрежнему безвкусно и грубо, такъ что лица многихъ дамъ блестѣли отъ густо положенныхъ румянъ и бѣлилъ. Вообще страсть къ нарядамъ развивалась съ изумительной быстротой. Мы уже отмѣчали выше, что русскія одежды, при всей ихъ роскоши, не были совсѣмъ непрактичны, дорогой шитый золотомъ зипунъ, или лѣтникъ передавался по наслѣдству къ внукамъ и правнукамъ, и не терялъ своего значенія, какъ нарядное, праздничное платье, пока не изнашивался. Теперь въ общество проникаетъ мода—дамы и мужчины не довольствуются имѣть одно—два дорогихъ платья, но стремятся имѣть новые костюмы къ каждому празднику. Страсть къ щегольству среди дамъ поддерживала Екатерина, которая любила роскошныя и яркія платья, а среди мужчинъ — Меншиковъ, тратившій на свой гардеробъ огромныя суммы. Императрица и дамы являлись въ платьяхъ шитыхъ золотомъ, блестками, камнями, съ прическами, залитыми брилліантами. Екатерина I вводитъ запрещеніе одѣваться одинаково съ ней и такимъ образомъ оказался подъ запрещеніемъ ея любимый мѣхъ горностай, который становится въ Россіи мѣхомъ, долгое время носимымъ только особами императорскаго дома, тогда какъ въ Германіи его носили всѣ мѣщанки.

Вообще роскошь, проникавшая все глубже и глубже въ общество принимала утрированныя, уродливыя формы. Общество слишкомъ мало развитое, чтобы воспринять сущность культуры, принимало только ея внѣшній лоскъ и стремилось перещеголять въ роскоши и блескѣ западно-европейскія столицы, что ему въ значительной степени и удалось. По крайней мѣрѣ иностранцы, бывавшіе въ Петербургѣ, свидѣтельствуютъ, что по роскоши Петербургскій дворъ не уступалъ Вѣнскому и Парижскому. Петръ, съ одной стороны пытавшійся сократить роскошь (такъ онъ ограничивалъ изготовленіе дорогихъ позументовъ и галуновъ 50 пудами въ годъ и т. д.) съ другой, самъ поощрялъ роскошь. Ведя крайне простую жизнь, онъ любилъ, чтобы дворъ Екатерины былъ блестящъ и великолѣпенъ. Того же требовалъ онъ и отъ своихъ приближенныхъ, которымъ поручалъ устраивать у себя великолѣпныя празднества въ честь иностранныхъ пословъ.

РАЗВЛЕЧЕНІЯ. (Табл. V).

Съ начала XVIII в. совершенно мѣняется строй русской жизни, конечно, не во всей массѣ населенія, но въ его верхнихъ слояхъ. Мѣняются забавы и развлеченія. Выше мы говорили уже о развлеченіяхъ Московской Руси и отмѣчали, что особенностью ихъ являлось строгое и полное разграниченіе мужчинъ отъ женщинъ: послѣднія никогда не принимали участія въ забавахъ мужей. Другой особенностью можно считать то обстоятельство, что Московская Русь не знала развлеченій общественнаго характера – всѣ развлеченія носили характеръ чисто семейный, въ нихъ участвовали только близкіе знакомые, родственники.

Петръ I ввелъ развлеченія иного характера, сдѣлавъ ихъ общественными, и не только допустилъ, но потребовалъ присутствія на нихъ женщинъ, дѣвушекъ и замужнихъ: двери терема навсегда распахнулись для нихъ. Вѣчныя теремныя затворницы, безгласныя рабыни своихъ мужей и отцовъ, онѣ сразу стали членами общества.

Наконецъ, можно отмѣтить еще одну особенность, отличающую жизнь начала XVIII в. Петръ Великій, стремясь регулировать всю жизнь своихъ подданныхъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы эти подданные веселились по собственному усмотрѣнію и вкусу; онъ точно опредѣляетъ какъ и какимъ образомъ должны были они пользоваться развлеченіями. Такъ, онъ ввелъ „ассамблеи“—вечера, которые по указу государя или полицеймейстера должны были устраивать у себя разные лица. Въ указѣ опредѣлялось, что ассамблеями называются „вольное въ домѣ собраніе или съѣздъ, не токмо для забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и переговорить о всякой нуждѣ, также слышать, что гдѣ дѣлается, при томъ же и забава. Въ которомъ домѣ ассамблея имѣетъ быть, то надлежитъ, или письмомъ, или инымъ знакомъ объявить людямъ, куда вольно каждому придти, какъ мужескому, такъ и женскому. Ранѣе 4 или 5 часовъ не начинается, а долѣе 10 пополудни не продолжается. Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать, но только повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребляемое въ жажду кто проситъ, игры на столахъ употребляемыя. Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени: также тутъ быть сколько кто похочетъ, и отъѣзжать воленъ когда хочетъ. Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить, или унимать; также церемоніи дѣлать вставаніемъ, провожаніемъ и прочимъ, отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтить поклономъ должно. Опредѣляется какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тоже, разумѣется, и о женскомъ полѣ ихъ женъ и дочерей“.

Петръ Великій самъ аккуратно посѣщалъ ассамблеи и строго слѣдилъ, чтобы „женскій полъ“ не пропускалъ ихъ безъ уважительной причины. Онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы въ точности исполнялись всѣ пункты указа, при чемъ не дозволялъ оказывать особаго вниманія даже самому себѣ. Онъ запросто бесѣдовалъ съ присутствующими, иногда садился играть въ шашки; никакихъ азартныхъ игръ на ассамблеяхъ не дозволялось. Царь курилъ свой кнастеръ, пилъ пиво, иногда принималъ участіе въ танцахъ, изобрѣтая замысловатыя фигуры, и заставляя наряду съ молодежью прыгать и бѣгать и стариковъ.

Вообще, ассамблеи представляли собой интересное бытовое явленіе, такъ какъ демократическій характеръ ихъ далеко отодвинулъ ихъ отъ старо-московскихъ пировъ, съ ихъ мѣстами по „чести родовой“ и еще дальше отъ позднѣйшихъ собраній и баловъ. Здѣсь все было просто, грубо; наскоро приспособленные покои, освѣщенные сальными свѣчами, пропитанные дымомъ кнастера, масса народа танцующаго, играющаго въ шашки, стукъ которыхъ смѣшивался съ духовой музыкой. И какая странная смѣсь одеждъ и лицъ: представители старыхъ боярскихъ родовъ, „выскочки“, дослужившіеся до высокихъ чиновъ, купцы, иностранные шкипера, мастера въ ихъ неэлегантныхъ костюмахъ, и тутъ же царь, царица, весь дворъ.

Главнымъ развлеченіемъ на ассамблеяхъ служили танцы, въ которыхъ иногда участвовали и старики. Общимъ правиломъ было, что каждый изъ присутствующихъ могъ приглашать на танцы любую изъ дамъ или дѣвицъ, и никто изъ приглашенныхъ не могъ отказать кавалеру. Первое

время, по словамъ иностранцевъ, дамы сидѣли „аки нѣмыя“, танцуя, путались въ длинныхъ шлейфахъ, не умѣли, что называется, шагу ступить; не ловчѣе ихъ были и кавалеры, которыхъ стѣсняли ихъ шпаги и расшитые золотомъ кафтаны, съ твердыми отъ шитья фалдами. Но оказалось, что танцы были самой легкой наукой изъ всѣхъ предписанныхъ царемъ, и въ скоромъ времени и кавалеры и дамы постигли въ совершенствѣ эту премудрость. Дамы въ ловкости и грацiи не уступали француженкамъ и нѣмкамъ и научились бойко болтать на варварской смѣси русскихъ и иностранныхъ словъ, исказившихъ русскiй языкъ. Говоря о танцахъ, нужно оговориться, что тогдашніе танцы представляли собой нѣчто своеобразное и не похожее на танцы въ современномъ смыслѣ. Кромѣ плавнаго менуэта, состоявшаго изъ мѣрныхъ движенiй и церемонныхъ реверансовъ, остальные танцы — англезъ, полонезъ, аллемандъ, исполнялись очень оригинально и находчивости кавалера и дамы, танцовавшихъ въ первой парѣ, предоставлялось изобрѣтать новыя фигуры, которыя обязаны были исполнять всѣ танцующіе: напримѣръ, дама стаскивала парикъ у своего кавалера на лицо и цѣловала его въ губы, кавалеръ придумывалъ невообразимые прыжки и пируэты, которымъ должны были подражать остальные,—этимъ особенно отличался самъ Петръ. Кавалеръ танцовалъ, поставивъ на голову чарку съ виномъ и т. д. Музыка на ассамблеяхъ играла духовая, такъ какъ другой сначала не знали и только герцогъ Гольштинскiй первый привезъ въ Петербургъ струнный оркестръ, который всѣ наперерывъ приглашали.

Кромѣ ассамблей устраивались въ домахъ у разныхъ лицъ балы, на которые съѣзжались гости уже по особому приглашенію. Начинались такiе званые собранiя часто обѣдомъ, за которымъ мужчины и дамы сидѣли въ разныхъ комнатахъ, при чемъ въ первой комнатѣ прислуживалъ самъ хозяинъ, или его сыновья, дамамъ же прислуживала хозяйка или дочери хозяина. Кушанiй подавалось много, но большею частью приготовлены они бывали плохо, за то вина лились рѣкой. Провозглашалось множество тостовъ и не пить считалось неприличнымъ. Послѣ обѣда начинались танцы, при чемъ въ частныхъ домахъ не было той свободы, какъ на ассамблеяхъ. Танцы открывали „польскимъ“. Затѣмъ слѣдовалъ менуэтъ, который танцовала одна пара—хозяинъ или хозяйка. Послѣ того менуэтъ могли танцовать нѣсколько паръ, но только приглашенные первой парой Танцы длились долго, прерывались ужиномъ съ новой попойкой и возобновлялись послѣ ужина.

Другимъ видомъ общественныхъ развлеченiй были гулянья въ Лѣтнемъ саду, которыя лѣтомъ устраивались почти еженедѣльно. Жители Петербурга съ ранняго утра оповѣщались флагами, вывѣшивавшимися на бастiонахъ Петропавловской крѣпости; позже, часовъ въ 5, раздавались пушечные выстрѣлы, услышавъ которые всѣ должностныя лица, дворяне, иностранные матросы, корабельные мастера, купцы съ ихъ женами и дочерьми должны были спѣшить въ Лѣтнiй садъ. При входѣ всѣхъ встрѣчала императрица съ дочерьми и подносила по чаркѣ вина. Въ саду играли въ кости, разговаривали, любовались звѣринцемъ и „птичникомъ“, гдѣ Петръ собралъ много рѣдкихъ породъ звѣрей и птицъ. Въ тоже время на Царицыномъ лугу играла музыка, но охотниковъ слушать ее находилось мало. Въ шесть часовъ въ саду появлялись рослые гвардейцы, которые на носилкахъ несли ведро простой водки и ковши. Всѣ присутствующiе должны были выпить ковшъ за здоровье государя, а нежелавшихъ къ этому принуждали силой; исключенiй не дѣлали никому, даже и женщинамъ. Послѣ этого угощенiя садъ запирали и болѣе не впускали и не выпускали изъ него никого до тѣхъ поръ, пока государь не давалъ знака.

Когда наступали сумерки, въ аллеяхъ зажигали фонарики и начинались танцы, а въ то же время въ другихъ аллеяхъ готовили столы для ужина. Кончался вечеръ фейерверкомъ или „огненной потѣхой“, который сжигали на Невѣ, на судахъ. Послѣ фейерверка отпирались садовыя ворота и гости могли возвращаться по домамъ.

Съ несравненно большей роскошью праздновались торжественные дни,—годовщины радостныхъ событiй, побѣдъ и т. д., или же спускъ новаго корабля. Тогда весь городъ съ утра украшался флагами, Нева пестрѣла множествомъ лодокъ съ яркими флагами, съ утра воздухъ оглашался пальбой, звономъ колоколовъ и музыкой. Вечеромъ весь городъ бывалъ иллюминованъ и сжигался грандiозный фейерверкъ.

Желая привить подданнымъ такую же любовь къ мореходству, какую чувствовалъ самъ, Петръ приказалъ жителямъ Петербурга завести небольшiя суденышки. Много такихъ лодокъ было построено на казенный счетъ и роздано желающимъ. Въ праздничные дни, по сигналу, всѣ вла-

дѣльцы судовъ должны были собираться къ Петропавловской крѣпости, при чемъ, неявившіеся уплачивали штрафъ. Когда собиралась вся флотилія, въ составъ которой входило штукъ 50—60 большихъ лодокъ, или яхточекъ и еще болѣе маленькихъ лодочекъ, или верейкъ, то, при звукахъ музыки, всѣ направлялись куда либо по Невѣ, или на взморье, слѣдуя за судномъ съ адмиральскимъ флагомъ и исполняя всѣ тѣ эволюціи, которыя исполняются на немъ. Въ такихъ прогулкахъ обыкновенно принимали участіе государь съ семьей и всѣ вельможи (рис. 1).

Кромѣ такихъ, такъ сказать, рядовыхъ развлеченій, бывали праздники, выходящіе изъ ряда по своей продолжительности и пышности: такъ праздновалъ Петръ въ Москвѣ Полтавскую битву, въ честь которой была устроена торжественная процессія, въ которой самъ царь ѣхалъ верхомъ на томъ самомъ гнѣдомъ конѣ, который носилъ его по Полтавскимъ полямъ въ день боя. Народъ встрѣчалъ шествіе съ пѣніемъ и музыкой, дѣвушки бросали цвѣты. Улицы, черезъ которыя проходила процессія убраны были зеленью, и на нихъ красовались тріумфальныя арки. Съ еще большей пышностью былъ отпразднованъ Ништадскій миръ. По всей Москвѣ, по направленію къ Кремлю двинулась грандіозная процессія, въ которой на саняхъ, запряженныхъ разными звѣрями, ѣхали замаскированные: тутъ были и герои миѳологіи — Нептунъ съ трезубцемъ, и Вулканъ, и Бахусъ въ бочкѣ, и представители различныхъ народностей Россіи. Но центръ во всей процессіи составляли корабли на полозьяхъ, при чемъ на палубѣ самаго большого короблята стоялъ самъ царь. Корабль, казалось, плылъ на всѣхъ парусахъ, а по палубѣ бѣгали матросы, подавали сигналы, поднимали и спускали паруса. Рядомъ въ пышно убранной гондолѣ слѣдовала императрица (2). Безчисленныя толпы народа слѣдовали за процессіей. Вечеромъ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ съ транспарантами. День заключенія мира праздновался каждый годъ, но уже съ меньшей пышностью.

При Петрѣ стали доступны для народа развлеченія, которыми прежде пользовались лишь царь, да его приближенные — театръ. Первоначально общедоступный театръ былъ открытъ въ Москвѣ на Красной площади нѣмцемъ Кунстомъ. Цѣны въ этомъ театрѣ были отъ гривенника до алтына, спектакли давались два раза въ недѣлю и сначала театръ дѣлалъ хорошіе сборы, но скоро интересъ къ нему палъ, причиной чего служилъ неудачный выборъ пьесъ, главнымъ образомъ переводныхъ; Кунстъ сбѣжалъ, его замѣнилъ другой нѣмецъ—Фирстъ, при которомъ дѣла шли еще хуже, и театръ былъ закрытъ. Въ Петербургѣ тоже былъ народный театръ на Царицыномъ лугу; тамъ подвизались нѣмецкіе и русскіе актеры, но безъ большого успѣха. Но это все, такъ сказать, лицевая сторона медали; во всѣхъ развлеченіяхъ Петровской эпохи поражаетъ необыкновенная грубость нравовъ, вкусовъ. Общество восприняло только внѣшній лоскъ культуры, перемѣнило одежду и прическу, но не взгляды и привычки. И быть можетъ теперь, изъ подъ пудренныхъ париковъ и роброновъ съ фижмами, еще болѣе грубыми казались старые московскіе нравы. То что дѣлалось прежде въ глубинѣ боярскихъ дворовъ, за высокими оградами, теперь было вынесено на народъ, и стало дѣлаться открыто, объ этомъ стали говорить и иностранцы, да и сами русскіе. По прежнему штатъ дома составляли шуты, дураки, сказочники, одѣтые, правда, въ французскіе камзолы. Подходящихъ для этой цѣли людей выписывали изъ далека, дарили другъ другу, гордились ими. Напримѣръ, кн. Меншиковъ посылалъ своей родственницѣ дѣвку, которая можетъ безъ умолку болтать цѣлый день, „она будетъ вамъ за папагая“ пишетъ онъ ей. При дворѣ тоже были карлы и шуты — особенно знамениты любимые шуты Петра, Балакиревъ и Лакоста, отличавшіеся большимъ остроуміемъ. Развлеченіемъ, занявшимъ на долго Петербургъ, послужила свадьба двухъ карликовъ; на эту свадьбу были созваны карлики со всего государства (3). По прежнему развлекались кулачными боями, травлей медвѣдей, скоморохами.

Грубость нравовъ, неуваженіе чужой личности, приводили въ петровскомъ обществѣ къ тому, что сильный издѣвался надъ слабымъ, который чувствовалъ себя беззащитнымъ передъ сильнымъ. Интересный штрихъ даетъ слѣдующая картина: у кн. Ромодановскаго въ домѣ содержался огромный бѣлый медвѣдь, который былъ выдрессированъ такъ: если гость не снималъ приходя въ домъ своевременно шляпу, то къ нему подходилъ медвѣдь и стаскивалъ шляпу. Можно представить ужасъ гостя, когда къ нему подходилъ такой оригинальный служитель и снималъ шапку, когда только съ парикомъ, а когда прихватывалъ и кожу. И всѣ это терпѣли, и не возмущались (4).

ВОЙСКО И ФЛОТЪ (Табл. VI).

Ядромъ новой русской арміи суждено было стать „потѣшнымъ полкамъ“, созданнымъ Петромъ еще во времена своего отрочества изъ товарищей воинскихъ игръ. Дѣтскія забавы Петра съ теченіемъ времени принимали все болѣе серьезный характеръ; въ 1684 г. онъ устроилъ примѣрную войну между своими потѣшными и старымъ стрѣлецкимъ войскомъ, которое было разбито. Черезъ десять лѣтъ маневры повторились, но приняли болѣе крупные размѣры—Петръ предпринялъ цѣлый походъ; онъ носитъ названіе Кожуховскаго похода, такъ какъ дѣйствія сосредоточивались возлѣ села Кожухова; новыя войска вели подкопы, строили укрѣпленія, подводили мины. Войска обѣихъ сторонъ дѣйствовали съ увлеченіемъ, такъ что забава приняла характеръ настоящаго сраженія съ ранеными и убитыми — въ числѣ раненыхъ были самъ Петръ, которому при взрывѣ опалило лицо, и Лефортъ. Снова побѣда была на сторонѣ новыхъ войскъ молодого царя.

Азовскіе походы ясно подчеркнули неудобства стараго военнаго строя: стрѣлецкое войско меньше всего готовое къ войнѣ, неохотно и безъ увлеченія несло свои обязанности, помѣстная конница, вооруженная не одинаково, съ огромными обозами, плохо обученная, была тоже не надежнымъ войскомъ. Стрѣлецкій бунтъ довершаетъ рѣшимость царя реформировать армію и Петръ на слѣдующій же годъ объявляетъ рекрутскій наборъ по одному человѣку со ста,

Первый наборъ далъ царю армію въ 32000 человѣкъ. Новое войско состояло изъ двадцати семи пѣхотныхъ и двухъ драгунскихъ полковъ. Обучены новые полки были по западно-европейскому образцу, и первоначально офицеры были почти исключительно иностранцы, что, конечно, не могло не отражаться вредно на обученіе солдатъ. Впрочемъ, изъ трехъ высшихъ начальниковъ только одинъ, Вейде, былъ нѣмецъ, другими начальниками были Головинъ и Репнинъ.

Неудача Нарвскаго похода показала Петру, что новая армія его еще не достаточно обучена и мала, и онъ съ жаромъ принялся за продолженіе начатаго дѣла. Сформированы были новые полки, всѣ заводы готовили припасы. Въ теченіе зимы одними Олонецкими заводами было приготовлено 200 пушекъ. Тульскій заводъ готовилъ ружья и сабли. Къ веснѣ войско было реформировано, увеличено въ численности, снабжено новыми и лучшаго качества орудіями. Въ теченіе Сѣверной войны Петръ не переставалъ увеличивать и усовершенствовать армію, внимательно слѣдилъ за обученіемъ ея, и къ концу его царствованія армія окончательно была сформирована. Старые двадцать семь пѣхотныхъ полковъ, съ которыми Петръ началъ Сѣверную войну, разрослись уже въ пятьдесятъ шесть полковъ, изъ которыхъ Семеновскій и Преображенскій составили гвардію; вмѣсто прежнихъ двухъ драгунскихъ полковъ теперь было тридцать три полка. Кромѣ того при каждомъ полку было по двѣ пушки. Для защиты крѣпостей и для охраны новозавоеванныхъ мѣстъ были учреждены особые горнизонные войска, численность которыхъ доходила до сорока девяти пѣхотныхъ и двухъ драгунскихъ полковъ. Общее число арміи Петра Великаго доходило, вмѣстѣ съ казаками, до 220000 человѣкъ.

Обмундированы войска были по образцу западно - европейскихъ войскъ. Пѣхотные солдаты были одѣты въ зеленые кафтаны и треугольныя шляпы (рис. 1), драгунскіе - въ синіе кафтаны (2), Семеновскій и Преображенскій полки оба имѣли синіе мундиры съ красными отворотами. У семеновцевъ были голубые воротники и синія шинели, у преображенцевъ—красные воротники и зеленыя шинели. Отвороты и воротники у тѣхъ и другихъ были обшиты золотымъ галуномъ. Болѣе нарядно было обмундированіе гренадеръ. Они носили шапки на подобіе римскихъ шлемовъ съ бѣлыми или красными перьями. Офицеры носили черезъ плечо шарфы бѣлые или красные и серебряные значки съ крестомъ и короной. Отличившимся въ бояхъ солдатамъ Петръ жаловалъ медали съ своимъ портретомъ; медали эти они носили на груди.

Вооруженіе пѣхотныхъ войскъ состояло изъ длинныхъ ружей, или фузей, стрѣлявшихъ, впрочемъ довольно плохо, шпагъ, пикъ и алебардъ; драгуны были вооружены фузеями же, а кромѣ того пистолетами и палашами. Артиллерія была очень разнообразна по характеру и размѣру орудій (3, 4 и 5); были большія пушки, употреблявшіяся только при защитѣ крѣпостей, были полевыя, мортиры, а также впервые при Петрѣ появляются небольшого размѣра пушки, которыя возили при драгунскихъ полкахъ—это были орудія менѣе тяжелыя и большія, нежели полевыя и осадныя.

Съ уничтоженіемъ прежнихъ дворянскихъ полковъ, перестаютъ употреблять и роскошныя знамена, надъ созданіемъ которыхъ трудились по нѣсколько лѣтъ мастера Оружейной Палаты. Знамена дѣлаютъ теперь однородными во всѣхъ полкахъ, не такія роскошныя и меньшихъ размѣровъ, обыкновенно четыреугольной формы, на высокомъ древкѣ (7).

На ряду съ реорганизаціей сухопутнаго войска шло созданіе военнаго флота; это дѣло было завѣтной мечтой Петра. Еще въ дѣтствѣ увлекался онъ „потѣшной" навигаціей; въ 1688 г. онъ нашелъ въ с. Измайловѣ, въ сараѣ, заброшенный старый ботикъ англійской работы, принадлежавшій когда то боярину Никитѣ Романову (8). Ботикъ этотъ починили и спустили на рѣку Яузу, но, къ великому огорченію Петра, рѣка для этого суденушка оказалась слишкомъ узка и на ней нельзя было дѣлать повороты и лавировать. Тогда ботикъ перевозятъ въ Просяный прудъ, а оттуда на Переяславское озеро. Тамъ по образцу этого ботика Петръ строитъ новыя суда; но озеро не удовлетворяетъ царя: онъ стремится на просторъ, къ морю. Въ 1693 г. Петръ переѣзжаетъ въ Архангельскъ, гдѣ устраиваетъ корабельную верфь и строитъ первый военный корабль — 24 пушечный фрегатъ Апостолъ Павелъ. Кромѣ построенныхъ въ Архангельскѣ судовъ, архангельскій флотъ увеличивается заказаннымъ въ Голландіи 44 пушечнымъ фрегатомъ Св. Пророчество. Но настоящій военный флотъ все же созданъ былъ не въ Архангельскѣ, а въ Воронежѣ. Здѣсь Петръ строитъ верфь и начинаетъ спѣшно сооружать суда для войны съ турками. Для образца Петръ заказалъ въ Амстердамѣ галеру, которая и прибыла въ разобранномъ видѣ черезъ Архангельскъ и Вологду, въ Преображенское село, гдѣ ее собрали (9); здѣсь, въ теченіе цѣлой зимы рубили лѣса, заготовляли деревянныя части судовъ, тогда какъ всѣ окрестныя кузни спѣшно изготовляли металлическія; все это отправляли въ Воронежъ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1696 г. было спущено первое судно — Принципіумъ или начало, капитаномъ котораго Петръ объявилъ себя. Вслѣдъ за нимъ были спущены Апостолъ Петръ и Апостолъ Павелъ, большіе корабли, имѣвшіе каждый по 36 пушекъ. Кромѣ этихъ судовъ, флотилія состояла изъ 23 галеръ и 4 брандеровъ. По окончаніи Азовскаго похода Петръ продолжалъ строить суда. Онъ предписалъ всѣмъ дворянамъ и духовенству, образовывать „кумпанства" для сооруженія и содержанія судовъ. Въ каждое кумпанство входили владѣльцы 100 крестьянскихъ дворовъ, и такихъ кумпанствъ оказалось 17 монастырскихъ и 18 свѣтскихъ. Каждое кумпанство должно было построить одно судно по установленнымъ образцамъ (10). Кромѣ того купечество тоже должно было построить на свой счетъ 12 кораблей. Уклоняющимся отъ несенія этой обязанности грозила конфискація имущества. Работы шли спѣшно, и къ 1710 г. флотъ состоялъ уже болѣе чѣмъ изъ ста судовъ различныхъ размѣровъ, хорошо снаряженныхъ, съ обученнымъ экипажемъ. Неудача Прутскаго похода на долго задержала развитіе черноморскаго флота. Всѣ военныя суда были уничтожены, или проданы туркамъ, а корабельные мастера и экипажъ были переведены на сѣверъ.

Съ 1701 г. Петръ начинаетъ создавать флотъ и для Балтійскаго моря. Первыя суда строились на Ладожскомъ озерѣ, главнымъ образомъ въ Олонецкой верфи. Только съ постройкой Кроншлота на островѣ Котлинѣ, защитившимъ Неву съ моря, Петръ рѣшилъ устроить верфь и въ Петербургѣ, и въ 1704 г. были заложены первые суда въ Петербургѣ и было положено основаніе адмиралтейству. Постройка судовъ шла настолько удачно, что въ 1708 г. балтійскій флотъ насчитывалъ около 70 судовъ съ полнымъ снаряженіемъ (11 и 12). На этомъ не остановилось дѣло; все время, при жизни Петра въ адмиралтействѣ шли работы по сооруженію новыхъ судовъ и спускъ въ воду новаго судна праздновался Петромъ, какъ радостное событіе (13). Весь городъ приглашался на это торжество, Петръ самъ подрубалъ сваи, удерживавшія судно на деревянныхъ рельсахъ, смазанныхъ саломъ, и послѣ того какъ судно скатывалось по этимъ рельсамъ въ воду, первымъ всходилъ на корабль. Обыкновенно въ этотъ день на кораблѣ устраивался пиръ для всего генералитета, всѣхъ моряковъ, ихъ дамъ, а вечеромъ въ Лѣтнемъ саду сжигался блестящій фейерверкъ.

ШКОЛА И КНИЖНОЕ ДѢЛО (Табл. VII).

Говоря о просвѣщеніи Московской Руси, мы уже указывали на то, что школы XVI—XVII вв. устраивались при церквахъ и монастыряхъ, и обученіе въ нихъ велось духовными лицами. Школы такого типа не только сохраняются при Петрѣ Великомъ, но и умножаются. Во многихъ городахъ — Черниговѣ, Ростовѣ, Новгородѣ, Тобольскѣ, открываются школы при архіерейскихъ домахъ. Преподаваніе въ этихъ школахъ носило религіозный характеръ и цѣлью школъ было подготовлять просвѣщенныхъ пастырей. Всѣ эти школы устраивались въ началѣ XVIII в. по иниціативѣ частныхъ лицъ. Только съ учрежденіемъ св. Синода, дѣло образованія духовенства стало на иную почву: Синодъ съ одной стороны издаетъ указы объ открытіи новыхъ училищъ, при архіерейскихъ домахъ, съ другой внимательно слѣдитъ, чтобы духовенство отдавало своихъ дѣтей именно въ эти школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ изъ духовныхъ училищъ въ „иныя" службы, все болѣе ограничивается и церковная школа принимаетъ характеръ спеціально—духовной.

Въ 1701 г. была преобразована и московская Академія, во главѣ которой былъ поставленъ Стефанъ Яворскій. Профессора въ Академію были приглашены главнымъ образомъ изъ Кіева, и программа преподаванія была позаимствована изъ Кіевской Академіи. Курсъ обученія въ Академіи былъ установленъ восьмилѣтній; особое вниманіе обращалось на изученіе классическихъ языковъ. Сначала предполагалось, что Академія будетъ служить общеобразовательнымъ заведеніемъ, но съ теченіемъ времени она дѣлалась все болѣе спеціальнымъ заведеніемъ и стала преслѣдовать одну цѣль—готовить „въ надежду священства".

Кромѣ церковныхъ школъ, при Петрѣ открываются и школы свѣтскія. Первою свѣтскою школой была открытая въ 1701 г. въ Москвѣ нѣмецкая школа, имѣвшая цѣлью обучать „европскимъ языкамъ" и имѣвшая цѣлью подготовить подъячихъ для нуждъ Посольскаго приказа. Расцвѣтъ этой школы падаетъ на 1703—5 гг., когда завѣдываніе ею перешло въ руки плѣннаго нѣмца, препозита Глюка. Онъ значительно расширяетъ программу, вводитъ изученіе классическихъ языковъ, реторики, философіи, географіи, медицины, исторіи. Эта школа была первой въ Россіи безсословной школой; учиться въ ней могли всѣ, кромѣ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Интересно отношеніе Глюка къ молодежи—онъ называлъ ее: „плодовитые, токмо подпоры и тычинъ требующіе дидивины" и сравнивалъ съ мягкой глиной, изъ которой учитель можетъ вылѣпить все, что ему угодно. Въ періодъ наибольшаго процвѣтанія школы въ ней бывало до 100 человѣкъ учениковъ, изъ которыхъ лучшіе получали отъ государства содержаніе или „кормъ". Со смертью Глюка школа приходитъ въ упадокъ, программа ея сокращается и въ 1715 г. школа закрывается.

Особенно характерны для времени Петра Великаго спеціальныя школы, преслѣдовавшія практическія цѣли — первой изъ такихъ школъ была открытая въ 1701 г. въ Москвѣ въ Сухаревой башнѣ „школа математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ, хитростно искусствъ ученія". Школа эта раздѣлялась на три отдѣла — первый или школа русская для неграмотныхъ, затѣмъ — цифирная, гдѣ обучались началамъ ариѳметики и наконецъ навигацкая. Въ эту школу принимались дѣти всѣхъ сословій „кто похочетъ, а иныхъ паче и съ принужденіемъ" въ возрастѣ отъ 12 до 17 лѣтъ. Здѣсь были дѣти подъячихъ, дьяковъ, и меньше всего боярскихъ дѣтей. Преподавателями были англичане, Фарвардсонъ, Гвинъ и Грейсъ, и русскій Леонтій Магницкій. Ученики жили частью въ школѣ, частью на частныхъ квартирахъ, при чемъ бѣднѣйшіе получали кормовыя деньги. Сначала въ школѣ было около 200 учениковъ, потомъ число ихъ возрастало и достигло цифры 500. На практику ученики навигацкой школы ѣздили въ Петербургъ, а по окончаніи ея лучшіе посылались за границу. Съ 1715 г., со времени открытія Морской Академіи въ Петербургѣ, навигацкая московская школа падаетъ. Она стала только приготовительной школой для морской академіи, куда были перенесены всѣ спеціальные курсы. Кромѣ того въ 1712 г. были основаны въ Москвѣ и другія спеціальныя школы—артиллерійская и инженерная.

Въ 1714 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ провинціи „цифирныхъ" школъ, въ которыхъ должны были обучаться дѣти дворянъ, приказныхъ, подъячихъ, и посадскихъ людей. Обученіе въ школахъ должно было быть безплатнымъ, но каждый по окончаніи уплачивалъ учителю рубль и получалъ свидѣтельство объ окончаніи, безъ котораго велено было „жениться учениковъ

не допускать". Но школы эти развивались плохо, родители неохотно отдавали туда дѣтей, особенно посадскіе, которые жаловались, что школы мѣшаютъ дѣтямъ пріучаться къ дѣлу (рис. 1). Въ 1723 г. Петръ предложилъ духовному вѣдомству соединить цифирныя школы съ архіерейскими, но это не удалось.

Очень интересное явленіе представляла медицинская академія доктора Бидлоо. Происхожденіе этого заведенія было такое: докторъ Бидлоо началъ обучать практически, при военномъ госпиталѣ въ Москвѣ, „анатоміи, хирургіи, искусству травъ", и т. д. Желающихъ слушать его оказалось достаточно, ученики его были по его словамъ „въ разныхъ годахъ и числахъ до 50 человѣкъ". Дѣло шло настолько успѣшно, что въ 1708 г. онъ обратился къ Петру съ прошеніемъ разрѣшить ему открыть Хирургическую Академію, что ему и было разрѣшено, и изъ этой то академіи вышли первые русскіе доктора.

Нужно отмѣтить также и желаніе Петра Великаго открыть въ Петербургѣ Академію Наукъ, которая по мысли царя должна была совмѣщать и университетъ, и гимназію. Смерть помѣшала Петру осуществить этотъ проектъ и Академія была открыта только при Екатеринѣ I. За то при жизни Петра было уже положено основаніе двумъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ — библіотекѣ (см. табл. III, рис. 6) и кунсткамерѣ, или музею. Въ кунсткамеру поступали различнаго рода „раритеты" по естествовѣдѣнію, препараты по анатоміи, старинныя вещи. Чтобы пріохотить публику посѣщать музей, не только не бралось входной платы, но предлагалось угощеніе.

Такимъ образомъ по мысли Петра Великаго въ Россіи должно было быть учреждено не мало учебныхъ заведеній, но, какъ мы видимъ, многія изъ этихъ заведеній не были открыты совсѣмъ — такъ архіерейскія училища были открыты лишь въ немногихъ городахъ, равно, какъ и цифирныя школы; многія изъ открытыхъ заведеній оказались не долговѣчны. Причинъ такого неудачнаго положенія дѣлъ было не мало. Начать съ самаго преподаванія. Русскихъ преподавателей было мало; главнымъ образомъ учителями въ русскихъ школахъ были иностранцы, все преподаваніе велось на чужомъ языкѣ и учителя, и ученики съ трудомъ понимали другъ друга. Учебниковъ было мало, но и появленіе спеціальныхъ руководствъ мало облегчало дѣло. Писались учебники эти на русскомъ языкѣ, но о томъ, какой это былъ языкъ, можно судить хотя бы по опредѣленію ариѳметики, которое ученики должны были заучивать: „ариѳметика или числительница есть художество честное и независимое, всѣмъ удобопонятное, много полезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнихъ и отъ новѣйшихъ въ разное время явившихся философовъ изобрѣтенная и изложенная", или опредѣленію корня: „Радиксъ есть число, каковыя либо четверобочныя или равномѣрныя фигуры, или вещи единъ бокъ содержащее".

Но кромѣ трудности усвоенія научной премудрости, учениковъ должны были отпугивать и тѣ суровыя наказанія, которыя примѣнялись въ школѣ. Въ рѣдкихъ школахъ, какъ въ навигацкой съ учениковъ—дворянъ за пропуски уроковъ, или „нѣты" взыскивались денежные штрафы; большей частью за вину учениковъ подвергали жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Петръ смотрѣлъ на ученіе, какъ на службу и въ ученикахъ, уклоняющихся отъ этой службы видѣлъ преступниковъ. Въ указахъ его встрѣчаемъ приказанія: „сѣчь учениковъ нещадно по два дня батогами, или по молодости лѣтъ вмѣсто кнута наказать кошками". Не мудрено, что при такихъ педагогическихъ пріемахъ школа казалась и ученикамъ, и родителямъ настоящимъ адомъ, и они изыскивали всевозможныя средства для того, чтобы избѣжать ея. Извѣстенъ случай, когда цѣлая толпа молодыхъ людей предпочла подстричься въ монастырь и отказаться отъ міра со всѣми его прелестями, нежели постичь горькій корень науки. Тѣ, которые все же попадали въ школы, нерѣдко старались сбѣжать изъ школы; такъ въ 1722 г. изъ навигацкой школы бѣжало 127 человѣкъ. Правительство вело энергичную борьбу съ уклоняющимися отъ обученія—въ Вяткѣ, напримѣръ, по городу разъѣзжали солдаты и забирали годныхъ по возрасту дѣтей въ школы. Недорослямъ отъ 10—15 лѣтъ устраивались повѣрочные смотры и тѣхъ, которые не обучались, отдавали въ солдаты.

Но главной причиной, препятствовавшей всеобщему обученію, конечно было то невѣжественное состояніе, въ которомъ находились большей частью всѣ сословія. Случаи, когда люди сознавали пользу просвѣщенія были рѣдки. Правда, Берхгольцъ прожившій въ Россіи четыре послѣдніе года жизни Петра, отмѣчаетъ, что многіе вельможи „нещадятъ ничего чтобы дать своимъ дѣтямъ образованіе" выписываютъ изъ за границы опытныхъ учителей и гувернеровъ; но это еще единичные случаи. Боль-

шею частью дворянство, особенно провинціальное, враждебно смотрѣло на требованія Петра отдавать дѣтей въ науку и недорослю изъ дворянъ, до 20 лѣтъ гонявшему голубей съ помощью дворовыхъ ребятъ въ родительской усадьбѣ и не привыкшему ни къ какому труду, невозможно было объяснить зачѣмъ ему нужно бросать это приволіе и ѣхать куда то учиться какимъ мудренымъ наукамъ, приложеніе которыхъ къ жизни ему представлялось совершенно дикимъ и непонятнымъ. Поэтому слѣдуетъ удивляться не той неохотѣ, съ которой принималъ народъ обученіе, но тѣмъ успѣхамъ, которые оказывали нѣкоторые ученики.

Съ увеличеніемъ количества школъ увеличивается и потребность въ различнаго рода учебникахъ. Учебники были и написанные спеціально для русской школы, и переведенные съ иностранныхъ языковъ. Первымъ въ XVIII в. былъ напечатанный въ 1701 г. букварь Поликарпова, называвшійся „Треязычнымъ букваремъ", т. к. въ немъ были помѣщены азбука и слоги на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. По своей системѣ и пріемамъ этотъ букварь не отличается отъ букварей XVII в. Интересны здѣсь картинки, изображающія школу: учитель наказываетъ розгой ученика [1]). За этимъ букваремъ вышелъ въ 1704 г. „Букварь языка словенска", который отличается отъ прежнихъ учебниковъ тѣмъ, что въ немъ осуждаются неучи и невѣжды. Первымъ букваремъ, предназначеннымъ для мірянъ, является „Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію"; въ этомъ букварѣ, кромѣ азбуки и складовъ, выдержекъ и въ св. Писанія, правилъ, какъ слѣдуетъ держать себя въ церкви, даются наставленія въ этомъ, какъ подобаетъ держаться въ обществѣ, и не „быть подобнымъ деревенскому мужику"; тамъ мы встрѣчаемъ совѣты на каждый случай жизни: какъ слѣдуетъ сидѣть за столомъ, „руками по столу не колобродить, громко не смѣяться, не плевать", слѣдить за чистотою рукъ, ногтей и зубовъ, „говоря о печальныхъ предметахъ имѣть лицо печальное, и имѣть сожалѣніе, о радостныхъ же случаяхъ быть радостному и являть себя веселымъ съ весельемъ" не разговаривать по русски, во первыхъ чтобы не поняли слуги, а во вторыхъ, чтобы всякій могъ отличить порядочнаго человѣка „отъ незнающаго болвана". Интересно въ этихъ постановленіяхъ то, что они отражаютъ нравственный и культурный уровень общества, нуждавшагося въ такихъ справкахъ. Лучшимъ по тому времени букваремъ былъ изданный въ 1720 г. Ѳеофаномъ Прокоповичемъ букварь „Первое ученіе отрокамъ, въ немъ же буквы и слоги; та же: краткое толкованіе Законнаго Десятословія, молитвы Господней, Символа Вѣры и девяти Блаженствъ". Въ этомъ букварѣ онъ кратко и просто излагаетъ основныя истины вѣры, осуждаетъ прежнія напыщенныя и витіеватыя изложенія букварей, порицаетъ суевѣрія и старыя предразсудки. Кромѣ букварей издаются грамматики, въ которыхъ, впрочемъ, пересказываются главнымъ образомъ грамматики Смотрицкаго. Только въ 1723 г. была издана грамматика Максимова, въ которой дѣлается попытка объяснить правила книжнаго и разговорнаго языка.

Печатаются руководства по математикѣ — ариѳметика Магницкаго: „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на словенскій переведенная" — родъ математической энциклопедіи (4); руководства по географіи, исторіи, переводится Исторія европейскихъ государствъ Пуфендорфа. Нужно отмѣтить также календарь Брюсса, содержавшій астрономическія свѣдѣнія, пасхалію, и различныя научныя свѣдѣнія (5).

Вообще при Петрѣ издается несравненно больше книгъ нежели то было до него, и Печатный дворъ въ Москвѣ уже не въ силахъ былъ обслуживать нароставшей потребности въ новыхъ книгахъ. Въ 1700 г. въ Амстердамѣ открываетъ типографію для печатанія русскихъ книгъ нѣкій Тессингъ; вслѣдъ за нимъ Копіевскій, и такимъ образомъ первое время русскія книги печатаются въ Амстердамѣ. Въ 1708 г. открывается типографія въ Петербургѣ и первыя книги изданныя въ ней были Геометрія и Приклады како пишутся комплементы (6 и 7).

Съ 1711 г. въ Петербургѣ начинаетъ печататься и первая русская газета: „Русскія Вѣдомости", печатававшаяся съ 1703 г. въ Москвѣ. Въ Вѣдомостяхъ печатались различныя извѣстія со всѣхъ концовъ Россіи, свѣдѣнія о научныхъ открытіяхъ и т. д. (8). Просуществовали Вѣдомости до 1728 г.

[1]) См. вып. II, табл. XXXV, рис. 2.

Ц Е Р К В И (Табл. VIII).

Новыя вѣянія, характеризующія конецъ XVII в., отразились и въ области церковной архитектуры, области наиболѣе консервативной и устойчивой. Малороссійское духовенство приносило съ собой любовь къ украинскимъ типамъ церквей, традиціонному дѣленію храма на три части, украинскому трехглавію и пятиглавію, съ главами, расположенными по оконечностямъ креста, а не между крестами, какъ то было принято въ Московской Руси, къ восьмиграннымъ барабанамъ и общимъ стремленіямъ храма ввысь, къ небесамъ, стремленіямъ, напоминающимъ общимъ очертаніемъ массы храма старое русское шатровое покрытіе. Новыя вѣянія встрѣтили поддержку и сочувствіе въ средѣ московскихъ бояръ, особенно въ семьѣ Нарышкиныхъ, которые построили нѣсколько храмовъ въ новомъ стилѣ; по ихъ имени сталъ называться этотъ стиль „нарышкинскимъ". Кромѣ указанныхъ особенностей, постройки этого времени поражаютъ и массой скульптурныхъ украшеній, пышностью орнаментовки оконъ, дверей, по мотивамъ своимъ имѣющимъ мало общаго съ старыми московскими орнаментами, но болѣе указывающими на сильное вліяніе западнаго стиля барокко.

Одной изъ первыхъ церквей, въ которой можно видѣть новыя теченія, является церковь св. Николая „Большой Крестъ" въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, построенная въ концѣ XVII в. Общая форма ея представляетъ вытянутый кубъ, интересный только своей высотой. Увѣнчиваютъ ее пять главъ, разставленныхъ еще по-московски — между крестомъ. Но это единственная уступка старымъ вкусамъ и требованіямъ. Вся церковь снаружи покрыта богатѣйшими скульптурными украшеніями, колонками, обвитыми виноградомъ, раковинами, окна ея и большія, и маленькія прихотливой формы окружены скульптурными рамками. Входъ въ церковь по богатству орнаментаціи напоминаетъ церкви Кіева временъ Мазепы (рис. 1).

Наиболѣе совершеннымъ и оригинальнымъ образцомъ этого стиля барокко на московской почвѣ является церковь въ селѣ Дубровицахъ во имя Вознесенія. Построена она по плану креста, съ пятью главами, расположенными по оконечностямъ этого креста. Вся церковь окружена высокой галлереей на подобіе террасы. Средняя часть, поднимающаяся на высокомъ восьмигранномъ барабанѣ, увѣнчивается главой въ формѣ короны — мотивъ, столь любимый въ Малороссіи. Всѣ стѣны сплошь покрыты прихотливыми лѣпными украшеніями — медальонами, колонками, въ которыхъ такъ мало чувствуется Москвы. Необычность этого храма еще болѣе подчеркиваетъ множество статуй святыхъ—новость невозможная въ Москвѣ на какіе нибудь 20 лѣтъ раньше (2 и 3).

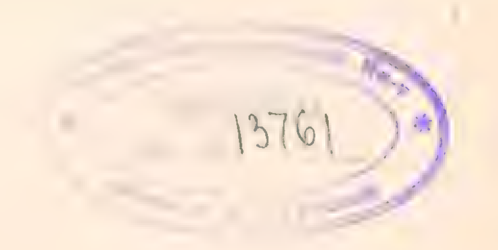
Но наиболѣе красива и изящна церковь Покрова въ Филяхъ. Тогда какъ въ Дубровицкомъ храмѣ видно смѣшеніе иностраннаго съ русскимъ, неумѣлое заимствованіе новыхъ формъ, которыя какъ то нагромождены безъ внутренней связи, въ церкви въ Филяхъ мы видимъ уже переработанные русскимъ мастеромъ новые иностранные мотивы, видимъ, что они уже передуманы и перечувствованы. Въ ней все умѣстно, все гармонично и прекрасно. Пятиглавая съ пропорціонально высокимъ барабаномъ средняго купола возвышающимся надъ восьмигранникомъ (то, чего такъ недостаетъ въ Дубровицкой церкви), съ простой орнаментаціей оконъ, съ прямыми, гладкими колонками, съ точно кружевнымъ бордюромъ, окружающимъ всѣ ярусы внизу — она удивительно хороша (4). Въ подобномъ стилѣ въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII в. было построено довольно много церквей—церковь Владимірской Божіей Матери, церковь въ усадьбѣ гр. Шереметьева въ Москвѣ, св. Троицы въ Троицко-Лыковѣ, св. Георгія въ Нижнемъ Новгородѣ и такъ называемая Строгоновская церковь во имя Собора Пресвятой Богородицы въ Нижнемъ Новгородѣ. Построенная въ началѣ XVIII в. купцомъ Строгоновымъ, не постѣснявшимся перекупить у знаменитаго художника Каравака иконы, написанныя имъ по заказу самого царя Петра для Петропавловскаго собора, церковь эта удивительно красива и великолѣпна (5). Новыя теченія сказываются и въ расположеніи главъ: украинское пятиглавіе по концамъ креста, и въ общей массѣ храма — ярусность его. Но особенно не схожа съ старыми московскими образцами колокольня, высокая, стройная, и какъ то неожиданно заканчивающаяся башней на манеръ нѣмецкихъ ратушъ съ часами. Особенную красоту этой церкви придаютъ необыкновенно богатыя скульптурныя украшенія, которыя покрываютъ почти сплошь стѣны церкви, создавая вокругъ оконъ дивныя рамки.

Чрезвычайно красива и оригинальна церковь, построенная въ Москвѣ въ 1705 г. Меншиковымъ. При своихъ небольшихъ размѣрахъ она удивительно высока, такъ что москвичи ее называютъ „меншиковской башней“. Вмѣстѣ съ тѣмъ постройка эта чрезвычайно красива и характерна для стиля барокко съ его выгнутыми линіями и множествомъ украшеній. Въ настоящее время церковь эта почти не видна — она заслонена со всѣхъ сторонъ зданіями главнаго почтамта (6).

Такимъ образомъ, въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII в. въ Москвѣ и другихъ городахъ создается особый стиль храмовъ, изящныхъ, красивыхъ, въ которыхъ новыя, занесенныя съ юго-запада черты уже слились съ старыми русскими и дали въ общемъ новыя небывалыя ранѣе формы. Новые храмы красивы, пышны, даютъ большой просторъ фантазіи, таланту строителей и многіе изъ нихъ представляютъ собой рѣдкіе по красотѣ памятники искусства.

Въ Петербургѣ церковное строительство принимаетъ совершенно иной, своеобразный характеръ. Какъ и другія зданія, православные храмы строятъ въ Петербургѣ иностранные архитекторы, но, въ противоположность старымъ московскимъ обычаямъ, они уже не считаются съ установившимися типами православныхъ храмовъ и создаютъ храмы, болѣе похожія на лютеранскія кирхи, нежели на русскіе храмы. Дѣйствительно, смотря на эти низкія зданія, представляющія въ планѣ латинскій крестъ, съ двухскатной крышей и высокимъ шпилемъ — кому можетъ пріити въ голову мысль, что это православная церковь въ столицѣ Россіи? Такой видъ имѣли первыя церкви — Троицкая, Исаакіевская (7), Вознесенская и Петропавловская (8). Послѣдняя церковь была первоначально деревянная, но въ 1714 г. на ея мѣстѣ былъ заложенъ каменный храмъ. Въ немъ особенно ясно виденъ полный разрывъ съ традиціями русскаго искусства; въ ней нѣтъ ничего, ни одной черты, напоминающей то, что привыкли видѣть въ русской церковной архитектурѣ. Петропавловскій соборъ былъ начатъ архитекторомъ Трезини, при чемъ Петръ, словно предчувствуя свой конецъ, безпрестанно торопилъ архитектора, и особенно нетерпѣливо ждалъ окончанія колокольни, которая и была закончена ранѣе, нежели самый храмъ. Эта колокольня является наиболѣе прекраснымъ во всей постройкѣ — высокая, съ остроконечнымъ, позолоченнымъ шпилемъ, уносящимся въ небеса и увѣнчаннымъ на верху ангеломъ. Самый храмъ значительно уступаетъ колокольнѣ въ красотѣ и изяществѣ (9); онъ имѣетъ видъ простого четырехъугольнаго дома, безъ малѣйшихъ закругленій даже въ алтарной части, съ небольшимъ куполомъ, отодвинутымъ на самый край восточнаго фасада; въ немъ нѣтъ ничего величественнаго, напоминающаго своимъ видомъ о высокомъ назначеніи этой постройки.

Эта полная оторванность отъ старыхъ традицій, полное отсутствіе соотвѣтствія между формой и идеей, которое отличало русское церковное зодчество, прекрасно сказалось въ неосуществленномъ проектѣ постройки Александро-Невской лавры, принадлежавшемъ тому же Трезини. Предполагалось построить соборъ довольно далеко отъ Невы, спланировать берегъ отлогими террасами, провести грандіозную лѣстницу отъ берега къ собору, но этотъ планъ оказался неосуществимымъ по очень важной причинѣ, которая ускользнула отъ создателей его: такой входъ можно было устроить только съ восточной стороны храма, тогда какъ по обычаю христіанской церкви въ храмъ входятъ съ запада. И поэтому проектъ величественнаго собора остался только на бумагѣ (10).

13761

СЕРЕДИНА XVIII ВѢКА.

ГОРОДЪ И ПОСТРОЙКИ (Табл. IX).

Середина XVIII в. время наибольшаго стремленія къ роскоши, пышности. Старыя, некрасивыя, грубоватыя постройки временъ Петра кажутся его преемницамъ слишкомъ простыми, нецарственными, скромными, и въ Петербургѣ, а также и въ заброшенной при Петрѣ Москвѣ создаются новые дворцы, достойные по своей роскоши стать царскими жилищами. Роскошь въ архитектурѣ, конечно, распространяется и на дома знати. Время Петра II и Анны не приноситъ ничего новаго въ архитектурѣ; новые дворцы превосходятъ прежніе только размѣрами, но не красотой. За то вѣкъ императрицы Елизаветы, середина XVIII в., представляетъ собой одну изъ наиболѣе интересныхъ и законченныхъ эпохъ въ исторіи русскаго искусства, такъ какъ вся она носитъ на себѣ отпечатокъ таланта выдающагося архитектора гр. Растрелли — сына. Онъ самъ оставилъ много памятниковъ, еще больше оставили памятниковъ его ученики, работавшіе въ томъ же направленіи, какъ и ихъ учитель, и вся середина XVIII в. можетъ быть названа эпохой творчества Растрелли. Въ рукахъ этого чуднаго художника словно ожили тѣ скучные мотивы стиля барокко, которые такъ оффиціально украшали постройки начала XVIII в. Барокко временъ Елизаветы Петровны перерождается въ тотъ особый стиль, носящій названіе рококо, въ которомъ все изысканно, красиво, пышно. Творецъ точно боится наскучить, онъ избѣгаетъ прямыхъ линій, открытыхъ поверхностей, незаполненныхъ витіеватыми украшеніями. Въ одно прекрасное цѣлое сплетаются коринфскія капители, раковины, амуры, цвѣты, ленты. Растрелли обладалъ удивительнымъ талантомъ декорировать свои произведенія и ни одно изъ его произведеній на фотографіи не даетъ такое впечатлѣніе, какъ въ натурѣ. Онъ пользовался всѣми средствами, чтобы сдѣлать зданіе эфектнѣй и красивѣй: игрой свѣта и тѣни, оттѣнками окраски, красотой позолоты. Растрелли началъ работать еще въ царствованіе Анны Іоанновны, когда имъ были построены деревянный дворецъ въ Кремлѣ, названный Анненгофомъ и перенесенный позже на Яузу, а также построенъ деревянный Зимній дворецъ въ Петербургѣ и дворецъ Бирону въ Митавѣ. Но всѣ эти постройки еще тяжелы, однообразны и мало отличаются отъ произведеній предшествующей эпохи. Только въ правленіе императрицы Елизаветы Петровны геній Растрелли нашелъ для себя настоящее примѣненіе и создалъ дивные памятники искусства. Особенно хорошъ перестроенный имъ изъ прежняго небольшого домика Екатерины I новый Лѣтній дворецъ при сліяніи Фонтанки и Мойки (на его мѣстѣ по приказанію Павла I былъ построенъ дворецъ, существующій и въ наше время — Инженерный замокъ). Съ двухъ сторонъ онъ былъ окруженъ рѣками, черезъ которыя были перекинуты причудливые мостики, на берегу Фонтанки былъ раскинутъ небольшой садикъ, съ остриженными деревьями, съ бесѣдками. Съ Итальянской улицы дворецъ былъ огражденъ великолѣпной рѣшеткой съ проѣздными воротами; во дворикъ этотъ дворецъ выходилъ „покоемъ", скучная линія котораго разнообразилась двумя изящными порталами (рис. 1). Затѣмъ, Растрелли достроилъ начатый ранѣе другимъ архитекторомъ Аничковскій дворецъ на берегу Фонтанки; на его мѣстѣ былъ построенъ въ концѣ XVIII в. новый, существующій и теперь. Въ этомъ дворцѣ особенно красивы и причудливы боковые павильоны, которые въ тѣ времена, когда въ Петербургѣ было еще немного высокихъ зданій, были видны издалека (2).

Растрелли была поручена и постройка новаго Зимняго дворца на мѣстѣ стараго деревяннаго, построеннаго имъ при Аннѣ. Дворецъ этотъ существуетъ и теперь; заложенный въ 1754 г., онъ былъ оконченъ уже при Екатеринѣ II и въ общемъ является далеко не блестящимъ памятникомъ Растрелли. Нужно сказать, что этому архитектору менѣе всего удавались величественные и колоссальные дворцы. Такъ и Зимній дворецъ оказался слишкомъ однообразнымъ и скучнымъ, несмотря на великолѣпныя детали. Также мало удался Растрелли и Царскосельскій дворецъ. Онъ слишкомъ вытянутъ и однообразенъ. За то нѣкоторыя отдѣльныя части этого огромнаго зданія великолѣпны. Особенно хорошъ средній домъ съ изящнымъ фасадомъ, съ легкимъ балкономъ съ граціозной рѣшеткой, со статуями, съ изящными завитками (3). Но еще лучше, нежели большой дворецъ, изящные павильоны, украшающіе садъ Царскаго Села, и среди нихъ Эрмитажъ — небольшой павильонъ, украшенный стройными колоннами, представляющій одно изъ лучшихъ произведеній великаго мастера (4). Кромѣ Царскосельскаго дворца, Растрелли перестроилъ Леблоновскій дворецъ въ Петергофѣ и воздвигъ нѣсколько дворцовъ въ подмосковныхъ селахъ императрицы.

Съ постройкой Лѣтняго и Аничковскаго дворцовъ началась слава Растрелли; большинство вельможъ стремилось имѣть дворцы, построенные моднымъ архитекторомъ, и всѣ наперерывъ приглашали его. Изъ множества домовъ, построенныхъ Растрелли, сохранилось не много—домъ гр. Разумовскаго въ Москвѣ, на Покровкѣ; въ Петербургѣ—домъ гр. Воронцова, нынѣ Пажскій корпусъ; гр. Строганова на Невскомъ. Послѣдній домъ представляетъ собой одно изъ лучшихъ произвеній Растрелли (5). Конечно, этимъ не исчерпывались постройки Растрелли, имя котораго пользовалось исключительной популярностью не только въ столицахъ, но и въ провинціи. И. Грабарь, характеризуя этотъ успѣхъ, говоритъ, что имя Растрелли — было первое имя художника, которое узнала вся Россія. Онъ былъ неутомимъ; но несмотря на множество зданій, построенныхъ самимъ Растрелли, или по его чертежамъ, легенда приписываетъ ему еще больше построекъ. До сихъ поръ еще во многихъ даже захолустныхъ городахъ Россіи живетъ преданіе, что такой то домъ, или соборъ построенъ Растрелли, и при этомъ старожилы часто сообщаютъ какую нибудь романтичную и таинственную исторію, объясняющую почему маленькій уѣздный городъ обогатился произведеніемъ великаго мастера, никогда, на дѣлѣ, и не слыхавшаго о такомъ пунктѣ. Но въ основѣ такихъ легендъ часто лежитъ частица правды. Растрелли создалъ настоящую школу архитекторовъ, которые въ своихъ работахъ слѣдовали манерѣ своего учителя и содѣйствовали распространенію въ Россіи и популяризаціи стиля барокко, обработаннаго Растрелли.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II Растрелли выходитъ изъ моды. Постройки его казались слишкомъ вычурными, слишкомъ дѣланными. Растрелли при Екатеринѣ II только достраиваетъ Зимній дворецъ и въ 1764 г. удаляется на покой. Новое время вызываетъ къ жизни новыхъ мастеровъ.

Соотвѣтственно внѣшней пышности, роскошно украшались и внутренніе покои дворцовъ. Петровскіе дворцы оказались малы—въ новомъ Зимнемъ дворцѣ, построенномъ при Аннѣ, было 70 комнатъ, среди которыхъ были цѣлыя анфилады залъ. Стѣны обивали штофомъ и другими тканями, мебель, зеркала, посуду выписывали изъ за границы.

При Елизаветѣ роскошь въ отдѣлкѣ дворцовъ идетъ еще дальше. Прекраснымъ образомъ ея служатъ залы и лѣстница Петергофскаго дворца—такъ называемая Купеческая лѣстница. Потолокъ и всѣ стѣны вестибюля покрыты позолотой, скульптурой, которая даже утомляетъ своимъ обиліемъ глазъ (5). Сохранилась также внутренняя отдѣлка Царскосельскаго дворца—очаровательна въ немъ длинная амфилада комнатъ, съ стѣнами отдѣланными прихотливыми завитками, раковинами, цвѣтами и т. д. (6).

Блескъ, масса золота въ отдѣлкѣ стѣнъ парадныхъ залъ гармонировали съ пышными золототканными платьями, съ манерными танцами, со всей той пышной рамкой жизни, которая заслоняла настоящую жизнь съ ея чувствами, съ ея требованіями, какъ пудренный парикъ, румяна и мушки подводили подъ одинъ общій типъ лица, стирая въ нихъ индивидуальныя черты.

Съ этими дворцами, изящными и пышными, отлично гармонировали и парки въ французскомъ вкусѣ, которыя стали устраиваться въ Петербургѣ еще при Петрѣ I, съ правильными аллеями, съ лужайками, съ клумбами, съ деревьями подстриженными въ видѣ пирамидъ, сфинксовъ, звѣрей, птицъ, съ зеркальными прудами и фонтанами.

Но конечно, ошибочно было бы предполагать, что вся столица украсилась зданіями подобными Растреллевскимъ — дома дворянъ средней руки строились, какъ и прежде, скромно и бѣдно. Со смертью Петра постепенно стали забываться его указы о строеніи домовъ на улицу, и только каменныхъ. И въ Петербургѣ, а тѣмъ болѣе въ Москвѣ, господствующимъ типомъ городского дома оставалась русская изба, расширенная, иногда украшенная снаружи, въ угоду новымъ вкусамъ. Стояли эти домики въ широкихъ дворахъ, окруженные множествомъ службъ, и напоминая всей обстановкой деревенскія помѣщичьи усадьбы, составляли рѣзкій контрастъ съ возвышающимися кое гдѣ дворцами стиля рококо.

БЫТЪ СЕРЕДИНА XVIII В. (Табл. X).

Въ одеждѣ, во всей обстановкѣ жизни распространялась роскошь столь же быстро, какъ и въ архитектурѣ и въ домашней утвари. Время императрицы Анны было время расцвѣта придворной жизни. Царица любила развлеченія, балы, катанья, охоту и не выносила одиночества. Весь дворъ, численность, котораго росла съ каждымъ годомъ, долженъ былъ принимать участіе въ ея развлеченіяхъ. При этомъ она не любила темныхъ цвѣтовъ, и всѣ придворные должны были являться въ свѣтлыхъ, яркихъ платьяхъ, при чемъ было воспрещено появляться дважды въ одномъ и томъ же платьѣ. О томъ какъ дороги были эти костюмы, даютъ представленіе слѣдующія цифры: одно платье жены Бирона стоило 100000 рублей, а весь ея гардеробъ оцѣнивался въ полмилліона. Кн. Щербатовъ такъ описывалъ время Анны Іоанновны: порицая непомѣрную роскошь въ обстановкѣ, столѣ, онъ говоритъ: „экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали, богатыя кареты, позлащенныя, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ съ золотыми и серебряными бахромами, лучшія и дорогія лошади, богатыя тяжелыя позлащенныя шоры, шелковыя и съ золотомъ и серебромъ ливреи стали употребляться. Роскошь.... отъ великихъ перенималась малыми. Вельможи, проживаясь, привязывались къ двору, яко къ источнику милостей, а низшіе къ вельможамъ по сей же причинѣ“.

Еще болѣе „восчувствовали роскошь“ во всѣхъ проявленіяхъ въ царствованіе Елизаветы. Веселая, любившая роскошь и развлеченія императрица оставила въ силѣ указы Анны о недозволеніи пріѣзжать ко двору въ надѣванныхъ уже платьяхъ, но издала новый указъ, опредѣляющій, какіе костюмы должны были надѣвать придворные и запрещавшій замѣну золота мишурой (рис. 1, 2, 3, 4 и 5). Въ это время, по словамъ того же кн. Щербатова „вельможи изыскивали въ одеждѣ, все, что есть богаче, въ столѣ — что есть дороже, въ питье, что есть рѣже“.

Вельможи щеголяли другъ передъ другомъ роскошью и дороговизной нарядовъ: такъ гр. Разумовскій носилъ огромныя пуговицы осыпанныя брильянтами, гр. Апраксинъ имѣлъ сотни шитыхъ золотомъ кафтановъ, Чернышевъ привезъ изъ Парижа „платьевъ тьму“. У Бестужева полы палатки въ лѣтнемъ саду были укрѣплены шелковыми веревками. Но среди всѣхъ этихъ расточителей первое мѣсто занималъ гр. Шереметевъ, который жилъ столь широко, что въ любой моментъ могъ принять императрицу со всѣмъ ея дворомъ.

Съ времени Елизаветы входятъ въ моду дневные визиты, которыми обмѣнивались дамы и мужчины; выѣздъ богатой дамы теперь напоминалъ по своей пышности выѣзды московскихъ царицъ и боярынь: раззолоченную карету украшенную перьями, бахромой, внутри обитую дорогимъ яркимъ бархатомъ, съ гранеными зеркальными стеклами, везло нѣсколько паръ лошадей, въ дорогой сбруѣ, съ кистями и перьями. Кучера бритые, но съ усами, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, въ треуголкахъ, съ косами; на запяткахъ кареты — гусары; особенно любили чтобы на запяткахъ стоялъ громаднаго роста гусаръ и маленькій арапчонокъ. Впереди, по бокамъ и сзади кареты бѣжали скороходы въ легкихъ курткахъ, опираясь на длинныя палки съ развивающимися лентами (7, 8 и 9).

Вообще, съ ростомъ роскоши увеличивается и численность дворни: толпы крѣпостныхъ слугъ наполняли барскіе дома, но кромѣ своихъ слугъ, въ моду входитъ держать арапчатъ, которые въ яркихъ восточныхъ одеждахъ сопровождали господъ въ качествѣ казачковъ и пажей. Рѣдкій день не было бала, маскарада, который затягивался часто до утра, а иной разъ длился дня два

безъ перерыва. Къ прежнимъ развлеченіямъ при Елизаветѣ Петровнѣ прибавились спектакли французской и русской труппы и балета, бывавшіе еженедѣльно. Кромѣ того, со временъ Петра II снова вошла въ моду охота, при чемъ въ ней принимали участіе по примѣру государынь и дамы. Такъ въ непрерывномъ кругу развлеченій проходила жизнь. Сбывались мечты знати петровскихъ временъ—русскій дворъ походилъ на Версальскій и могъ помѣряться съ нимъ разнообразіемъ увеселеній, блескомъ нарядовъ.

Но растущая роскошь не шла рука объ руку съ развитіемъ вкуса и жизнь русскихъ людей поражала страннымъ смѣшеніемъ европейскаго лоска и азіатской неряшливости и грязи. Роскошные дворцы были хорошо меблированы только въ парадныхъ аппартаментахъ, жилыя же комнаты были лишены самыхъ элементарныхъ удобствъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы то, что въ комнатѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны текло съ потолковъ, дуло изъ оконъ, рядомъ съ ея спальней въ одной комнатѣ помѣщались 17 фрейлинъ съ ихъ прислугами и выходъ изъ этой комнаты былъ только черезъ спальню великой княгини; наконецъ, послѣ жалобъ Екатерины, въ комнатѣ фрейлинъ пробили дверь прямо на улицу. Можно представить, какъ жили подданные, если такъ удобно былъ устроенъ дворецъ. Екатерину Великую поражала эта неряшливость, что она ярко отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „Нерѣдко можно видѣть, какъ изъ огромнаго двора, покрытаго грязью и всякими нечистотами, прилегающаго къ плохой лачугѣ изъ прогнившихъ бревенъ, выѣзжаетъ осыпанная драгоцѣнностями и роскошно одѣтая дама въ великолѣпномъ экипажѣ, который тащатъ шесть скверныхъ клячъ въ грязной упряжи, съ нечесанными лакеями въ очень красивой ливреѣ, которую они безобразятъ своей неуклюжей внѣшностью“.

Нравы оставались по прежнему грубыми, вкусы низменными. По прежнему развлекались шутами и дурками, которые считались необходимою принадлежностью богатаго дома. О грубости нравовъ и вкусовъ лучше всего свидѣтельствуетъ исторія Ледяного дома, въ которомъ справлялась свадьба шута Анны Іоанновны (10). Хорошую характеристику нравовъ эпохи даетъ и слѣдующая сценка: одна знатная дама, встрѣчая желанную гостью, говоритъ ей: „какъ я рада вашему пріѣзду, а то я не знала, что дѣлать со скуки, хотѣла уже приказать перепороть всѣхъ моихъ арапчатъ“. При дворѣ Елизаветы Петровны, правда, шуты выходятъ изъ моды, но сказочницы и говоруньи остались и въ ея штатѣ, у вельможъ же оставались и шуты, которые кувыркались и дрались въ залахъ, украшенныхъ геніемъ Растрелли. Нужны ли болѣе разительные примѣры контраста?

ЦЕРКВИ (Табл. XI).

При императрицѣ Елизаветѣ оживляется церковное строительство. Набожная императрица строитъ множество церквей, въ которыхъ, привязанная къ русской старинѣ, возстановляетъ старыя русскія традиціи.

Церковная архитектура середины XVIII в. не менѣе связана съ именемъ Растрелли, нежели гражданская, и въ этой области Растрелли оставилъ, пожалуй, еще лучшіе памятники искусства, нежели въ своихъ дворцахъ. Просматривая храмы, созданные этимъ архитекторомъ, трудно дать отчетъ, который изъ нихъ наиболѣе прекрасенъ. Въ своихъ храмахъ Растрелли съумѣлъ связать въ одно прекрасное цѣлое старо-московскія формы—пятикупольный храмъ на высокихъ подклѣтяхъ съ причудливымъ изяществомъ западно-европейскаго рококо. Не смотря на барочныя завитки, на коринфскія колонны церкви Растрелли—церкви русскія, и это видно съ перваго взгляда. Первой по времени является небольшая церковь св. Апост. Петра и Павла въ Царскомъ селѣ—одинъ изъ боковыхъ павильоновъ большого дворца. Въ этой очаровательной церковкѣ (рис. 1) Растрелли впервые вернулся къ московскому пятиглавію, но въ его рукахъ этому пятиглавію приданъ новый характеръ: маленькія главки на высокихъ квадратныхъ барабанахъ только дополняютъ массивный куполъ средней главы.

Болѣе типична и совершенна построенная въ 1747—67 г. въ Кіевѣ церковь во имя Апостола Андрея; постройка велась по планамъ Растрелли кіевскимъ архитекторомъ Мичуринымъ. Трудно

представить себѣ храмъ болѣе изящный, нежели этотъ; построенный на высокой горѣ надъ самымъ обрывомъ ея, онъ является удивительнымъ по своей гармоничности завершеніемъ этой горы съ высокимъ, стройнымъ, изящнымъ, среднимъ куполомъ, и боковыми главками на высокихъ барабанахъ, которые кажутся еще тоньше отъ изящныхъ колоннъ и пилястровъ; украшаетъ его московское пятиглавіе, расположенное по угламъ (2).

Но, пожалуй, еще совершеннѣе построенный подъ личнымъ наблюденіемъ Растрелли въ Петербургѣ Смольный монастырь, въ который богомольная царица мечтала удалиться на старости лѣтъ. Это произведеніе Растрелли въ то же время является и однимъ изъ лучшихъ памятниковъ искусства всей Европы XVIII в. Къ сожалѣнію, ему не удалось достроить всего цѣлаго такъ, какъ онъ его задумалъ – стройная высокая колокольня не была построена. По замыслу Растрелли весь монастырь былъ окруженъ обширной оградой. Внутри этой ограды находились расположенныя огромнымъ колодцемъ зданія—монастырскія кельи, вдовій корпусъ и т. д., и надъ одной стороной этого квадрата возвышалась стройная колокольня, точно составленная изъ однѣхъ колоннъ. Въ центрѣ этого колодца долженъ былъ находиться соборъ, общей массой своей, а также и расположеніемъ группъ колоннъ, напоминающій кіевскую Андреевскую церковь, но значительно превосходящій ее размѣрами. Соборъ, какъ и всѣ зданія монастыря, предполагалось окрасить въ темноголубой цвѣтъ съ бѣлыми украшеніями и куполомъ и капителями темнаго золота. Несмотря на то, что былъ осуществленъ не весь проектъ, то, что построено столь великолѣпно, что можетъ считаться лучшей постройкой всего XVIII в. (3).

Прекрасны и постройки Растрелли въ Москвѣ—церковь Никиты Мученика на Басманной, церковь Климента, папы Римскаго; чрезвычайно интересны и нѣкоторые храмы, построенные учениками Растрелли, но носящіе печать личнаго, индивидуальнаго таланта строителей. Среди нихъ заслуживаютъ большого вниманія работы ученика Растрелли Чевакинскаго, которыя въ большинствѣ погибли. Сохранился въ первоначальномъ видѣ только Никольскій Морской соборъ въ Петербургѣ, построенный въ 1753 г. Это одно изъ лучшихъ произведеній церковной архитектуры, достойное стать рядомъ съ Смольнымъ монастыремъ Растрелли. Особенно прекрасна здѣсь отдѣлка стѣнъ, изящная и благородная (4). Не менѣе хороша и колокольня этого собора—стройная, пропорціональная съ увѣнчивающимъ ее высокимъ шпицемъ, — тоже одно изъ лучшихъ произведеній этой эпохи во всей Россіи (5).

Столь же пышны были эти храмы и внутри. Съ эпохи Растрелли упрочивается новый стиль въ отдѣлкѣ храмовъ—входятъ въ моду вычурные иконостасы съ массой позолоты, съ румяными амурами, съ гирляндами цвѣтовъ и пышными, обремененными плодами, виноградными лозами (6 и 7).

ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

ГОРОДЪ (Табл. XII).

Не только провинціальные города, но даже и столицы въ XVIII в. представляли довольно печальную картину: несмотря на то, что на многихъ улицахъ красовались прекрасные дворцы, сами улицы были грязны, и содержались столь же небрежно, какъ и въ XVII в. Когда въ 1752 г. Елизавета Петровна хотѣла пріѣхать въ Москву, то оказалось, что привести въ порядокъ городъ трудно — весь Кремль былъ превращенъ въ свалочное мѣсто, возлѣ Тріумфальныхъ воротъ сваливали мусоръ со всего города.

Екатерину II поражалъ некультурный видъ Петербурга; даже въ центрѣ города оставались незастроенные пустыри, мостовыя были далеко не на всѣхъ улицахъ (рис. 1). Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина II поручаетъ особой коммиссіи выработать мѣры для приведенія города въ порядокъ, но хотя и неизвѣстно, что было сдѣлано этой коммиссіей, все же Петербургъ временъ Екатерины Великой значительно мѣняетъ свой обликъ и начинаетъ болѣе походить на столицу могущественнаго государства. Екатерина II говорила, что великія сооруженія не менѣе прославляютъ царствованіе, нежели великія дѣла, и она все время слѣдила за красотой города, за отстраиваніемъ его. Она выписывала изъ разныхъ странъ хорошихъ архитекторовъ, Ринальди, Де-Ламотта, Камерона, Кваренги и другихъ, которые застраиваютъ городъ великолѣпными домами. При Екатеринѣ II главное украшеніе Петербурга, набережная Невы, приняла тотъ видъ, который имѣетъ и теперь, — весь берегъ ея былъ охваченъ гранитной набережной, съ красивыми пологими спусками къ самой водѣ. Эта работа была поручена архитектору Фельтену, который выполнилъ ее съ большимъ искусствомъ. Кромѣ того, печать красоты и благоустройства городу стали придавать возводившіеся въ различныхъ мѣстахъ города небольшіе пѣшеходные и проѣздные мостики черезъ многочисленные каналы и рѣчки. Особенно красивъ среди этихъ мостовъ Чернышевъ (2). Къ сожалѣнію, многіе мосты теперь измѣнены до неузнаваемости и потеряли всю красоту.

Тогда какъ для эпохи Петра Великаго типичнымъ городомъ являлся только Петербургъ, для второй половины XVIII в. его уже нельзя считать единственнымъ городомъ, заслуживающимъ вниманія. Съ кончиною Петра начинаетъ оживать покинутая имъ Москва. Преемникъ и преемницы Петра любятъ Москву, и дворъ подолгу пребываетъ въ старой столицѣ. Въ Москвѣ строятъ роскошные дворцы для Анны Іоанновны, Елизаветы, для знати. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается та старина, которая дожила до XVIII в., уцѣлѣвъ отъ пожаровъ. Но все же настоящая жизнь возвращается въ Москву лишь съ освобожденіемъ дворянства отъ обязательной службы; тогда Москва становится настоящей дворянской столицей Россіи — въ ней поселяются представители богатыхъ знатныхъ родовъ, желавшіе жить на свободѣ, безъ стѣсненій; сюда съѣзжаются помѣщики на зиму проживать доходы съ деревень; здѣсь живутъ старшіе члены тѣхъ семей, младшіе родственники которыхъ наполняли гвардейскіе полки и дворъ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ строятся великолѣпные дома, настоящіе дворцы съ множествомъ службъ, съ обширными садами, прудами, бесѣдками, флигелями для пріѣзжающихъ, даже церквами (3). „Много въ Москвѣ такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностью, великимъ и лишнимъ числомъ служителей составляютъ

не домъ въ городѣ приличный, но цѣлое селеніе, по разному ремеслу и званію людей собственное мѣщанское общество составляющее, или такой дворъ, который только въ однѣхъ деревняхъ обширностію своею и многолюдствомъ общей тягости не дѣлаетъ", говорится въ описаніи Москвы 1784 г. Еще болѣе, нежели въ Петербургѣ XVIII в., въ Москвѣ поражало удивительное соединеніе азіатчины и запада: страшной грязи, нищеты и рядомъ съ нею роскоши и богатства.

Указъ Петра о мощеніи улицъ былъ оставленъ его преемниками. Только немногія улицы были замощены камнемъ, остальныя же или были совсѣмъ немощеныя, или были выстланы бревнами и фашинникомъ, совсѣмъ, какъ въ XVII в. Улицы были крайне неправильны, однѣ были широки, какъ площадь, другія — узки и кривы. Множество переулковъ оканчивались „тупиками". Среди улицъ красовались колодцы съ высокими журавлями, какъ въ деревнѣ, и, какъ въ деревнѣ, вокругъ этихъ колодцевъ собиралось подъ вечеръ женское населеніе улицы и занималось болтовней.

Хуже всего было то, что на улицы города, по старому, сваливали мусоръ, отбросы, и все это увеличивало тѣ „грязи", которыя на нѣкоторыхъ улицахъ не просыхали за все лѣто. „Москва — большое село", характеризуетъ Москву временъ Екатерины одинъ современникъ. И онъ былъ правъ. Какъ въ деревнѣ помѣщичій домъ возвышался надъ крестьянскими избами, такъ и въ Москвѣ, рядомъ съ роскошнымъ дворцомъ тянулись одноэтажныя деревянныя домишки мелкихъ дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ (4). Строились эти домишки такъ же, какъ и старыя московскія избы, въ одну-двѣ клѣти, крылись соломой, тесомъ, маленькія, подслѣповатыя окошечки робко глядѣли на свѣтъ Божій.

Если таковы были столицы, то не трудно представить себѣ, каковы были остальные города; дѣйствительно, большинство провинціальныхъ городовъ XVIII в. почти не отличались отъ деревень. Нерѣдко состояли они изъ одной большой улицы, съ единственной церковью, да нѣсколькихъ переулковъ. Конечно, улицы эти были немощеныя, и лишь главная, по которой проходилъ трактъ, была вымощена бревнами. Нерѣдко въ городѣ была лишь одна церковь, а дома обывателей не отличались отъ избъ, были деревянные, крытые соломой Ни магазиновъ, ни аптекъ почти не было, и торговля оживлялась лишь въ базарные дни. Путника, попавшаго проѣздомъ въ такой городокъ, конечно, не радовала перспектива переночевать въ немъ, такъ какъ гостинницъ не было, и самымъ большимъ удобствомъ манилъ лишь постоялый дворъ. Населеніе городовъ было большей части немногочисленно; составляли его мелкіе торговцы, ремесленники, крестьяне, которые нерѣдко занимались хлѣбопашествомъ, такъ какъ торговля и ремесла не могли прокормить ихъ (5).

Поѣздка Екатерины II по Волгѣ и въ Крымъ ознакомила ее съ положеніемъ городовъ: такъ, она сама въ письмахъ характеризуетъ, напримѣръ, Симбирскъ, какъ „городъ самый скарядный", въ Костромѣ не нашлось ни одного дома, въ которомъ было бы возможно остановиться императрицѣ, и она ночевала на галерѣ. Казань Екатерина нашла по красотѣ мѣстоположенія „первымъ въ Россіи городомъ, послѣ Москвы", но по благоустройству городъ этотъ стоялъ очень низко: каменныхъ домовъ было мало, улицы были грязны, по нимъ бродили стаи голодныхъ собакъ.

Но въ концѣ XVIII в. замѣчается оживленіе строительной дѣятельности и въ губернскихъ городахъ. Во многихъ городахъ возводятся прекрасныя каменныя зданія, дворянскія собранія, въ которыхъ теперь, послѣ указа о губерніяхъ, явилась надобность, такъ какъ дворяне стали съѣзжаться въ города на дворянскіе выборы. Кое гдѣ въ городахъ стали проживать помѣщики зимой. Стало строить дома въ новомъ вкусѣ и богатое купечество. Такъ, мало по малу стали украшаться города средины Россіи, а также и Поволожья. Прекрасныя постройки появляются въ Казани, Костромѣ, Калугѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Воронежѣ. Строятся каменные торговые ряды (6), разбиваются широкія площади, на которыхъ возвышаются каѳедральные соборы (7).

Съ учрежденіемъ городского самоуправленія Екатерина II возлагаетъ на шестигласную думу заботу о благоустройствѣ городовъ, возведеніи зданій, магазиновъ, амбаровъ, пристаней и т. д. Кромѣ того императрица мечтала увеличить число городовъ, и по ея указамъ возводится множество новыхъ городовъ; она съ гордостью отмѣчала, что за двадцать лѣтъ было основано 216 новыхъ городовъ. Города основывались на пунктахъ, избранныхъ правительствомъ; тамъ основывались судебныя учрежденія, казенные дома и населеніе приглашалось заселять новый городъ. Городъ распланировывался, указывались мѣста для собора, торговыхъ рядовъ, сада, фонтана „съ водопадами", госпиталя. Много

основывалось такимъ образомъ городовъ въ Южной Россіи княземъ Потемкинымъ, проекты котораго удивляютъ величіемъ. Основывая Екатеринославъ, напримѣръ, онъ писалъ Екатеринѣ II, что въ этомъ городѣ будутъ „храмъ великолѣпный“, судъ „на подобіе древнихъ базиликъ“, гостинный дворъ „на подобіе Пропилей“, университетъ, академія, дома въ „вкусѣ греческихъ прелестныхъ зданій“ и т. д. Но вызванные къ жизни силой, искусственнымъ путемъ, большею частью города эти были недолговѣчны и часто не имѣли населенія даже настолько, чтобы образовать ратушу.

ПОСТРОЙКИ (Табл. XIII).

Вторая половина XVIII в. приноситъ много измѣненій въ вкусахъ. Послѣ стремленія къ утонченному, вычурному, наступаетъ реакція — общество требуетъ простоты. Теоріи Руссо влекутъ къ простотѣ, къ исканію натуры, къ природѣ. Новыя открытія, раскопки Помпеи знакомятъ съ классическимъ міромъ, въ которомъ люди жили жизнью, плѣнительной своей простотой. Но знакомство съ античнымъ міромъ происходитъ не непосредственно, а при помощи пересказовъ писателей и художниковъ эпохи Возрожденія; античные герои представляются не въ настоящемъ еще свѣтѣ, но въ тогѣ ложноклассическаго паѳоса, пріукрашенные искусствомъ XVIII в. И сообразно новымъ вкусамъ мѣняется жизнь. То же стремленіе отражается и въ архитектурѣ. Создается новый стиль подражанія античнымъ образцамъ, стиль, носящій въ Западной Европѣ имя „стиля Людовика XVI“, въ Россіи же совпадающій съ временемъ Екатерины II. Эта государыня, по ея собственнымъ словамъ, была одержима маніей строительства. Она съ любовью бесѣдовала съ архитекторами, сама создавала проекты; воспитанная на классической литературѣ, она больше всего любила античный стиль. Такое увлеченіе Екатерины классицизмомъ имѣло чрезвычайно важное значеніе — примѣръ ея дѣйствовалъ и на знать, которая частью изъ подражанія ей, частью плѣненная красотой дворцовыхъ построекъ, поручаетъ постройку своихъ дворцовъ тѣмъ же мастерамъ. Нужно отмѣтить, что нигдѣ въ Европѣ не привились стройныя формы античныхъ построекъ въ такой мѣрѣ, какъ въ странѣ, столь удаленной отъ ихъ родины. Въ началѣ XIX в. Петербургъ казался городомъ, случайно перенесеннымъ на сѣверъ, съ его вѣчными туманами, дождями, съ далекаго жаркаго юга. И странное впечатлѣніе производили и производятъ эти стройныя колонны, правильныя очертанія которыхъ тускло вырисовываются сквозь вѣчные туманы, эти іоническія и коринѳскія капители, занесенныя снѣгомъ, эти величественныя мраморныя лѣстницы, вѣчно мокрыя не отъ ласковаго прибоя лазурнаго моря, но отъ надоѣдливаго, пронизывающаго холодомъ дождя... Какой то странной аномаліей кажутся при 40 градусномъ морозѣ античныя богини въ ихъ легкихъ хитонахъ, и листья аканта, словно согнувшіеся подъ тяжестью снѣга. И какъ теряютъ здѣсь эти колоннады, постепенно создавшіяся человѣческимъ геніемъ для страны, гдѣ такъ ярко блещетъ солнце, гдѣ такъ синь небесный сводъ, гдѣ ихъ окружали пальмы и лавръ, съ которыми онѣ составляли полную невыразимой прелести и гармоніи картину.

А между тѣмъ, классическій стиль сталъ наиболѣе распространеннымъ не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ. Въ противоположность голландско-нѣмецкимъ постройкамъ Петровской эпохи и капризному рококо Елизаветы, классическій стиль надолго пережилъ Екатерину Великую и до середины прошлаго вѣка мало оставалось городовъ, гдѣ бы главную улицу и соборную площадь не украшалъ величественный домъ съ треугольнымъ фронтономъ и съ вѣчнымъ портикомъ съ колоннами. И нужно отдать справедливость, въ этомъ нашемъ „россійскомъ ампирѣ“ все же много благородной простоты, выдѣляющей его среди обывательскихъ лачугъ провинціальнаго города, или претенціозныхъ произведеній мѣстныхъ архитекторовъ. Но если онъ сталъ обычнымъ для города, то еще болѣе сроднился онъ и сталъ типичнымъ для зажиточной, а тѣмъ болѣе богатой помѣщичьей усадьбы. И какъ разнофасонныя крыши, кувшинообразныя колонки, шатровыя крыльца ярко и полно охватываютъ всю обстановку старо-московской жизни, составляя нѣчто цѣльное съ пестротой парчовыхъ охабней и роскошью шитыхъ кокошниковъ, такъ и стиль

ампиръ обнимаетъ всю эпоху блеска Екатерииенскаго царствованія, романтизма Александровской поры, всего того дореформеннаго барства, на фонѣ котораго выростали Онѣгинъ, Татьяна, Наташа Ростова, герои произведеній Тургенева, и сталъ неразлученъ съ представленіемъ о богатой помѣщичьей усадьбѣ съ тѣнистымъ паркомъ, прохладными бесѣдками, задумчивымъ прудомъ.

Но перемѣна наступаетъ не сразу: довольно долгое время происходитъ борьба стараго и новаго теченій. Постепенно начинаютъ осуждать постройки временъ Елизаветы, лучшія произведенія Растрелли кажутся смѣшными — окрещенъ презрительной кличкой „комодъ“ московскій домъ гр. Разумовскаго, Екатерина II насмѣшливо сравниваетъ съ „манжетами алансонскаго кружева“ домъ гр. Шувалова. Но тѣмъ не менѣе, долгое время въ произведеніяхъ новыхъ архитекторовъ мы видимъ вліяніе старыхъ вкусовъ; въ большинствѣ построекъ Екатерининской эпохи бросается въ глаза замѣчательное несоотвѣтствіе внѣшняго строгаго классическаго стиля и внутренней отдѣлки, свойственной стилю рококо. Слишкомъ трудно было художникамъ, воспитаннымъ на образцахъ барокко, привыкшимъ къ массѣ украшеній, перейти сразу на строгость и простоту античныхъ образцовъ.

Трудно сказать, какое изъ зданій эпохи Екатерины II лучше. Замѣчательно красиво одно изъ первыхъ сооруженій этого стиля: построенная въ 1767 г. Кокоревымъ и де-Ламоттомъ Академія Художествъ, съ прямыми линіями, простыми лишенными всякихъ украшеній окнами, съ простыми колоннами; еще лучше небольшое зданіе Стараго Эрмитажа, построеннаго въ 1768 г. тѣмъ же де-Ламоттомъ рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ и составляющее своей простотой рѣзкій контрастъ съ украшеннымъ фасадомъ Растрелліевскаго дворца (рис. 1) .Но среди всѣхъ зданій Петербурга прекраснѣйшимъ въ тѣ времена считался дворецъ кн. Потемкина, подаренный ему Екатериной II и названный ею Таврическимъ. Построенный въ 1787 г. Старовымъ, онъ испыталъ много превратностей судьбы и по тому, что осталось отъ него теперь, трудно судить о его удивительной роскоши, достойной великолѣпнаго князя Тавриды. Впечатлѣніе, произведенное этимъ дворцомъ на современниковъ было столь сильно, что ни одно изъ зданій не вызывало столько подражаній, какъ Таврическій дворецъ. Просторный домъ съ портикомъ съ колоннами и высокимъ куполомъ сталъ обычнымъ не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ, и въ помѣщичьихъ усадьбахъ конца XVIII в. и первой половины XIX (2). Прелесть дворца создавала не только архитектура его, правда прекрасная, но общій ансамбль всей мѣстности. Стоялъ этотъ дворецъ на просторной площади, не далеко отъ Невы, къ которой спускались живописныя лужайки, съ фонтанами, клумбами съ цвѣтами. За дворцомъ растилался тѣнистый паркъ съ бесѣдками и прудомъ. Прекрасный снаружи, дворецъ былъ изумителенъ по изяществу и роскоши внутри и колонный залъ его съ прилегавшимъ къ нему зимнимъ садомъ, справедливо считался шедевромъ XVIII в. Въ этомъ залѣ давались многолюдные праздники и онъ свободно вмѣщалъ до пяти тысячъ танцующихъ (табл. XV, 13 и 14).

Самымъ замѣчательнымъ архитекторомъ конца XVIII в. былъ итальянецъ Кваренги; построенное имъ зданіе Академіи Наукъ было первымъ произведеніемъ въ строго классическомъ духѣ и казалось современникамъ перенесеннымъ съ береговъ Тибра (3). Самымъ лучшимъ зданіемъ, построеннымъ Кваренги былъ Царскосельскій дворецъ, подаренный императрицей Екатериной великому князю Александру Павловичу. Въ этомъ дворцѣ удивительно красива колоннада, соединяющая боковыя крылья. Здѣсь Кваренги создаетъ послѣдній шедевръ XVIII в. (4). Вообще, Кваренги строилъ удивительно много и общественныхъ зданій, и дворцовъ, и домовъ частныхъ лицъ; по словамъ Екатерины II, весь Петербургъ былъ „начиненъ“ его постройками; кромѣ того онъ строилъ множество зданій въ Москвѣ и въ провинціи, въ деревенскихъ усадьбахъ. По степени популярности Кваренги могъ равняться съ самимъ Растрелли и вліяніе, оказанное имъ на русское искусство не меньше вліянія послѣдняго; онъ облагородилъ русскую архитектуру и оставилъ чудные памятники, навѣянные старымъ Римомъ.

Тоже увлеченіе античнымъ міромъ, которое охватило Петербургъ въ концѣ XVIII в. переживала и Москва. Но въ ней это увлеченіе приняло нѣсколько иной характеръ. Здѣсь меньше строили казенныхъ зданій, и искусство архитекторовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны Баженовъ и Казаковъ, служило, главнымъ образомъ, потребностямъ богатаго барства; здѣсь создаются удивительные по красотѣ и уютности особняки, ближе стоящіе къ деревенскимъ усадьбамъ, нежели къ петербургскимъ дворцамъ. Изъ такихъ домовъ лишь немногіе дожили до нашего времени въ полной

неприкосновенности. Особенно замѣчательны среди нихъ домъ Пашкова на Моховой (теперь Румянцевскій музей); красива масса этого зданія съ стройными колоннами, съ симметрично расположенными флигелями, окаймлявшими дворикъ съ фонтаномъ; гармонировала съ домомъ вся мѣстность съ зелеными лужайками и тѣнистыми деревьями (табл. XII, рис. 3). Красивы также дома Юшкова (домъ училища живописи и ваянія), Баташева (Яузская больница), построенный крѣпостнымъ архитекторомъ Кисельниковымъ (5); особенно хороши въ этомъ домѣ главный фасадъ и ворота.

Изъ казенныхъ зданій въ Москвѣ слѣдуетъ отмѣтить прекрасное зданіе Сената (теперь Судебныхъ Установленій) въ Кремлѣ, Университетъ, значительно измѣненный и перестроенный послѣ пожара въ 1812 г. (6), домъ Главнокомандующаго на Тверской, Николаевскій и Головинскій (7) дворцы, и др.

Близки по архитектурѣ съ зданіями Петербурга и Москвы были и тѣ дома, которые начинаютъ украшать и губернскіе города—Кострому (8), Калугу, Воронежъ (9), Казань и др.

Говоря о постройкахъ Екатерининской эпохи нельзя не упомянуть о тѣхъ очаровательныхъ павильонахъ, бесѣдкахъ, которыми Екатерина II, а за ней и всѣ, кто только могъ, любили украшать сады загородныхъ дворцовъ. Особенно изящна такая садовая архитектура въ Царскомъ Селѣ, гдѣ любимый архитекторъ императрицы, шотландецъ Камеронъ, возвелъ настоящій садъ Семирамиды, украсивъ его чудными колоннадами, завершающимися „павильономъ агатовыхъ комнатъ“ (10).

ПОМѢЩИЧЬЯ УСАДЬБА (Табл. XIV—XV).

Для конца XVIII в. начинаетъ имѣть большое значеніе не только бытъ городской, но и жизнь, протекавшая въ деревенскихъ усадьбахъ. Послѣ указовъ Петра Великаго объ обязательности и безсрочности дворянской службы, жизнь въ помѣщичьихъ усадьбахъ замираетъ. Все молодое, сильное, было оттянуто изъ деревни въ городъ. Въ усадьбахъ оставались лишь старики, увѣчные, да женщины съ малолѣтними дѣтьми, которыхъ еще не время было отдавать въ науку. И не мудрено, что при такихъ условіяхъ жизнь въ усадьбѣ мелкопомѣстнаго дворянина не отличалась отъ жизни помѣщика середины XVII в., и никакія реформы не касались ея. Не рѣдко въ одной деревнѣ было нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ, вслѣдствіе раздѣла между братьями, и весь барскій дворъ состоялъ изъ маленькаго домишки хозяина, бѣдныхъ службъ и надворныхъ построекъ. По большей части помѣщичій домъ по своей архитектурѣ мало отличался отъ избы, былъ деревянный, крытый соломой, или тесомъ. Иногда домъ бывалъ двухъэтажный, и въ такомъ случаѣ лѣстница со двора вела прямо во второй этажъ. О красотѣ мѣстоположенія заботились мало; за домомъ часто находился небольшой фруктовый садъ съ нѣсколькими грушами и яблонями и вѣчной скворешницей на деревѣ.

Болотовъ въ своихъ запискахъ оставилъ интересное описаніе дома небогатой помѣщицы середины XVIII в. Домъ этотъ (рис. 1, 2 и 3) былъ не великъ, съ высокой тесовой крышей. Большую его часть составляли не жилые покои. Такъ, въ немъ было двое обширныхъ сѣней, передніе и черные. Изъ бѣлыхъ сѣней дверь вела въ переднюю комнату, или залу — это была большая комната, но холодная и сумрачная, съ маленькими окошечками; кромѣ того мрачность ея увеличивалась отъ бревенчатыхъ стѣнъ и потолка, почернѣвшихъ отъ времени. Круглый годъ зала стояла пустая, и только въ Свѣтлый Праздникъ въ ней служили молебенъ и собирались гости. Жилой комнатой служила сосѣдняя съ ней „угольная“ комната, въ которой жила сама помѣщица; въ ней же обѣдали и принимали гостей. Эта комната была и болѣе свѣтлой, такъ какъ въ ней было больше оконъ, и болѣе теплой, такъ какъ ее согрѣвала большая печь съ лежанкой. Рядомъ съ этой комнатой была комната, въ которой жили лакеи, горничныя и барскія дѣти. Остальную часть дома занимали кладовыя и чуланы. Отдѣлка такихъ домовъ, конечно, была проста. Болотовъ съ удовольствіемъ разсказываетъ о своей хитрой выдумкѣ—онъ придумалъ выбѣлить печь, а потомъ разрисовать ее разными красками—сосѣди дивились этой затѣѣ и пріѣзжали любоваться его печкой. Можно судить, сколь просты были ихъ хоромы. Болѣе богатые помѣщики обивали стѣны холстомъ, расписывали

ихъ ландшафтами, сценами сраженій, охоты, но это было рѣдко. Печи часто облицовывались различными кафлями съ цвѣтными узорами: изображеніями птицъ, животныхъ, цвѣтовъ, съ различными сценками и т. д. Кафли эти при Петрѣ I стали привозить изъ Голландіи, почему и печи такія стали называть голландскими, или „галанками“. Мебель была тоже проста—она состояла изъ домодѣльныхъ лавокъ, столовъ, стульевъ; въ углу, конечно, висѣли образа въ кіотѣ. Посуда была тоже проста — у большинства помѣщиковъ она была глиняная, муравленая, и только у богачей бывала фаянсовая или фарфоровая. Даже у богатыхъ людей рѣдко бывали серебряныя ложки и вилки, которыя подавали лишь почетному гостю. Столь же просто жили и богатые люди. Въ Архангельскомъ у кн. Голицыныхъ, не смотря на выдающееся богатство, все было просто. Домъ состоялъ изъ трехъ клѣтей, соединенныхъ сѣнями; окна были въ мелкихъ свинцовыхъ переплетахъ; самая простая дубовая мебель—столы и стулья; постели съ простыми подушками въ набойчатыхъ наволокахъ.

Мало коснулось новое время и въ области костюмовъ: въ такихъ помѣщичьихъ гнѣздахъ продолжали одѣваться по старинѣ — барыни въ шушуны и тѣлогрѣи и кички, мужчины — въ старомодные, военнаго покроя кафтаны. Отслуживъ и вернувшись на покой, помѣщикъ отращивалъ бороду и всѣмъ обликомъ приближался къ боярину. Болотовъ говоритъ, что вернувшись по окончаніи семилѣтней войны въ деревню „не могъ надивиться долгополымъ ихъ кафтанамъ и ужасной величины обшлагамъ, и всему прочему. Они казались сущими шутами“.

Не трудно представить, что и въ духовномъ отношеніи жизнь мало измѣнилась и не повысила требованій. Просвѣщеніе въ этой средѣ стояло низко; если мущины еще умѣли читать и писать съ грѣхомъ пополамъ, то найти грамотную, не то что образованную женщину было трудно. Жизнь проходила однообразно. Вставали съ пѣтухами и ложились съ ними же, такъ какъ освѣщеніе стоило дорого и сальныя свѣчи давали мало свѣта. Да и что было дѣлать вечеромъ? Женщины занимались своимъ хозяйствомъ—смотрѣли за соленьями, вареньями, женскими рукодѣліями. Мущины — принимали отчеты старостъ, приказчиковъ, наблюдали за хозяйствомъ.

Развлеченіемъ въ этой монотонной жизни служилъ пріѣзъ сосѣдей, всѣмъ домомъ, на нѣсколько дней, съ чадами и домочадцами, съ новостями и сплетнями, разсказами о тяжбахъ, и т. д. Подавалась закуска, затѣмъ часовъ въ 12—обѣдъ, въ честь пріѣзжающихъ гостей болѣе обильный, чѣмъ всегда, перемѣнъ двадцать, сытныхъ, жирныхъ; все это запивалось водкой, пивомъ, квасомъ, домашними наливками и настойками. Послѣ обѣда и хозяева, и гости ложились отдыхать, послѣ отдыха подавались „закуски“ и „заѣдки“—варенья, фрукты въ сахарѣ, медъ, орѣхи. На сборищахъ развлеченіями служили для старыхъ „бояръ“ карты, молодежь же танцовала, если у хозяевъ была своя музыка, но случалось и такъ, что гости привозили своихъ крѣпостныхъ музыкантовъ, исполнявшихъ въ дорогѣ обязанности выѣздныхъ лакеевъ. Иногда, подгулявшіе старички тоже пускались въ плясъ, но только уже танцовали не „менаветы“, а русскую. Развлекали господъ часто и крѣпостные искусники — хоры и пляски дѣвушекъ и парней; такъ проходило время до ранняго ужина, столь же обильнаго, какъ и обѣдъ, послѣ котораго гости и хозяева шли спать, при чемъ, за недостаткомъ кроватей, гостямъ стлали на полу, на сѣнѣ.

Но главной утѣхой даже не богатаго помѣщика, если онъ не былъ слишкомъ старъ и хилъ—была охота. Рѣдкій помѣщикъ не держалъ своры собакъ и нѣсколькихъ псарей; и многіе разорялись на этой страсти, стараясь на свои небольшія средства держать порядочную охоту. Характеренъ отзывъ одного помѣщика Орловской губерніи, вѣроятно не бывшаго одинокимъ въ своемъ мнѣніи: „Ослѣдить русака, говорилъ онъ, не то, что прочесть книгу; книгу прочтетъ каждый, а русачьи петли по выбору бредутъ на разумъ. Пороша—дѣло, а книгу читать отъ бездѣлья“.

Указъ Петра III, отмѣнившій обязательную службу для дворянъ, имѣлъ огромное значеніе для жизни русской деревни—теперь оживаютъ помѣщичьи усадьбы, куда съ радостью стали переселяться освобожденные дворяне, еще молодые, здоровые, а не такіе инвалиды, которые пріѣзжали доживать въ отцовскихъ и дѣдовскихъ гнѣздахъ послѣдніе годы. Они приносятъ съ собой въ деревню болѣе высокія требованія, ихъ уже не удовлетворяютъ тѣ низкіе, душные дома, въ которыхъ жили ихъ отцы, они строятъ болѣе обширныя палаты, и живутъ уже не въ одной-двухъ комнатахъ, а въ восьми, десяти. Не довольствуются они и простой обстановкой, заводятъ болѣе удобную мебель, крѣпостные маляры и живописцы расписываютъ стѣны и потолки, и т. д. Повышается и умственный уровень, теперь въ провинціи встрѣчаются, хоть и не часто люди, читающіе русскія и ино-

странныя книги, даже переписывающіе ихъ, такъ какъ печатныя были рѣдкостью и представляли большую цѣнность. Помѣщики, собираясь вмѣстѣ, говорили не только о лошадяхъ, собакахъ, сплетняхъ, но и о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, даже Вольтерѣ. Появляются въ провинціи и газеты. Повышается, разумѣется, уровень образованія; тогда какъ прежде лучшими учителями были мало грамотные дьячки, и обучали лишь сыновей, теперь начинаютъ обучать и дочерей, при чемъ болѣе богатые нерѣдко приглашаютъ для совмѣстнаго обученія съ своими дѣтьми дѣтей болѣе бѣдныхъ дворянъ. Правда, первоначально обученіе давало болѣе отрицательные результаты, оказываясь поверхностнымъ, а чтенія ограничивались одними романами. Теперь, больше чѣмъ прежде, барышни начинаютъ думать о нарядахъ, модахъ; входитъ въ обычай ѣздить на зиму въ Москву, къ чему стремятся даже и не очень богатые помѣщики.

Но не жизнь помѣщика средней руки характерна для XVIII в.; гораздо интереснѣе тотъ укладъ жизни, который складывался въ имѣніяхъ „баловней счастья"—вельможъ. По сравненію не только съ предшествующимъ временемъ, но и съ XIX в., конецъ XVIII в. представляетъ періодъ наибольшаго расцвѣта усадебной жизни. Привыкшіе къ блеску и роскоши помѣщики стремятся окружить свою жизнь гдѣ нибудь въ Саратовской или Калужской губерніи той же пышностью, которую они оставили въ столицѣ. Лучшіе архитектора, Кваренги, Казаковъ, Старовъ, приглашаются отстраивать эти усадьбы (4). Менѣе достаточные помѣщики, слѣдуя примѣру богатыхъ сосѣдей, возводятъ въ своихъ имѣніяхъ дома уже при помощи крѣпостныхъ мастеровъ, но въ подраженіе знаменитымъ архитекторамъ, замѣняя мраморъ—побѣлкой, а каменныя колонны—деревянными столбами. Съ этого то времени въ усадьбахъ помѣщиковъ появляются тѣ дома съ портиками и вѣчными колоннами, которыя въ нашемъ воображеніи неразрывны съ усадьбой XVIII—XIX в. в. Помѣщичій домъ обычно строится надъ рѣкой, или надъ прудомъ (5 и 6). Подъѣзжаютъ къ дому длинной аллеей, или проспектомъ; передъ домомъ находится широкій дворъ, часто отдѣленный отъ „чернаго" двора рѣшеткой съ воротами. За домомъ тянется садъ, съ скучными аллеями остриженныхъ деревьевъ, съ вычурными фонтанами, или, когда французскіе сады вышли изъ моды—съ тѣнистыми дорожками, съ лужайками, бесѣдками, носившими поэтическія названія: „пріютъ грацій", „убѣжище музъ", „гротъ дружбы"; садъ украшаютъ статуи богинь, сфинксы, львы и т. д. (7). Вообще, сады составляли предметъ особыхъ попеченій помѣщиковъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ садовъ даже въ небогатыхъ усадьбахъ бывали оранжереи, гдѣ выводили фрукты, цвѣты. Въ оранжереѣ села Кускова, славившейся на всю округу, были померанцы и лавры шестисаженной высоты. Въ прудахъ разводили рѣдкую рыбу, которую привозили въ кадкахъ за сотни верстъ.

Среди такихъ роскошныхъ имѣній выдѣляются, естественно, такъ называемыя подмосковныя, окружавшія „дворянскую столицу". Въ нихъ мы видимъ роскошь, не только равную, но порой превосходящую блескъ императорскаго дворцовъ. Владѣльцы вкладывали безконечно много средствъ, умѣнья, не рѣдко вкуса на устройство усадьбы. Хорошо характеризуютъ отношенія къ этому дѣлу слова гр. Н. П. Шереметьева: „Украсивъ село мое Останкино, и представивъ оное зрителямъ въ видѣ очаровательномъ, думалъ я, что совершивъ величайшее, достойное удивленія и принятое съ восхищеніемъ публикою дѣло, въ которомъ видны мое знаніе и вкусъ, буду наслаждаться спокойно моимъ произведеніемъ". Трудно придумать другія слова, столь ярко характеризующія эту эпоху. Человѣкъ XVIII в. еще не дожилъ до такой степени развитія, когда онъ стремится обставить свою жизнь тѣмъ комфортомъ, который даетъ культура, для себя, для своей семьи. Только на словахъ, удаляясь въ свои подмосковныя, мечталъ гражданинъ о жизни близкой къ природѣ въ покоѣ и тишинѣ—и дать бы ему такую тишину, онъ бы не вынесъ ее и сбѣжалъ. Все дѣлалось на показъ, для того, чтобы превзойти сосѣдей, собрать толпу людей, которая бы изумлялась и превозносила богатство и щедрость хозяина, и понявъ это, мы не будемъ удивляться, что въ роскошныхъ дворцахъ такъ много пышныхъ залъ для баловъ, для концертовъ, для театральныхъ представленій—но не было ничего, что требуютъ элементарныя понятія о комфортѣ (11); жилыя комнаты малы, неудобны, дѣти помѣщены гдѣ нибудь въ антресоляхъ, нерѣдко вмѣстѣ съ прислугой; вѣдь этого „зрители" не видѣли!

Трудно представить теперь тотъ розмахъ, который характеризовалъ жизнь этихъ подмосковныхъ: нерѣдко владѣлецъ жилъ окруженный дворомъ, какъ маленькій владѣтельный князь. Сотни людей составляли дворню богатаго барина—здѣсь были слуги самыхъ различныхъ спеціальностей—

десятки лакеевъ, поваровъ, кондитеры, парикмахеры, не говоря о слугахъ низшаго разбора—какъ кучера, выѣздные лакеи и т. д. Но кромѣ такихъ слугъ, при дворахъ многихъ помѣщиковъ были крѣпостные, получившие специальное образование — архитекторы, художники, скульпторы, оканчивавшие Академию Художествъ, писавшие портреты, отдѣлывавшие эти дворцы, а за неимѣніемъ работы — красившие колодцы, заборы и служившие за столомъ. Въ рѣдкой усадьбѣ не было своего оркестра, состоявшаго изъ четырехъ-пяти человѣкъ у не богатыхъ, и десятковъ человѣкъ у богатыхъ людей. Нарышкинъ первый вводитъ духовую музыку, въ которой каждый музыкантъ исполнялъ только одну ноту: только крѣпостные музыканты могли оказаться способными на такое безсмысленное механическое для каждаго исполненіе. Кромѣ того въ концѣ XVIII в. въ моду входятъ театральныя представленія и многіе помѣщики заводятъ собственныя труппы, дававшія оперныя, драматическія и балетныя представленія. Крѣпостные артисты и артистки играли героевъ и королевъ, собственные художники расписывали декораціи, собственный оркестръ аккомпанировалъ. Въ нѣкоторыхъ усадьбахъ были специальные театры — въ Архангельскомъ на 400 человѣкъ (9), въ Кусковѣ, въ Останкинѣ. Большей частью артисты были плохи, исполненіе—тоже. Только въ Останкинѣ труппа, первая артистка которой, Жемчугова, стала позже графиней Шереметевой [1]), удивляла даже и столь взыскательную публику, какъ король Станиславъ Польскій. Въ день спектакля, даннаго въ честь Станислава, на артистахъ были костюмы, поразившие всѣхъ своей роскошью, а на Жемчуговой было надѣто на нѣсколько десятковъ тысячъ брильянтовъ. На праздники въ подмосковныя, напримѣръ, въ Кусково, съѣзжалось по 2000 приглашенныхъ и всѣмъ имъ подавали роскошный ужинъ на серебрѣ. Почти у всѣхъ были приживальцы, приживалки. Не довольствуясь крѣпостной свитой, многіе вельможи окружали себя настоящимъ дворомъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Кн. Куракинъ, напримѣръ, въ своемъ Саратовскомъ имѣніи, Надеждинѣ, дѣлалъ парадные выходы, на подобіе высочайшихъ выходовъ, однихъ „жаловалъ“ къ рукѣ, другихъ—удостаивалъ небрежнаго кивка головы, съ третьими—милостиво бесѣдовалъ и все же сосѣди, и богатые, и бѣдные, толпами съѣзжались къ нему, чтобы присутствовать на блестящихъ балахъ, гуляньяхъ, любоваться роскошными фейерверками, или спектаклями (см. табл. XVII, рис. 16).

Такъ протекала жизнь въ этихъ усадьбахъ. Мало осталось отъ нихъ. Одни дворцы развалились, другіе — перестроены, наслѣдники не въ состояніи были вести ту роскошную жизнь, какую вели отцы. Заросли парки, развалились бесѣдки. Лишь кое гдѣ сохранились остатки былого великолѣпія, обломки статуй, развалины колоннадъ, и напоминаютъ о тѣхъ дивныхъ усадьбахъ, точно въ сказкѣ выросшихъ среди русскихъ равнинъ, чтобы перенести воображеніе современника въ отдаленныя времена, въ далекія страны классической древности... И какимъ страннымъ контрастомъ съ этими дворцами стояли разоряемыя деревни, съ домишками, крытыми соломой, съ жалкимъ хозяйствомъ крестьянина, со всей деревенской нищетой и темнотой. И не кажется ли теперь вся эта жизнь людей въ бѣлыхъ парикахъ, шитыхъ золотомъ кафтанахъ, этихъ дамъ, прелестныхъ какъ фарфоровыя куколки, съ рабами—арабками, эти трогательныя и героическія пьесы, разыгрываемыя крѣпостными артистами, которыхъ сѣкли на конюшнѣ за недостаточно „благородную“ осанку, не кажется ли теперь эта жизнь съ ея непримиримыми противорѣчіями какой то обольстительной и страшной сказкой?

---

[1]) Это та самая барыня-крестьянка, о которой долго пѣлись пѣсни: „Вечеръ поздно изъ лѣсочку я коровъ домой гнала“ и „у Успенскаго собора въ большой колоколъ звонятъ: нашу милую Парашу вѣнчать съ бариномъ хотятъ“. Но память о Парашѣ осталась не только въ пѣсняхъ—по ея желанію ея мужъ, гр. Шереметевъ, строилъ въ Останкинѣ школы, больницы, а послѣ ея смерти учредилъ въ Москвѣ ея имени странно-пріимный домъ.

БЫТЪ СТОЛИЧНЫЙ (Табл. XVI—XVII).

Великолѣпное царствованіе Екатерины II не уступало по роскоши предшествующимъ, и даже жизненныя требованія ушли еще дальше. Такъ, тотъ же кн. Щербатовъ, который осуждалъ роскошь временъ Елизаветы, отмѣчаетъ, что при Екатеринѣ II придворные стали еще большими мотами; теперь, говоритъ онъ „и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одежды носили и почти стыдились имѣть по одному борту шитье“. Князь Орловъ получилъ передъ отъѣздомъ въ Фокшаны „для представительства“ кафтанъ сплошь шитый алмазами—такіе же кафтаны были у Разумовскаго и Зубова; конечно, передъ ними тускнѣли брильянтовыя пуговицы Потемкина и Шереметева. Время Екатерины II было настоящимъ вѣкомъ моды на бриллiанты и цвѣтные камни—никогда ихъ не носили въ такомъ количествѣ.

Костюмъ щеголя состоялъ изъ цвѣтного камзола, черныхъ или бѣлыхъ штановъ до колѣнъ, стянутыхъ у колѣнъ серебряными или золотыми пряжками. Шелковыя чулки и башмаки съ пряжками дополняли костюмъ. Особымъ шикомъ было носить башмаки на красныхъ каблукахъ. Шею закрывало кружевное жабо, стоившее часто огромныхъ денегъ; такія же кружевныя манжеты заканчивали рукавъ. Впрочемъ, высокія жабо въ концѣ XVIII в. были отмѣнены и въ моду вошли отложные воротники, оставлявшіе всю шею открытой. Головной уборъ составляла треуголка, которую часто украшали перьями, или брильянтами. Волосы пудрили и располагали спереди въ видѣ крупныхъ буклей (рис. 1 и 16).

Дамскіе наряды были не менѣе пышны: дамы носили робы изъ толстаго шелка на каркасахъ изъ китоваго уса — фижмахъ; фасоны были очень разнообразны: носили костюмы а ла Ватто — съ широкой складкой сзади или „молдаванъ“ — круглое платье, съ длиннымъ шлейфомъ или русскія изъ глазета съ откидными рукавами — этотъ нарядъ надѣвался при дворѣ въ торжественныхъ случаяхъ и стоилъ по нѣсколько сотъ рублей. Одно время было введено, чтобы дамы являлись ко двору въ платьяхъ установленнаго цвѣта и покроя — въ бѣлыхъ глазетовыхъ, но съ разноцвѣтными камзолами, соотвѣтственно дворянскому мундиру мужа. Головные уборы при Екатеринѣ II достигаютъ неимовѣрныхъ размѣровъ и сложности: тогда какъ при Петрѣ I въ Петербургѣ былъ только одинъ парикмахеръ, въ концѣ XVIII в. ни одна дама не могла бы устроить свою прическу сама. Волосы взбивали, пудрили, складывали въ формѣ башни, „спящей собаки“, „а ла Семирамидъ“, „голубиными крыльями“, украшали цвѣтами, лентами, камнями (1, 15 и 17). Для пудренья употреблялися спеціальные шкафы; дама входила въ такой шкафъ, запиралась за ней дверца и на нее сыпалась пудра, равномѣрно покрывавшая все сооруженіе. Пудра считалась столь необходимой частью туалета, что безъ нея нельзя было показаться въ обществѣ. Румянились всѣ дамы, утромъ слабѣе, вечеромъ болѣе ярко. Кромѣ того лицо украшали черными бархатными мушками, при чемъ каждая мушка, судя по тому мѣсту, гдѣ она была приклеена имѣла какое либо значеніе—на подбородкѣ—„люблю“, у праваго глаза: „тиранъ“, на верхней губѣ—„неизбѣжная разлука“. Такое же значеніе имѣло то, или иное положеніе вѣера, раскрытаго вполнѣ, на половину сложеннаго, и т. д. Такимъ образомъ, щеголи и щеголихи могли разговарить, не произнося ни слова.

Только купечество не слѣдовало измѣнчивымъ модамъ и купчихи, даже милліонерки продолжали носить золототканные сарафаны и шушуны, кики, и кокошники, на которыхъ драгоцѣнныхъ камней было иной разъ больше, чѣмъ у другой щеголихи во всѣхъ ея украшеніяхъ вмѣстѣ взятыхъ. Необходимой принадлежностью убора богатой купчихи были также жемчуга, или „перло“. Столь же консервативны въ одеждахъ были и мужчины.

Въ Петербургѣ и Москвѣ открывается много спеціальныхъ магазиновъ, торговавшихъ принадлежностями туалета, и эти магазины служатъ настоящими клубами модниковъ и модницъ (2, 3 и 4). Въ концѣ XVIII в. въ Петербургѣ издается спеціальный модный журналъ, который, кромѣ описанія костюмовъ, давалъ отчеты о различныхъ праздникахъ и балахъ.

Вѣкъ Екатерины приноситъ особенное развитіе свѣтской жизни. Весь день богатаго человѣка проходилъ въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, но характеръ этихъ развлеченій мѣняется. Выходитъ изъ моды охота, и остальныя развлеченія принимаютъ болѣе умѣренный и, если можно такъ выразиться, культурный характеръ. По прежнему общество развлекается балами съ танцами, но это уже не

прежнія собранія, которыя длились день и ночь. Балы давались и при дворѣ, и частными лицами. При дворѣ еженедѣльно устраивались маскарады (5). Танцы XVIII в. представляли дѣло сложное: танцовали полонезъ, менуэты, англезъ, тампетъ, матрадуръ, манимаски—все это были сложные танцы, состоявшіе изъ болѣе плавныхъ, граціозныхъ позъ, нежели движеній. Въ концѣ XVIII в. начинаетъ входить въ моду вальсъ, но долгое время его считали не вполнѣ приличнымъ. За то при дворѣ Екатерины стали вводить по желанію императрицы русскіе хороводы, „метелицу". Танцовали эти танцы большей части на святкахъ, или на масляной. Кромѣ развлеченій въ домахъ частныхъ лицъ, съ времени Екатерины II ведутъ начало общественныя собранія, или клубы, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ; сюда съѣзжались для танцевъ, разговоровъ, а также для карточной игры. Эта страсть, которая начала развиваться еще при Аннѣ и Елизаветѣ, въ концѣ XVIII в. дѣлается все болѣе распространенной. При дворѣ игра въ карты была обычной; сама императрица любила игру; игра въ клубахъ и у частныхъ лицъ велась въ столь обширныхъ размѣрахъ, азартно, что проигрывались и выигрывались огромныя суммы. На вечерахъ общество развлекалось музыкой — приглашаются пріѣзжіе артисты, пѣвцы, музыканты. Занятіе музыкой входитъ въ курсъ воспитанія, дѣлается моднымъ; многіе дамы и кавалеры играютъ на арфѣ, флейтѣ и т. д. (6). Кромѣ того, въ большую моду входятъ театральныя представленія: при Екатеринѣ открывается, кромѣ казеннаго, нѣсколько театровъ частныхъ антрепренеровъ — въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Императрица любила театръ сама, и въ Эрмитажномъ театрѣ давались представленія различныхъ труппъ—французской, итальянской, русской, для двора и избранной публики. Кромѣ того многіе богатые вельможи привозили на зиму въ городъ труппы крѣпостныхъ артистовъ и давали представленія для публики. Нужно отмѣтить также общественныя развлеченія—маскарадныя шествія въ память различныхъ радостныхъ событій, напримѣръ, Чесменской побѣды, а также вошедшіе въ моду карусели: родъ турнировъ, на которые выѣзжали участники въ рыцарскихъ костюмахъ, или одѣтые въ одежды различныхъ національностей.

Таже жизнь на показъ, о которой мы говорили, описывая бытъ въ подмосковныхъ богатыхъ вельможъ, продолжалась и въ городѣ: въ домахъ богатыхъ людей обыкновенно въ любой день каждый, даже не знакомый съ хозяиномъ, могъ прійти незванный на обѣдъ, который сервировали человѣкъ на сто. Въ одвихъ домахъ обѣдъ былъ простъ, у другихъ, какъ гр. Орлова, въ Москвѣ — всегда великолѣпенъ. Любезный хозяинъ, онъ требовалъ лишь, чтобы всѣ гости приходили въ дворянскихъ мундирахъ; если онъ видѣлъ кого либо не въ мундирѣ, то спрашивалъ: „Вы отъ кого, батюшка, присланы?", и когда посѣтитель называлъ фамилію свою, то извинялся, говоря: „старъ сталъ, плохо вижу".

Въ Москвѣ болѣе процвѣтали чисто народныя развлеченія, въ которыхъ графъ А. Орловъ игралъ важную роль. Графъ по своимъ вкусамъ и привычкамъ былъ настоящимъ русскимъ бояриномъ, человѣкъ исключительной физической силы; онъ любилъ молодечество и удаль. Онъ увлекался кулачными боями, которые по старому происходили на льду рѣчки Неглинной; онъ посѣщалъ эти бои, выдавалъ награды побѣдителямъ, выписывалъ силачей издалека. Кромѣ того онъ любилъ охоту, на которуя выѣзжалъ верхомъ съ цѣлой свитой, въ сопровожденіи своей дочери, тоже верхомъ.

Но вмѣстѣ съ ростомъ роскоши увеличивались и духовныя потребности. Дворъ Елизаветы состоялъ наполовину изъ неграмотныхъ женщинъ. Этого нельзя было сказать о дворѣ Екатерины. Не говоря уже о кн. Дашковой, даже среди дамъ было много образованныхъ людей, читавшихъ много и на русскомъ и еще болѣе на французскомъ языкахъ. Умственное движеніе, которое стало распространяться въ Россіи въ концѣ XVIII в. выражалось въ различныхъ формахъ: появляются новые журналы (см. ниже, табл. XX), издаются книги; вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется масонство. Масоны, составляли братства, или „ложи", члены которыхъ должны были помогать другъ другу въ дѣлѣ внутренняго совершенствованія, въ благотвореніи, благочестіи. Собранія масоновъ, какъ и все ихъ ученіе, были окружены таинственностью, принятіе новаго члена сопровождалось символическими обрядами и церемоніями (7). Мистическое ученіе масоновъ, далекое отъ реальной жизни, привлекало много послѣдователей, среди которыхъ были такія видныя лица, какъ Новиковъ, Елагинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увлеченіе литературой, книгами, становится модой; кромѣ столовыхъ, залъ, хорошій тонъ требуетъ имѣть въ домѣ и библіотеку; конечно, не мало было людей, которые заводили книги только слѣдуя модѣ и никогда не раскрывали ихъ. Характеренъ анекдотъ про Корсакова,

который заказалъ составить для себя библіотеку, и на вопросъ, что именно желаетъ имѣть этотъ любитель чтенія, отвѣтилъ: „Мнѣ все равно. Ставьте только большія книги на нижнія полки, а маленькія на верхнія. Сдѣлайте, словомъ, такъ, какъ это сдѣлано у государыни".

У многихъ богачей появляются коллекціи картинъ. Но часто невѣжественный меценатъ накупалъ ничего не стоящія картины, лишь бы набрать побольше ихъ. Появляются коллекціи предметовъ искусства, многіе собираютъ камеи, мозаику, посуду, хрусталь. Вѣера (10), табакерки, коробочки для мушекъ (12) представляютъ нерѣдко настоящіе предметы искусства, стоятъ огромныхъ денегъ, ихъ украшаютъ работы знаменитыхъ художниковъ. Въ XVIII в. мало кто курилъ, за то табакъ нюхали почти всѣ, и дамы, и мужчины, и табакерки употреблялись самыхъ разнообразныхъ видовъ, формъ, золотыя, перламутровыя, съ камнями, съ мозаикой, живописью и др. (13 и 14). Кромѣ того въ XVIII в. распространяется мода на миніатюры—портретики, вырѣзанные на кости, выложенные мозаикой, рисованные на фарфорѣ, стеклѣ, золотѣ, эмалевые. Ими украшаютъ табакерки, браслеты, носятъ какъ медальоны на цѣпочкахъ (15), какъ фермуары на ожерельяхъ.

Говоря о жизни XVIII в., нельзя обойти молчаніемъ портрета. Портретъ конца XVIII в. не только изображеніе извѣстнаго лица, съ свойственными ему индивидуальными чертами, какимъ старался быть портретъ начала XVIII в. и сталъ портретъ нашего времени. Портретъ конца XVIII в. имѣетъ болѣе широкое значеніе, и помимо изображенія даннаго лица, онъ является картиной эпохи, нравовъ, быта, настроенія. Живописи иной не зналъ конецъ XVIII в., художники всѣ свои способности, силы вкладывали въ портреты; трудно сказать, были ли похожи эти дамы и кавалеры, но въ нихъ есть что то общее—парадность, офиціальность въ лицахъ мужчинъ, манерность, томность—въ женскихъ (16 и 17). И вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ кистью Ритта, Боровиковскаго, Виже-Лебренъ, Левицкаго, живутъ эти давно умершіе люди, и въ нихъ оживаетъ вѣкъ Екатерины.

ВЫѢЗДЫ (Табл. XVIII).

Въ концѣ XVIII в. городскіе выѣзды совершались столь же пышно, какъ и при Елизаветѣ: ѣздили въ роскошныхъ каретахъ цугомъ парой, четверней, или шестерикомъ, въ англійской упряжкѣ. Кареты украшались живописью, обивались бархатомъ (рис. 1). Число роскошныхъ каретъ увеличивается, но Екатерина II начинаетъ запрещать непомѣрно роскошные выѣзды и указываетъ, на сколькихъ лошадяхъ полагается ѣздить въ каждомъ чинѣ.

Въ Москвѣ, съ легкой руки гр. А. Орлова входитъ въ моду русская упряжь — одиночка, или пара съ пристяжкой; входятъ въ моду прогулки зимой на маленькихъ саночкахъ, безъ кучера: баринъ правилъ самъ, а на запяткахъ стоялъ кучеръ съ бичемъ (2). Тотъ же гр. А. Орловъ сталъ разводить улучшенную породу рысистыхъ лошадей, названныхъ по его имени „орловскими". При немъ въ Москвѣ стали увлекаться рысистыми бѣгами.

Путешествія изъ города въ деревню и обратно въ тѣ времена представлялись дѣломъ труднымъ и не вполнѣ безопаснымъ. Нерѣдки были случаи нападенія разбойниковъ на путешественниковъ, ограбленія, убійства, и потому ѣздили съ охраной — вооружали своихъ дворовыхъ людей, старались кромѣ того получить отъ военнаго начальства отрядъ конныхъ солдатъ, и надѣясь на ихъ помощь, ѣхали уже спокойно. Переѣздъ помѣщика обставлялся торжественно. Впереди ѣхалъ обозъ съ поварами, слугами, припасами, подушками, коврами и тому подобными вещами. Ночевки дѣлали въ селахъ; для этого занимали избу, обивали ее коврами, занавѣсками. Въ городахъ старались остановиться у знакомыхъ, или, если таковыхъ не оказывалось, у зажиточныхъ купцовъ. Но случалось, что ночлеги устраивали и въ полѣ, гдѣ раскидывались палатки, раскладывались костры. Постоялыми дворами старались не пользоваться по причинѣ крайней неприспособленности ихъ. Самъ поѣздъ помѣщика представлялъ любопытную картину: его составляли дормезъ — огромная помѣстительная карета, съ выдвижными ящиками, столиками, даже кроватью, на случай, если придется заночевать въ дорогѣ, съ зеркалами, полочками, настоящій домъ на ко-

лесахъ (3 и 4); зимой такой дормезъ ставился на полозья (5). За нимъ слѣдовали коляски, кареты, въ которыхъ ѣхали члены семьи, приближенные, приживальцы, приживалки. Всю эту процессію охраняли конные солдаты и собственные казаки.

Передвиженіе по рѣкамъ не было развито въ XVIII в.; петербуржцы любили, какъ и при Петрѣ, кататься на яликахъ, или „рябикахъ“ по Невѣ (6). Въ болѣе далекія плаванія пускались на большихъ гребныхъ и парусныхъ суднахъ — галерахъ; такъ путешествовала Екатерина II по Волгѣ и по Днѣпру (7).

АРМІЯ И ФЛОТЪ (Табл. XIX).

Послѣ Петра Великаго численность войска продолжала увеличиваться и въ годъ смерти Елизаветы Петровны достигала уже 606,178 человѣкъ, при чемъ треть этой арміи, правда, составляли иррегулярныя войска—казаки и калмыки. Но эта растущая армія сильно отличалась отъ арміи Петра Великаго. По прежнему оставалось въ силѣ правило, требовавшее, чтобы дворяне начинали службу съ низшихъ, солдатскихъ чиновъ, но въ обходъ этого закона стали записывать солдатами младенцевъ; такъ знаменитый Румянцевъ - Задунайскій былъ записанъ 6 лѣтъ, Бибиковъ — 2 лѣтъ. Записанный рядовымъ, „недоросль“ проходилъ всѣ чины, сидя въ деревнѣ и являлся на службу уже въ офицерскомъ чинѣ. Поэтому дѣйствительная численность расходилась съ той, какая была на бумагѣ. Непрестанныя жалобы на тяжесть военной службы дворянъ побудили правительство сдѣлать нѣкоторыя уступки: такъ въ 1736 г. было разрѣшено не служить единственному сыну, а если сыновей было нѣсколько, то одному изъ нихъ, по выбору отца; кромѣ того было разрѣшено выходить въ отставку прослужившему безпорочно не менѣе 25 лѣтъ. Наконецъ, грамота Петра III освободила дворянство отъ обязательной службы. Переставъ быть обязательной, военная служба стала считаться дворянами почетной.

Со времени Петра Великаго гвардія начинаетъ играть первенствующую роль, какъ при его ближайшихъ преемникахъ, такъ и при Екатеринѣ Великой. Гвардейскіе полки не могли вмѣстить всѣхъ служащихъ дворянъ, и въ гвардію стали поступать только самые богатые и знатные дворяне. Эти обстоятельства, близость гвардію къ двору, привилегированное положеніе, дѣлали то, что въ жизни гвардейскаго офицерства стала господствовать небывалая роскошь: всѣ офицеры, даже небогатые, держали кареты, множество слугъ. Внѣ службы никто мундировъ не носилъ, но носили „великой цѣны стоящія шубы“, муфты, шелковые чулки и т. д. Даже и мундиры дѣлали не форменные, по „петиметрскіе“, и т. д.

Вообще внѣшній видъ не только гвардіи, но и арміи, дѣлается болѣе параднымъ. Во всѣхъ частяхъ войска вводится новая форма — мундиры съ множествомъ украшеній, позументовъ, шнуровъ. Мундиры дѣлаютъ разнаго цвѣта, по полкамъ. Всѣ солдаты и офицеры носятъ сложныя прически—пудреные парики съ буклями и косами (рис. 1, 2, 3, 4 и 5).

При преемникахъ Петра флотъ постепенно пришелъ въ полный упадокъ. По словамъ Екатерины II, „корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный“. Поэтому Екатерина II, желавшая возстановить то значеніе, который флотъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, уже въ 1762 г. отправила въ Англію для изученія морского дѣла 20 человѣкъ, учениковъ Морского корпуса, а также предложила ѣхать съ той же цѣлью всѣмъ желающимъ морскимъ офицерамъ. По возвращеніи въ Россію они должны были сдать полный экзаменъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при Екатеринѣ былъ реформированъ Морской корпусъ. Снова начинаютъ строить суда.

Для войны съ турками, русскій флотъ совершилъ настоящій подвигъ, пройдя моремъ изъ Балтійскаго моря въ Средиземное. Побѣда надъ турецкимъ флотомъ, рѣшившая турецкую войну, напомнила славныя морскія побѣды Петра Великаго (6). Въ день празднованія Чесменской побѣды митрополитъ Платонъ, въ словѣ, произнесенномъ у гробницы Петра, говорилъ: „Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое... О, какъ бы сердце твое, великій Петръ, возрадовалось, если бы—

но слыши, мы тебѣ, какъ живому вѣщаемъ: флотъ твой въ Архипелагѣ у береговъ азіатскихъ, Оттоманскій флотъ до конца истребленъ“. Начало турецкой войны указало Екатеринѣ, сколь неудобно не имѣть флота въ Черномъ морѣ, и тогда же поспѣшно приступлено было къ сооруженію кораблей на Азовскомъ морѣ. Но суда эти, небольшія и валкія, оказались неудобными для Чернаго моря, большихъ же судовъ нельзя было строить въ Азовскомъ морѣ, вслѣдствіе его мелководія. Со взятіемъ Керчи, Евпаторіи и другихъ пунктовъ на Черномъ морѣ явилась возможность строить настоящія морскія суда. Съ 1775 г. сталъ созидаться въ Черномъ морѣ флотъ, при чемъ это дѣло поручено было намѣстнику Новороссіи князю Потемкину. Строились корабли сначала въ Херсонѣ, гдѣ въ 1783 г. былъ спущенъ первый корабль „Слава Екатерины“; потомъ строеніе судовъ перенесено было въ Севастополь. Всего къ концу правленія Екатерины Черноморскій флотъ состоялъ изъ 12 большихъ линейныхъ кораблей 80-ти и 66-ти пушечныхъ, 20 фрегатовъ и 23 мелкихъ судовъ.

ШКОЛА И КНИЖНОЕ ДѢЛО (Табл. XX).

При преемникахъ Петра Великаго продолжала развиваться школа въ томъ же направленіи, какое ей было дано преобразователемъ: школа продолжала оставаться спеціальной, пріуроченной къ опредѣленнымъ потребностямъ государства. Таковы были открытый Анной Іоанновной Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ и основанные по его образцу при Елизаветѣ Петровнѣ — Пажескій корпусъ (рис. 1), Морской шляхетный корпусъ, а также артиллерійская школа, и школы при коллегіяхъ для подготовленія гражданскихъ чиновниковъ; всѣ эти школы имѣли опредѣленныя практическія цѣли и были предназначены только для одного сословія. Первою общеобразовательною школою была Академическая гимназія, отрытая въ 1726 г. при Академіи Наукъ: но для этой школы, не нашлось русскихъ учениковъ и они, какъ и первые профессора для академическаго университета, были выписаны изъ за границы. При Елизаветѣ Петровнѣ былъ открытъ въ Москвѣ первый Университетъ съ гимназіей при немъ; но первое время преподаваніе и тамъ шло плохо: то не было профессоровъ, и всѣ предметы цѣлаго факультета читалъ одинъ профессоръ, то не хватало слушателей. Столь же печально шло обученіе въ гимназіяхъ московской и казанской.

Только при Екатеринѣ II дѣло народнаго образованія приняло иное направленіе. Прекрасно образованная сама, императрица Екатерина высоко ставила образованіе народное: „надлежитъ развивать ту націю, которою долженъ управлять“, писала она и постаралась эти слова оправдать дѣлами. Первые годы она увлекалась идеями своего сподвижника И. И. Бецкаго, который мечталъ „образовать новую породу людей“ при помощи новаго воспитанія. Сообразно этой идеѣ Екатерина начинаетъ основывать закрытыя заведенія, въ которыхъ не только обучали, но и воспитывали дѣтей. Такъ были открыты Благородный пансіонъ при Московскомъ Университетѣ, женскій Институтъ при Смольномъ монастырѣ, или „воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“ для дочерей дворянъ. Въ слѣдующемъ году было открыто при Институтѣ мѣщанское отдѣленіе, для дочерей мѣщанъ, купцовъ, чиновниковъ; тогда какъ въ первомъ стремились образовать „благовоспитанную свѣтскую барышню“, въ мѣщанскомъ отдѣленіи готовили дѣвушекъ для трудовой жизни въ качествѣ гувернантокъ, учительницъ, знакомили ихъ съ домоводствомъ. Для того, чтобы оградить дѣвицъ отъ вліянія среды, родителямъ даже на лѣто не разрѣшали брать ихъ домой. Къ числу такихъ же училищъ, долженствовавшихъ образовать новую породу людей, нужно отнести и Воспитательный домъ въ Москвѣ, въ которомъ давали образованіе и воспитаніе безпріютнымъ и покинутымъ дѣтямъ. Но Екатерина II скоро убѣдилась, что мечта о созданіи „новой породы людей“ не достижима и рѣшила ограничиться болѣе узкой, но легче осуществимой задачей—дать возможность получить образованіе уже существующей породѣ людей. Для осуществленіи этой задачи она рѣшила воспользоваться примѣромъ австрійскихъ школъ. По совѣту Іосифа II она приглашаетъ серба Янковича де Миріево, виднаго педагога и директора народныхъ школъ въ Австріи, принять участіе въ составленіи плана организаціи народнаго обученія въ Россіи. Въ 1782 г. была назначена Коммиссія, которая должна была выработ-

тать новый училищный уставъ, планъ преподаванія, составить и перевести учебники. Раньше всего была учреждена первая въ Россіи учительская семинарія, подготовлявшая учителей, а въ 1786 г. были открыты и училища. Училища были двухъ родовъ—малыя въ уѣздныхъ городахъ, и главныя въ губернскихъ. Курсъ обученія въ первыхъ былъ двухлѣтній, во вторыхъ — пятилѣтній; обучали въ этихъ училищахъ закону Божьему, грамотѣ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, начаткамъ физики, геометріи, естествознанія, механики, рисованію. Курсъ былъ расположенъ концентрически и въ старшихъ классахъ дополняли и развивали то, что проходили въ младшихъ. Главное училище составляло прямое продолженіе малыхъ; по окончаніи главнаго училища былъ открытъ путь въ университетъ. По проекту Екатерины, предполагалось кромѣ Московскаго открыть университеты въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Кромѣ того, очевидно, предполагались училища сельскія, подготовительныя къ малымъ, но эта часть проекта, равно какъ и открытіе университетовъ, не была осуществлена. Но и то, что было сдѣлано имѣетъ важное значеніе: въ этихъ училищахъ Россія впервые получила безсословную, безплатную, общеобразовательную школу, цѣлью которой было создать образованнаго человѣка, гражданина. Сообразно различнымъ потребностямъ, въ этой общеобразовательной школѣ вводили спеціальные предметы: въ приморскихъ городахъ мореходныя науки, въ Сибири—китайскій языкъ, въ южно-русскихъ городахъ—новогреческій, для желающихъ перейти въ университетъ—новые языки.

Въ этихъ школахъ было много новаго: были изгнаны тѣлесныя наказанія, такъ какъ Екатерина считала, что „растить тварь разумную, какъ скотъ, неприлично“. Екатерина и ея сподвижники въ дѣлѣ народнаго образованія проповѣдуютъ гуманность, мягкость въ обращеніи съ дѣтьми; Екатерина совѣтуетъ „привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ школѣ вводятся новые пріемы обученія—наглядность, пробужденіе интереса, самодѣятельности, взамѣнъ прежняго заучиванія наизусть. Впервые вниманіе обращается на физическое развитіе дѣтей. Но Екатерининская школа представляетъ большой интересъ и еще одной особенностью своей: школа эта была тѣсно связана съ обществомъ. Попечителемъ школы назначался губернаторъ, надзирателемъ выбирался уважаемый гражданинъ. Въ школахъ устраивались публичные диспуты, экзамены, спектакли, вечера, на которые приглашались всѣ желающіе. Такимъ образомъ Екатерина II думала при посредствѣ школы вліять и на общество.

Школа Екатерининскаго времени не ограничивалась только казенною. Наряду съ ней продолжали существовать и конкурировать многочисленные частные пансіоны; въ Москвѣ, напримѣръ, многіе профессора открывали свои пансіоны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обученіе было поставлено очень хорошо. Кромѣ того, существовало много пансіоновъ, содержавшихся иностранцами, преимущественно французами; въ этихъ пансіонахъ обучали языкамъ, исторіи, географіи, танцамъ, рисованію, хорошимъ манерамъ (2). Въ женскихъ пансіонахъ сверхъ того обучали рукодѣліямъ, „убирать на головѣ“, и т. д. Содержатели пансіоновъ часто бывали людьми крайне невѣжественными, приносившими ученикамъ только вредъ, и правительство Екатерины старалось бороться съ этимъ зломъ; отъ иностранцевъ потребовали сдавать экзаменъ при университетѣ, безъ чего не разрѣшали открывать заведенія, но эти мѣры не давали желательныхъ результатовъ.

Существовалъ еще типъ воспитанія, который Екатерина называла „мутнымъ источникомъ“— это было домашнее воспитаніе; о томъ, на какой ступени стояло обученіе и воспитаніе дворянскихъ дѣтей, даютъ понятіе воспоминанія многихъ лицъ, получившихъ такое воспитаніе — Державина, Лопухина, Новикова. Изъ нихъ видно, что Фонъ-Визинъ въ общемъ даетъ вѣрную и правдивую картину воспитанія; часто обученіе ввѣрялось грамотнымъ слугамъ, дьячкамъ, отставнымъ солдатамъ. Понятно, что на такихъ „учителей“ родители смотрѣли съ пренебреженіемъ. За то учителя—иностранцы пользовались большимъ почетомъ, не взирая на то, что по нравственному, а порой и научному уровню не стояли выше доморощенныхъ педагоговъ. Лучшіе люди того времени съ негодованіемъ говорили о легкомысліи родителей, довѣрявшихъ воспитаніе дѣтей людямъ, „все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что они родились во Франціи“, гдѣ нерѣдко были кучерами и горничными. Характеренъ разсказъ Порошина о чадолюбивомъ родителѣ, нанявшемъ гувернера—француза, оказавшаго чухонцемъ, который въ совершенствѣ научилъ воспитанника владѣть этимъ языкомъ.

Вѣкъ Екатерины ознаменованъ необычайнымъ разцвѣтомъ литературы: ни въ одну эпоху

XVIII в. не издавалось столько книгъ русскихъ и переводныхъ, какъ въ это время. Но кромѣ книгъ различнаго характера, съ 1769 г. издается цѣлый рядъ журналовъ, въ томъ числѣ сатирическихъ журналовъ, представляющихъ особый интересъ для исторіи нравовъ и быта XVIII вѣка. Съ 1769 г. сталъ выходить первый сатирическій журналъ „Всякая Всячина“ (3), издателемъ котораго считался Козицкій, но въ дѣйствительности направляла журналъ сама императрица. За „Всякой Всячиной“ выходитъ рядъ другихъ журналовъ: „Трутень“ Новикова (4), „Адская Почта“ Эмина, „И то и сіо“ Чулкова, „Смѣсь“ и др. Въ первыя десять лѣтъ правленія Екатерины выходило двадцать сатирическихъ журналовъ, изъ нихъ восемь въ 1769 г. Послѣ 1774 г. журналы издавались рѣже, изъ нихъ болѣе извѣстны „Почта духовъ“ Крылова, „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, „Трудолюбивый муравей“. Видно вліяніе англійскихъ журналовъ — аллегоріи, сны, путешествія въ страны мертвыхъ, да ке названія переводятъ англійскія — „Пустомеля“, „Зритель“. Издатели, боясь наскучить, мѣняютъ заглавіе, форму, напр., Новиковъ издаетъ „Трутень“, „Живописецъ“ и „Кошелекъ“. Рѣдко когда одинъ журналъ издавался два года, но часто вслѣдствіе успѣха журнала его повторяли вторымъ изданіемъ. Въ журналахъ помѣщались статьи или безъ подписи, или подъ псевдонимомъ,— Любомудровъ, Неспускаловъ и т. д. Всѣ эти журналы, осмѣивая недостатки общества, раздѣлялись на два лагеря — въ первомъ, съ „Всякой Всячиной“ во главѣ, старались „издѣвкой править нравъ“, исправлять недостатки общества тонкой насмѣшкой; и въ тоже время призывали къ снисхожденію къ слабостямъ человѣческимъ, такъ какъ одному не возможно „весь свѣтъ исправить“. Наоборотъ, „Трутень“ требовалъ безпощадной сатиры и возмущался „Всякой Всячиной“, называвшей порокъ слабостью; въ противоположность ей, „Трутень“ требовалъ, чтобы сатира была направлена не только противъ отвлеченныхъ пороковъ, но карала опредѣленныхъ лицъ. Сторону „Всякой Всячины“ принялъ „Ни то, ни сіо“, сторону „Трутня“ — „Смѣсь“ и „Адская Почта“. Осуждая современное общество сатирическіе журналы особенное вниманіе обращали на воспитаніе. „Трутень“, „Кошелекъ“ и др. высмѣивали родителей, поручающихъ воспитаніе дѣтей невѣжественнымъ французамъ. Такъ „Трутень“ печаталъ, что „прибылъ карабль изъ Бордо; на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ привезено 24 француза“, называющихъ себя графами и маркизами; всѣ они „жили въ великой ссорѣ съ парижской полиціей“ и теперь „намѣрены вступить въ должности учителей благородныхъ молодыхъ людей“. Осмѣивали и результаты воспитанія—презрѣніе ко всему родному, нелѣпое преклоненіе передъ иностраннымъ, пустоту общества. Въ „Живописцѣ“ приведено много образцовъ того нарѣчія, на которомъ говорили щеголи и щеголихи, напримѣръ: „Ты радость безподобенъ, безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужесть, какъ ты славенъ. Читая твои листы я безподобно утѣшаюсь, какъ все у тебя славно—слогъ растеганъ, мысли прыгающи“. Журналы захватывали и болѣе глубокіе вопросы — осуждали лихомство, неправосудіе. Журналы Новикова осуждали крѣпостное право, осторожно оговариваясь, что есть помѣщики, у которыхъ крестьяне „наслаждаются вожделѣннымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію“.

При Екатеринѣ II значительно увеличивается количество изящныхъ, и даже роскошныхъ съ внѣшней стороны изданій; такъ издаются сказки и другія произведенія самой императрицы, оды Державина, Хераскова, Ломоносова, басни Лафонтена, Приключенія Телемака и другіе (5). Въ 1774 г. начинаетъ издаваться первый иллюстрированный художественный журналъ: „Открываемая Россія, или собраніе одеждъ всѣхъ народовъ въ Россійской Имперіи обрѣтающихся“, составляются описанія различныхъ мѣстностей Россіи: „Географическое описаніе Волги отъ Твери до Дмитріева“, „Топографическое описаніе Калужскаго намѣстничества“ и т. д. Издаются роскошнымъ образомъ „Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ“, „Путешествіе“ Гмелина, Палласа, „Жизнеописанія Петра Великаго“ и т. д. Наконецъ, кромѣ книгъ литературнаго и художественнаго характера, иллюстрируются даже и такія сухо-официальныя изданія, какъ Наказъ, Учрежденія Воспитательнаго дома, Уставъ Академіи Художествъ и т. д.

МОНЕТА (Табл. XXI).

При Петрѣ Великомъ стали чеканить монету по новому образцу: только при Петрѣ В. появляется въ Россіи золотая монета, служившая прежде только для наградъ: рублевики и золотые двухрублевики (рис. 1). Петръ увеличилъ количество серебряной монеты, которая стала при немъ болѣе разнообразной: обращались рубли (2 и 3), полтины (4), полполтины, гривенники, десятикопѣечники (5), пятикопѣечники (6), алтыны или трехкопѣечники (7) и копѣйки (8), денежки, полушки и полуполушки. На монетахъ чеканили изображеніе государя съ одной стороны и гербъ—съ другой. Алтыны, впрочемъ, къ концу правленія Петра выходятъ изъ употребленія и счетъ алтынами остается только для обозначенія кратныхъ чиселъ—пять алтынъ (15 коп.), два алтына т. д. Для того, чтобы затруднить поддѣлку, было приказано „мелкія деньги не чеканить, но дѣлать тисненыя, сколь можно тоньше и отпечатывать ихъ по краямъ".

Кромѣ того, при Петрѣ были въ обращеніи мѣдныя монеты—пятаки, копейки.

Чрезвычайно интересны особыя монеты, которыя стали чеканить съ 1725 г. въ Сибири — въ видѣ большихъ квадратныхъ кусковъ мѣди различнаго достоинства—въ рубль, въ гривну (9), пять копѣекъ (10). Эти „платы", какъ называли такую монету, дѣлались изъ красной мѣди; по угламъ выбивался гербъ, въ центрѣ—обозначеніе года, стоимости и мѣста чеканки. Платы были очень тяжелы—рублевые вѣсили 4 фунта.

При преемникахъ Петра продолжали употребляться тѣ же золотыя монеты, что и при самомъ Петрѣ. Только при Аннѣ были отмѣнены золотые двухрублевики, а стали чеканить червонцы, не имѣвшіе установленной закономъ цѣны. Начиная съ Елизаветы Петровны червонцы стали чеканить опредѣленнаго вѣса, червонцы стали называть „имперіалы" и „полуимперіалы" — въ 10 и 5 р. Кромѣ того при Елизаветѣ снова стали чеканить золотые двухрублевики (11). При Екатеринѣ II чеканились тѣ же монеты. Мѣнялись только портреты государей. Въ серебряной монетѣ тоже не было значительныхъ перемѣнъ (12 и 13).

При Аннѣ Іоанновнѣ введена новая мѣдная монета: пятаки, денежки и полушки, старыя же изъяты изъ употребленія; такимъ образомъ, количество мѣдной монеты уменьшилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилось и разнообразіе ея. Тоже продолжалось и при Елизаветѣ Петровнѣ; зато при Екатеринѣ II огромное значеніе пріобрѣтаетъ мѣдная монета, которой при этой государынѣ было выпущено больше почти въ четыре раза, нежели за время отъ Петра до ея вступленія на престолъ. Это были тѣ же десятикопѣечники (14), пятаки (15), полушки (16), денежки (17), грошевики, двухкопѣечники. Кромѣ того при Екатеринѣ II впервые стали обращаться въ Россіи ассигнаціи (18). Въ 1768 г. были учреждены два банка—въ Петербургѣ и въ Москвѣ, которые производили обмѣнъ—ассигнацій на звонкую монету. Первоначально стоимость ассигнацій стояла наравнѣ съ звонкою монетою. Но съ теченіемъ времени правительство принуждено было увеличить количество бумажныхъ денегъ, и къ концу царствованія Екатерины II серебряный рубль стоилъ уже 142 коп. ассигнаціями.

МАЛОРОССІЯ XVIII В.

ПОСТРОЙКИ (Табл. XXII).

Въ началѣ XVIII в. по сравненію съ русскими городами, города Малороссіи производили выгодное впечатлѣніе своей чистотой, правильностью улицъ. Такъ, датчанинъ Юстъ Юль, проѣзжая черезъ Молороссію, послѣ пребыванія въ Петербургѣ, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „улицы прекрасны, какихъ я въ Россіи нигдѣ не видывалъ, дома прекрасны, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи“. Какъ и въ концѣ XVII в., въ началѣ XVIII в. въ городахъ продолжали возводить постройки въ стилѣ „украинскаго барокко“, о которомъ мы уже говорили ранѣе. Къ сожалѣнію, и отъ XVIII в. осталось не много архитектурныхъ памятниковъ вообще и въ частности памятниковъ деревяннаго зодчества. Тѣмъ не менѣе, по тому, что осталось, мы можемъ представить наиболѣе характерныя черты юго-западныхъ построекъ. Остались характерныя постройки въ усадьбѣ Кіево-Печерской Лавры — большіе флигеля съ высокими, остроконечными фронтонами, съ окнами, отдѣланными лѣпными орнаментами, часто съ типичными барочными волютами, съ двускатными крышами съ изломомъ (рис. 1). Сохранился своеобразный входъ въ одинъ изъ флигелей съ галлерейкой, съ массивными колоннами (2). Еще болѣе интересно то сильно перестроенное зданіе, въ которомъ останавливался по преданію императоръ Петръ во время пребыванія въ Кіевѣ—въ этомъ домѣ типична стѣна съ рядомъ колоннъ на подобіе лоджъ, массивныхъ, грубыхъ (3).

Большею частью неизвѣстны имена архитекторовъ, работавшихъ въ XVIII в. въ Малороссіи, но имена нѣкоторыхъ изъ нихъ мы знаемъ: извѣстно, что въ Кіевѣ долго работалъ тотъ самый Шедель, который такъ много строилъ въ Петербургѣ; въ произведеніяхъ этого архитектора бросается въ глаза стремленіе не только строить по своему, но приблизиться къ мѣстному стилю. И потому зданія, построенныя Шеделемъ въ Кіевѣ, столь не похожи на его петербургскія постройки. Онъ перестроилъ въ 1706 г. зданіе Академіи, надстроилъ третій этажъ, высокую башню, соорудилъ красивыя лоджи (4)—къ сожалѣнію современное зданіе значительно отличается отъ Шеделевскаго. Но однимъ изъ лучшихъ произведеній Шеделя въ Кіевѣ являются ворота Софійскаго собора, выходящія на Георгіевскій проулокъ: они довольно грубы, на нихъ слишкомъ много украшеній, но все же въ орнаментаціи ихъ видно желаніе слить барочный стиль съ мѣстнымъ, и въ нѣкоторой степени это удается автору (5). Но все же въ XVIII в. въ Кіевѣ было мало каменныхъ зданій; въ 1760 г., напримѣръ, на Печерскѣ не было ни одного каменнаго дома.

Глуховъ, служившій резиденціей гетману, былъ также украшенъ красивыми зданіями. Къ сожалѣнію, они не сохранились. За то сохранилось описаніе пышной малороссійской коллегіи: это было зданіе обширное по размѣрамъ, въ которомъ были смѣшаны самые различные стили: его украшали античныя колонны, статуи героевъ древности, боговъ, а рядомъ — казацкихъ гетмановъ, сотниковъ, на стѣнахъ красовались казачьи клейноды, лиры Аполлона, колчаны и луки амура, и гирлянды цвѣтовъ, цѣлый цвѣточный коверъ, среди котораго доминировали подсолнухи.

Въ постройкахъ даже и не богатыхъ людей большое мѣсто отводилось живописи: стѣны, двери, оконницы расписывались самымъ разнообразнымъ способомъ. Наиболѣе излюбленнымъ сюжетомъ росписи стѣнъ служило изображеніе „казака Мамая“, курящаго трубку, съ оселедецомъ, свѣши-

вающимся до плеча; фонъ картины составляли иногда пляшущіе казаки, иногда—казаки, вѣшающіе за ноги „ляха“ или „жида“ (табл. XXIV, 13). Стѣны часто украшали затѣйливымъ орнаментомъ, цвѣтами; завѣшивали коврами, шитыми полотенцами, украшали полками съ посудой и т. д. (табл. XXIV, рис. 14 и табл. XXV).

Говоря о постройкахъ XVIII в. нельзя обойти молчаніемъ тѣ „палацца“ польской и литовской знати, магнатовъ, жившихъ въ сосѣднихъ польскихъ областяхъ настоящими королями, окруженные пышнымъ дворомъ. Въ этихъ дворцахъ особенно прививается стиль барокко, столь соотвѣтствовавшій всей культурѣ этой страны и эпохи, культурѣ, въ которой странно смѣшивались утонченность придворныхъ нравовъ съ грубостью и невѣжествомъ. Наиболѣе хороши изъ этихъ дворцовъ замки князей Вишневецкихъ въ Вишневцѣ и Любомирскихъ въ Ровно. Послѣдній дворецъ, построенный въ 1735 г. представлялъ собой величественное зданіе, окруженное рвомъ, съ перекидными мостами, роскошнымъ паркомъ съ оранжереями и ананасарнями. Самъ палаццо — типичное зданіе въ стилѣ барокко, украшенное снаружи арматурами, статуями, гирляндами цвѣтовъ (8). Внутри залы его были расписаны сценами охотъ, пейзажами, сценами изъ мифологіи. Въ замкѣ этомъ „отрядъ янычаръ украшалъ своими экзотическими одеждами толпу, одѣтую въ кунтуши. Музыка, пиры, танцы не прекращались никогда“, говоритъ одинъ изъ современниковъ.

Конецъ XVIII в. вноситъ много новаго въ жизнь и вкусы; юго-западная Русь утрачиваетъ свою обособленность, выходитъ изъ моды „украинское барокко“, его замѣняетъ все нивеллирующій классицизмъ, съ его традиціонными колоннами, портиками (9), и зданія въ стилѣ ампиръ начинаютъ также украшать площади Кіева и Чернигова, какъ и любого города средней Россіи.

Ц Е Р К В И (Табл. XXIII).

Въ XVIII в. оживляется еще болѣе церковное строительство Юго-Западной Руси; ранѣе мы уже говорили о деревянномъ строительствѣ *). Что касается каменнаго строительства, то оно шло по тому же пути увлеченія барочными формами, какой мы отмѣчали для конца XVII в. Вообще въ XVIII в. строилось много новыхъ храмовъ, но кромѣ того многія церкви были заново перестроены—такъ въ началѣ XVIII в. былъ перестроенъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ, ему былъ приданъ тотъ видъ, какой сохранился и до сихъ поръ (рис. 1). Былъ перестроенъ и Михайловскій соборъ Михайловскаго монастыря и ему былъ тоже приданъ типичный фасадъ стиля барокко; тогда же были построены и боковые придѣлы. Въ 1729 г. была достроена Великая лаврская церковь, въ ней подняли стѣны паперти и сравняли ихъ съ стѣнами храма. Былъ перестроенъ и обращенный еще въ XVII в. въ православную церковь католическій костелъ св. Николая—теперь храмъ св. Петра и Павла. Фасадъ его былъ декорированъ лѣпными орнаментами стиля барокко (2).

Новые храмы продолжали строить въ томъ же стилѣ, въ которомъ сливались мѣстныя традиціи и западный стиль — такъ были построены соборъ въ Ромнахъ, напоминающій большую деревянную церковь (3), церкви Чернигова, Прилукъ и др.; въ нихъ твердо соблюдается украинское расположеніе главъ. Говоря о храмахъ XVIII в. нужно также упомянуть о постройкахъ того же архитектора Шеделя, о которомъ мы говорили въ очеркѣ гражданской архитектуры. Шедель строилъ въ Кіевѣ не мало—вѣроятно ему принадлежитъ пышная орнаментація Богоявленской церкви Братскаго монастыря, онъ построилъ въ Кіевѣ и двѣ великолѣпныхъ колокольни—колокольню лаврскую, въ которой далъ удивительный по красотѣ и изяществу памятникъ искусства, ничѣмъ, впрочемъ, не связанный съ мѣстными традиціями (4), и колокольню Софійскаго собора (5). Эта послѣдняя менѣе высокая, была замѣчательно красива. Всѣ стѣны ея сплошь покрыты изящными лѣпными украшеніями, частью барочнаго, частью же мѣстнаго типа. Въ XIX в. колокольня эта была перестроена, былъ надстроенъ четвертый ярусъ и она потеряла прежнюю красоту и пропорціональность формъ.

Строились въ Малороссіи храмы и по образцамъ, чуждымъ мѣстнымъ вкусамъ — таковы церкви Растрелли (Андреевская въ Кіевѣ), церковь, построенная въ Козельцѣ ученикомъ Растрелли, Квасовымъ (6), и другія.

---

*) Вып. II, табл. XXXIX.

Въ церквахъ конца XVII и XVIII в.в. чрезвычайно интересны иконостасы. Въ нихъ мы часто видимъ удивительную по красотѣ и изяществу рѣзьбу по дереву; основнымъ мотивомъ ея чаще всего служитъ вьющаяся виноградная лоза, обремененная плодами; особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ иконостасы Военнаго Никольскаго собора въ Кіевѣ и Выдубецкаго храма; но настоящимъ шедевромъ является иконостасъ Сретенскаго предѣла Софійскаго собора; тамъ изображенъ Іессей, изъ бока котораго выростаетъ древо, вѣтвями заполняющее весь иконостасъ и образующее рамку вокругъ иконъ (7).

ОДЕЖДЫ (Табл. XXIV—XXV).

Главную массу населенія Малороссіи составляло казачество. Положеніе казаковъ въ XVIII в. было довольно печально. Они должны были не только принимать участіе въ походахъ, но и нести службу на форпостахъ и въ крѣпостяхъ. Въ 1735 г. была сдѣлана попытка регулировать положеніе казака: было опредѣлено, что каждый „выборный", служащій казакъ долженъ былъ являться на службу „во всякой воинской исправности и въ умундированіи, въ двудостойныхъ лошадяхъ". Чтобы дать ему возможность нести эту службу, были организованы особые союзы „подпомощниковъ", которые должны были „помогать казакамъ въ лошадяхъ, оружіи, въ платьѣ, харчахъ и въ прочихъ воинскихъ потребностяхъ" (рис. 1). Но несмотря на это все же положеніе казаковъ мало улучшилось и, по словамъ Миниха, казаки остались „отчасти малолюдны, отчасти худоконны", и большую часть ихъ онъ долженъ былъ въ походахъ возить „какъ мышей, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ". Всѣ казаки раздѣлялись на полки, подчинявшіеся гетману; во главѣ каждаго полка стоялъ полковникъ (2). Всего было въ гетманской Украинѣ 10 полковъ (въ слободской Украинѣ 5 полковъ. Въ отличіе отъ гетманскихъ, слободскіе полки управлялись и были подчинены непосредственно центральной власти). Какъ численность, такъ и пространство земли, занимаемое полкомъ были очень не равномѣрны.

Ненормальное положеніе приводило къ тому, что число казаковъ все болѣе уменьшалось — при Аннѣ ихъ было 20000, при Екатеринѣ II едва — 10000. Казаки стали не нужны, регулярное войско не нуждалось въ казакахъ, а введеніе крѣпостного права упразднило свободныхъ землевладѣльцевъ.

Въ исторіи XVIII в. чрезвычайно интересна роль казачьей старшины: начиная еще со временъ Мазепы старшина эта стремится сравняться съ шляхетствомъ, обособиться отъ прочихъ казаковъ. Казачья старшина именуетъ себя не иначе, какъ „благородными", „высокоблагородными" (3, 4, 5, 6, 7 и 8. Наравнѣ съ стремленіемъ обособиться отъ простого народа идетъ и стремленіе подчинить себѣ „посполитство" — шагъ за шагомъ начинаютъ ограничивать право перехода посполитыхъ. Интересныя цифры даютъ ревизіи: тогда какъ по ревизіи 1726 г. было записано 44961 дворовъ посполитыхъ, при Разумовскомъ посполитыхъ оказалось только 4000 дв., всѣ остальные за этотъ промежутокъ времени превратились въ „подданныхъ" (9 и 10). По указамъ Разумовскаго посполитые лишаются права перехода безъ разрѣшенія владѣльцевъ. Такъ было удовлетворено одно изъ стремленій старшины; вмѣстѣ съ тѣмъ Разумовскій удовлетворяетъ и другое стремленіе: онъ настоялъ на принятіи дѣтей старшины въ корпуса безъ предъявленія патентовъ о благородствѣ на томъ основаніи, что „въ прежнія времена господствовавшей здѣсь простоты... затмилось благородство многихъ фамилій". Введеніе крѣпостного права довершило этотъ процессъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ старшина чуждалась и народной культуры, народной жизни. Были оставлены и національныя одежды, и въ концѣ XVIII в. только старики придерживались ихъ. Всѣ стремились доказать, что они „не здѣшней простонародной породы", но происходятъ отъ польской шляхты; представители старшины старались „начать не только говорить, но и пѣть и плясать по русски", какъ съ горечью заявлялъ одинъ современникъ. Въ концѣ XVIII в., богатыхъ людей Малороссіи, какъ и Россіи, всѣхъ охватываетъ увлеченіе французской культурой, французскимъ языкомъ, литературой.

Печально было въ XVIII в. положеніе мѣщанства. Торговая промышленность большей части малорусскихъ городовъ падаетъ; въ концѣ вѣка даже такіе города, какъ Черниговъ, Глуховъ, Лубны, состоятъ изъ нѣсколькихъ сотъ дворовъ. Живущіе въ городахъ казаки — старшина, уклоняются отъ участія въ городскихъ повинностяхъ, судятся своимъ судомъ, и на мѣщанахъ лежатъ всею тяжестью натуральныя повинности, тогда какъ козаки свободно занимаются торговлей, представляя опасныхъ конкурентовъ мѣщанамъ (11).

Въ XVIII в. существовали еще и запорожскіе казаки: послѣ разгрома Сѣчи Петромъ, они удалились на низовья Днѣпра, но въ 1733 г. возвратились на старыя мѣста и образовали Новую Сѣчь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ старой. Тамъ они представляли собой совершенно независимое общество, не смотря на то, они считались подчиненными кіевскому губернатору, какъ „командиру по запорожскимъ дѣламъ". Населеніе Сѣчи состояло изъ казаковъ и ихъ подданныхъ, „посполиства", не пользовавшихся казачьими правами и работавшими на казаковъ. Казаки дѣлились по старому на курени, которые владѣли угодьями, получали доходы отъ лавокъ и т. д. и содержали своихъ членовъ. Въ 1775 г. Сѣчь была окончательно упразднена и казакамъ было предложено селиться въ городахъ и селахъ Новороссіи.

Но говоря о строѣ юго-западной Руси въ XVIII в. нельзя не упомянуть также и о гайдамакахъ (12). Гайдамаки появляются еще въ началѣ XVIII в., какъ протестъ противъ шляхетства, съ его стремленіями подчинить посполиство и юридически и экономически. Они грабили панскія усадьбы, города, торговые обозы, костелы. Но нерѣдко случалось, что послѣ бурной жизни гайдамаки возвращались къ мирнымъ занятіямъ, обзаводились хозяйствомъ, семьей. Разнообразенъ былъ составъ гайдамаковъ; больше всего среди нихъ было крестьянъ, но были и шляхтичи, и мѣщане. Во главѣ гайдамаковъ чаще всего становились казаки, какъ болѣе опытные въ военномъ дѣлѣ. Въ исторіи гайдамацкихъ движеній характерно то, что они всегда находили поддержку: не говоря уже о томъ, что на сторону нападающихъ гайдамаковъ очень часто переходили надворныя милиціи пановъ, ихъ поддерживали и крестьяне, укрывавшіе ихъ. Не рѣдко поддерживали ихъ и мѣщане, помогая укрыться отъ суда, давъ возможность бѣжать изъ тюремъ. Даже монастыри не рѣдко помогали имъ, видя въ гайдамакахъ защитниковъ церкви, и православія.

ДЕВЯТЬНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ГОРОДЪ (Табл. XXVI).

Выше, говоря о городѣ XVIII в., мы указывали, что несмотря на все увеличивавшееся количество прекрасныхъ зданій, общій видъ даже столичныхъ городовъ былъ не блестящій; тоже приходится сказать и о городѣ XIX в. Даже въ Петербургѣ въ началѣ XIX в. оставалось въ центрѣ много пустырей; такъ прекрасная площадь, на которой былъ построенъ Михайловскій дворецъ, до самой постройки его служила свалочнымъ мѣстомъ. Александръ I, любившій архитектуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ любившій во всемъ порядокъ, правильность, возстановилъ учрежденную Петромъ Великимъ канцелярію строеній—теперь называлась она строительнымъ комитетомъ, во главѣ его былъ поставленъ Бетанкуръ. Въ этотъ періодъ городъ украшается множествомъ прекрасныхъ зданій, вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ наблюдаетъ за постройками частныхъ лицъ, слѣдитъ за правильностью разбиваемыхъ улицъ и кварталовъ. Дома въ Петербургѣ начала XIX в. росли какъ грибы, по выраженію одного современника. Выстроенные въ одну линію, съ дворами позади дома, въ глубинѣ усадьбы, за рѣдкимъ исключеніемъ безъ садовъ, эти новые дома придавали Петербургу видъ, отличный отъ другихъ русскихъ городовъ. Вотъ какъ описываетъ его впервые попавшій въ Петербургъ москвичъ, Пассекъ: „Въ Петербургѣ всѣ дома вытянуты въ линію и стѣснены другими зданіями, такъ что красоты его видѣть нельзя. Конечно, въ Петербургѣ есть зданія, какихъ не сыщешь въ Москвѣ, но отдѣльныя части не условія красоты цѣлаго. Въ Москвѣ каждое зданіе обрисовывается само по себѣ, и вмѣстѣ съ окрестными зданіями представляетъ прелестную картину. Красавецъ Петербургъ суетливъ, холоденъ, всѣмъ недосугъ, у всѣхъ свои виды. Въ Петербургѣ—служить, въ Москвѣ—жить“.

Но такой видъ имѣлъ Петербургъ только въ центрѣ: еще въ 40 г. г. на Невскомъ, возлѣ Пушкинской улицы простирались огороды, Надеждинская и Николаевская (прежде Грязная улица)—представляли рядъ сплошныхъ заборовъ и жалкихъ избушекъ, на Васильевскомъ островѣ не было троттуаровъ, а посреди улицы тянулись деревянные мостки для пѣшеходовъ.

Иной видъ имѣла Москва. Москва въ XVIII в. группировалась около Лефортова, послѣ 1812 г., центръ барской жизни переносится на Срѣтенку, Волхонку, Воздвиженку, на Арбатъ и тутъ выростаетъ множество очаровательныхъ особняковъ въ глубинѣ зеленыхъ дворовъ, окруженныхъ садами, особняковъ, небольшая часть которыхъ украшаетъ и въ настоящее время Москву, перебивая ряды новыхъ небоскребовъ.

Зато губернскіе города первой половины XIX в. мало отличались другъ отъ друга: широкая площадь съ соборомъ, домомъ губернатора, присутственными мѣстами—все зданія, украшенныя большей частью портиками съ колоннами; широкія, поросшія травой улицы, большей частью немощенныя, рѣдко-рѣдко съ троттуарами для пѣшеходовъ; гостинный дворъ; по большей части—особая, аристократическая улица—Дворянская, Садовая, или иная, на которой не было лавокъ, но жили только „господа“, мѣстная аристократія. Въ 1803 г. въ Тамбовѣ, напримѣръ, много домовъ было крыто соломой, или тесомъ, что вызвало распоряженіе правительства „къ искоренію такого безобразія, соединеннаго съ опасностью отъ пожаровъ“. Улицы содержались столь грязно, что въ сырую погоду чиновники ѣздили на службу верхомъ, такъ какъ пройти по улицѣ не было

возможности. Въ 1813 г. во всемъ Тамбовѣ было только три каменныхъ дома. Въ Вологдѣ общая картина города была та же. Во всемъ городѣ только соборная площадь была вымощена. Въ Кишиневѣ—весь городъ состоялъ изъ пустырей и площадей, поросшихъ травой. Даже Одесса, несмотря на ея богатства и торговлю, имѣла довольно печальный видъ: пыльныя улицы, не поливавшіяся даже въ знойные дни, жалкій городской садъ. Во всемъ городѣ не было водопроводовъ и воду возили изъ одного колодца, въ которомъ она была съ соленымъ привкусомъ. Поэтому всѣ жители бережно собирали и хранили дождевую воду, стекавшую съ крышъ.

Въ Россіи было много городовъ, въ которыхъ не было промышленности, торговли; это были чисто дворянскіе города, населеніе которыхъ главнымъ образомъ составляли дворяне, съѣзжавшіеся на зиму и разъѣзжавшіеся по своимъ деревнямъ съ наступленіемъ рабочей поры. Къ числу такихъ городовъ принадлежали напр., Пенза, Орелъ, Тамбовъ и друг. Лѣтомъ такіе города совершенно пустѣли. Торговля въ городахъ производилась почти исключительно въ торговыхъ рядахъ, въ которыхъ прикащики зазывали наперерывъ покупателя, выхваляя свой товаръ. Въ Петербургѣ и Москвѣ даже въ 40 г.г. лучшіе магазины въ городѣ были иностранные. Во многихъ городахъ, какъ въ той же Пензѣ, не было постоянныхъ магазиновъ, и торговля оживлялась только во время ярмарокъ, когда въ города съѣзжались торговцы изъ разныхъ мѣстъ. Изъ такихъ ярмарокъ особенно славились въ Россіи Макарьевская въ Нижнемъ Новгородѣ, Коренная въ Курскѣ и Контрактовая въ Кіевѣ. На время ярмарокъ города оживали: пріѣзжали помѣщики съ женами, дочерями, начинались балы, пріѣзжали труппы артистовъ, словомъ—жизнь закипала. Въ тоже время, на ярмаркахъ совершались крупныя сдѣлки.

Если таковы были губернскіе города, то не трудно вообразить, что представляли собой уѣздные: дѣйствительно, уѣздные города мало отличались отъ деревень; грязныя, немощенныя улицы, соломенныя крыши, деревянные дома. „Судилища по избамъ, торговыя лавки по клѣтямъ и амбарамъ. Нѣтъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, не сыщешь, гдѣ купить хлѣба, куска мяса“, такъ характеризуетъ уѣздные города начала XIX в. офиціальная записка.

ПОСТРОЙКИ (Табл. XXVII).

Начало XIX в. приноситъ много новаго въ архитектурѣ; въ это время идетъ еще дальше увлеченіе классическими образцами; въ отличіе отъ XVIII в., теперь преклонялись уже не передъ Римомъ, но передъ Греціей, и молодые ученые ѣздили учиться не въ Италію, но въ Аѳины. Но въ этомъ увлеченіи античнымъ, характерно и стремленіе къ изысканности, необычности. Нравится стиль архитектуры VI в. до Р. Х., храмы Пестума съ ихъ строгими колоннами. Высокіе фронтоны римскихъ мастеровъ кажутся тривіальными, теперь въ модѣ низкіе широкіе фронтоны; нарядныя коринѳскія капители съ листьями аканта должны уступить мѣсто плоскимъ дорическимъ, и изрѣдка іоническимъ. Изъ римской архитектуры допускается только одинъ типъ—типъ круглаго пантеона съ высокимъ куполомъ. На почвѣ сліянія этихъ двухъ типовъ создается новый типъ купольнаго зданія съ дорическими колоннами. Однимъ изъ первыхъ строеній новаго типа является Горный Институтъ въ Петербургѣ, построенный въ 1806—11 г. Воронихинымъ, блестящимъ архитекторомъ, бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ гр. Строганова. Въ этомъ зданіи онъ старается слѣдовать образцу храма Посейдона въ Пестумѣ, состоящемъ изъ однихъ только колоннъ дорическаго стиля. Въ своемъ зданіи Воронихинъ на первый планъ выдвигаетъ величественный портикъ съ шестью парами дорическихъ колоннъ и довольно плоскимъ фронтономъ; впечатлѣніе отъ этого портика получается столь сильное, что глазъ какъ бы не замѣчаетъ боковыхъ стѣнъ зданія (рис. 1). Поразительно и другое зданіе, того же стиля—это Петербургская биржа, построенная въ 1805 г. Томономъ въ духѣ дорическаго храма; массивная колоннада окружаетъ съ четырехъ сторонъ зданіе. Передъ биржей поставлены удивительныя по своей мощи колонны—ростры—съ могучими фигурами боговъ у подножія и съ вдѣланными въ колонны кораблями. Это строгое выдержанное зданіе заканчиваетъ собой пейзажъ всей набережной и сливается въ одно гармоничное цѣлое съ мѣстностью (2).

Однимъ изъ лучшихъ мастеровъ начала XIX в. по справедливости является Захаровъ, и лучшимъ произведеніемъ Захарова—зданіе Адмиралтейства, построенное имъ въ 1806—15 г.г. Адмиралтейство представляетъ колоссальное сооруженіе (длина одной стороны 200 саженъ); общій планъ его представляетъ неправильную форму покоя съ вытянутой поперечной линіей. Главнымъ украшеніемъ всего зданія служитъ центральная часть въ видѣ высокой башни съ шпицемъ. Подъ башней находится массивная арка „украшенная арматурой и двумя летящими славами съ знаменами въ рукахъ". Надъ массивнымъ квадратомъ арки возвышается второй болѣе легкій, украшенный іоническими колоннами, и увѣнчанный статуями; все сооруженіе заканчивается куполомъ съ острымъ шпилемъ (3). По бокамъ главный фасадъ украшаютъ дорическіе портики; на Неву выходятъ боковые павильоны въ видѣ массивныхъ арокъ, окруженныхъ легкими колоннами.

Вмѣстѣ съ теченіями эллинизма, въ царствованіе Александра I не прекращалось и вліяніе Рима. Самымъ яркимъ представителемъ этого теченія является Росси, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ архитекторовъ начала XIX в. Первымъ поразительнымъ произведеніемъ Росси былъ построенный въ 1818-23 г. Михайловскій дворецъ, теперь Музей Александра III. Въ этомъ дворцѣ прекрасно все, начиная коринѳскимъ портикомъ (4) и кончая всей массой зданія. Но еще поразительнѣе по красотѣ полукруглое зданіе Главнаго Штаба, завершившее собой площадь передъ Зимнимъ дворцомъ, съ изумительной по красотѣ и силѣ аркой (5). Особая трудность задачи заключалась въ томъ, что Морская улица подходитъ къ площади подъ угломъ и Росси пришлось построить двѣ арки по разнымъ направленіямъ. Вообще Росси стремился создавать цѣльныя впечатлѣнія не отдѣльными зданіями, но цѣлыми улицами. Въ этомъ отношеніи ему повезло и онъ создалъ въ Петербургѣ изумительный по выдержанности стиля уголокъ. Это Александринскій театръ, съ упирающейся въ задній фасадъ его Театральной улицей съ одной стороны и стоящей по другую сторону театра, подъ угломъ къ нему, Публичной библіотекой.

Послѣ войны 1812 г. Москва особенно отстраивается и теперь постройки отходятъ отъ прежняго, строго классическаго образца; теперь, собственно, создается тотъ изящный стиль ампиръ, который является особенно характернымъ для эпохи Александра. Постройки дѣлаются красивѣй, болѣе украшенными, болѣе пышными. Для Московскаго стиля болѣе характерны небольшіе барскіе особняки, уютно стоящіе въ глубинѣ тихихъ дворовъ, отгороженныхъ отъ улицы красивой рѣшеткой. Эти особняки не прежніе дворцы вельможъ XVIII в., построенные напоказъ „зрителямъ", но они приспособлены для личныхъ удобствъ хозяевъ; гладкія бѣлыя, или палевыя стѣны, вѣночки надъ окнами, портикъ съ колоннами, щиты съ эмблемами—дружбы, славы, знанія, горящіе факелы любви, тонкіе барельефы за колоннами—таковы отличительныя черты ихъ.

Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ зданій стиля ампиръ въ Москвѣ былъ Опекунскій Совѣтъ, построенный Жилярди. Это красивое зданіе съ стройными колоннами, болѣе тонкими, нежели того требовали классическія правила, фризъ изъ листьевъ, изящныя фигуры, держащія въ рукахъ эмблемы; зданіе вѣнчаетъ куполъ (6). Столь же красивы зданія Государственнаго банка на Никитской, домъ Коннозаводства и т. д.

Въ такомъ же стилѣ строились дома и въ провинціальныхъ городахъ (7), съ той только разницей, что тамъ долгое время еще строились дома въ классическомъ стилѣ временъ Екатерины II и въ строгомъ стилѣ начала XIX в., и въ украшенномъ „ампирѣ". Въ вѣкъ императора Николая I вырождается классицизмъ; простота построекъ начала XIX в. надоѣдаетъ; появляется множество украшеній, лѣпныхъ гирляндъ, статуй, барельефовъ; пышность и богатство смѣняютъ красоту и простоту формъ.

ЦЕРКВИ (Табл. XXVIII).

Послѣ императрицы Елизаветы въ Россіи уже не было такой набожной государыни, которая поощряла бы церковное строительство и оберегала старо-русскія традиціи отъ чужеземныхъ вліяній.

Церкви конца XVIII в., сооружаемыя лучшими архитекторами, все болѣе отходятъ отъ старыхъ образцовъ и принимаютъ чуждыя черты.

При Екатеринѣ II былъ построенъ соборъ въ Александро-Невской Лаврѣ, при чемъ постройка его была поручена архитектору Старову, творцу Таврическаго дворца. И на этомъ зданіи Старовъ показалъ много таланта и умѣнія. Соборъ этотъ, правда, мало походитъ на общепринятые типы русскихъ храмовъ Въ планѣ онъ представляетъ базилику, разчлененную колоннами на три продольные нефа. Снаружи соборъ украшаютъ съ западной стороны двѣ высокія башни, съ восточной поднимается массивный куполъ. Входъ украшенъ портикомъ съ шестью строгими дорическими колоннами (рис. 1). Внутри храмъ производитъ сильное впечатлѣніе массой колоннъ и статуями святыхъ. Алтарь тоже окруженъ колоннами. Еще красивѣе другая церковь, построенная Старовымъ въ с. Никольскомъ. Это небольшой купольный храмъ съ дорическимъ портикомъ и изящной высокой колокольней въ видѣ круглой башни съ коллонадой наверху; она поразительна тѣмъ, что на много десятковъ лѣтъ опережаетъ свое время: такія церкви начинаютъ строить въ Россіи около 1810 г., и тогда этотъ типъ храмовъ дѣлается господствующимъ въ Россіи (2).

Церкви, созданныя въ слѣдующія эпохи столь же мало связаны съ русскими традиціями, какъ и храмы конца XVIII в. Наиболѣе замѣчательной постройкой начала XIX в. является Казанскій соборъ въ Петербургѣ, построенный въ 1801—11 г. Воронихинымъ. Это удивительное и по замыслу и по выполненію зданіе не было кончено въ томъ видѣ, какой предпологалъ строитель: самый соборъ долженъ былъ быть съ двухъ сторонъ окаймленъ полукруглой колоннадой, но построена была только половина колоннады съ сѣверной стороны, выходящей на Невскій проспектъ. Общій видъ этой колоннады и возвышающагося за ней зданія собора удивительно величественъ: сами колонны вытесаны изъ сѣраго пудожскаго камня и увѣнчаны коринфскими капителями (3). Внутренность собора не болѣе говоритъ о значеніи собора, нежели его внѣшній видъ: входящій въ соборъ видитъ цѣлый лѣсъ стройныхъ гранитныхъ колоннъ, создающихъ удивительно цѣльное и грандіозное впечатлѣніе — но это не впечатлѣніе русскаго храма (4). Изъ другихъ храмовъ начала XIX в. отмѣтимъ прекрасный соборъ, построенный въ Кронштатѣ Захаровымъ: купольный храмъ съ классическимъ портикомъ и стройной колокольней на четырехгранномъ основаніи (4); соборы такого типа особенно характерны для губернскихъ городовъ не только начала, но и середины XIX в. (5 и 6).

Началу XIX в. принадлежитъ и постройка Исаакіевскаго собора Монферраномъ. Постройка была начата въ 1817 г., но законченъ соборъ былъ только въ 1857 г. и за все это сороколѣтіе его строительства многое въ немъ дополнялось и измѣнялось сообразно вкусамъ времени. Поэтому соборъ, задуманный въ стилѣ той благородной простоты, которая характеризуетъ постройки Александровской эпохи, при окончательной отдѣлкѣ былъ испорченъ массой грузныхъ, тяжелыхъ украшеній. Сама идея—построить въ классическомъ стилѣ пятиглавый соборъ,—была трудно осуществима, и дѣйствительно мы видимъ, что четыре купола какъ то искусственно поставлены по угламъ зданія и не связаны ничѣмъ съ общей массой храма. Лучше всего въ этомъ соборѣ величественные портики съ гранитными колоннами (7). Его строитель Монферранъ является послѣднимъ представителемъ классическаго стиля въ Россіи.

Эпоха Николая I является временемъ, когда въ обществѣ пробуждается интересъ къ своему, народному. Этому движенію покровительствовалъ самъ императоръ Николай I, также, какъ прежде Екатерина и Александръ содѣйствовали утвержденію классическаго стиля въ Россіи. Но влеченіе къ русскому было безпочвеннымъ, въ то время въ Россіи никто не зналъ въ чемъ именно заключается русскій стиль. И потому на долгое время въ Россіи укрѣпляется какой то особый, выдуманный псевдо-русскій стиль, тѣсно связанный съ именемъ архитектора Тона. Тонъ строитъ много: Кремлевскій дворецъ въ Москвѣ, церкви св. Екатерины въ Царскомъ селѣ, св. Екатерины на Ека-

терпненскомъ каналѣ, Благовѣщенскую, колокольню въ Симоновомъ монастырѣ, и—самая замѣчательная постройка—соборъ Спасителя въ Москвѣ, начатый въ 1837 г. и оконченный только въ 1881 г. Въ офиціальной исторіи собора говорится о немъ такъ: „Общій характеръ зданія напоминаетъ древніе русскіе храмы, построенные по образцу византійско-греческихъ". Достаточно бѣгло взглянуть на храмъ (8), чтобы убѣдиться, насколько забыты были въ XIX в. образцы и русскихъ храмовъ, и византійскихъ, если въ соборѣ Спасителя могли видѣть образецъ ихъ. Тоновская архитектура въ XIX в. казалась еще настоящимъ возрожденіемъ старины, и успѣхъ архитектора возрасталъ съ каждымъ годомъ. Тоновская архитектура оставила долгій слѣдъ въ русскомъ искусствѣ, и это объясняется не только увлеченіемъ русскаго общества его талантами, но и тѣмъ, что она пріобрѣла характеръ офиціальный. Въ 1841 г. Тонъ составилъ книгу, въ которой помѣщаетъ планы и фасады построенныхъ имъ церквей, а также и только задуманныхъ. Книга Тона была одобрена и вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано при постройкѣ новыхъ церквей руководствоваться планами, составленными Тономъ. И такимъ образомъ, на церковномъ строительствѣ второй половины XIX в. долго лежала печать творчества псевдо русскаго творчества Тона.

ПОМѢЩИЧЬЯ УСАДЬБА (Табл. XXIX).

Жизнь помѣщичья въ XIX в. въ общемъ значительно отличается отъ жизни XVIII в. Теперь меньше уже такихъ магнатовъ, о бытѣ которыхъ мы говорили раньше, которые въ своихъ помѣстьяхъ устраивали пиры и праздники для тысячъ гостей. Конечно, въ XIX в. еще доживали такіе богачи, напр. тотъ же А. Куракинъ, Каменскій, Голицынъ, но ихъ меньше, ихъ жизнь не характерна для дворянскаго быта. Большей частью роскошныя усадьбы уже переходятъ къ наслѣдникамъ, дробятся, дѣлятся. Наслѣдникамъ не по плечу размахъ отцовъ, и роскошные дворцы мало по малу приходятъ въ упадокъ. Помѣщичья жизнь мельчаетъ. Теперь уже нѣтъ прежнихъ баловней счастья, и за службу не жалуютъ населенныхъ имѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь снова дворянство увлекается службой и въ Петербургѣ, ближе къ двору, стремятся сыновья отцовъ, жившихъ „изящной" жизнью въ своихъ помѣстьяхъ.

Типъ помѣщичьей усадьбы мало мѣняется—по прежнему типиченъ большой деревянный, рѣже каменный домъ, съ колоннами, часто съ мезониномъ, стоящій надъ заснувшимъ прудомъ, или рѣкой, въ глубинѣ тѣнистаго сада (1—7). Внутреннее убранство помѣщичьяго дома часто не соотвѣтствовало его величественному внѣшнему виду: часто стѣны оставались не штукатуренными, не оклеенными обоями; въ домахъ болѣе богатыхъ стѣны раскрашивалась „по трафарету" большей части крѣпостными мастерами; боскетная комната раскрашивались „подъ бесѣдку", въ залѣ по стѣнамъ порхали бабочки, и т. д. Стѣны украшались портретами хозяевъ, хозяекъ, пейзажами—по большей части работы тѣхъ же крѣпостныхъ мастеровъ. Какъ и въ XVIII в., дворня даже не богатаго помѣщика была непомѣрна велика: ее составляли люди, предназначенные для личныхъ услугъ господамъ. Всѣхъ ихъ было гораздо больше, чѣмъ того требовали дѣйствительныя потребности комфорта, но такъ повелось съ давнихъ временъ и измѣнить старый порядокъ было трудно. Кромѣ того, большая дворня поддерживала честь барина; многіе сознавали ненужность дворни, но не видѣли средства избавиться отъ нея. Въ дворнѣ каждаго помѣщика, были и разные мастера, и мастерицы, свои портные, швеи, сапожники, и цѣлый сонмъ кружевницъ, и вышивальщицъ. Въ рѣдкомъ помѣщичьемъ домѣ въ дѣвичьей не пряли тонкія нитки и изъ этихъ нитокъ не плели тончайшія кружева, цѣлыя кружевныя шали. Другія дѣвушки по тончайшему лино-батисту вышивали гладью платки, воротнички, платья. Работа эта требовала большого напряженія, подвигалась медленно и на вышиваніе какого нибудь носового платочка нерѣдко уходилъ мѣсяцъ пристальной работы. Но кромѣ самой техники работы, трудность ея заключалась и въ томъ, что мытая вещь теряла свою красоту и платье, шившееся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, должно было выйти изъ работы такимъ чистымъ, чтобы его можно было надѣть, не отдавая въ стирку: условіе которое не легко было выполнить, работая въ лѣтнія жары.

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО (Табл. XXX—XXXI).

Не будемъ говорить о томъ, какъ были устроены и обставлены дома богачей — мы достаточно остановились на бытѣ знати въ описаніи быта XVIII в. Обстановка людей средняго достатка, была до крайности однообразна: типичный планъ, какъ городского, такъ и деревенскаго дома былъ таковъ: входили по лѣсенкѣ, черезъ холодныя сѣни въ переднюю; это обычно была наиболѣе безпорядочная комната въ домѣ: здѣсь сидѣли цѣлый день безъ дѣла лакеи, спали на коникахъ, здѣсь же часто на столахъ шили платье, чинили старую одежду, шили сапоги. Отъ этого безпорядка и тѣсноты воздухъ въ передней былъ душный, тяжелый, что сразу охватывало пришедшаго съ улицы посѣтителя. Изъ передней двери вели въ самую большую комнату—залу, служившую и пріемной, и столовой, и комнатой для танцевъ. Большей частью зала была слабо меблирована; мебель состояла изъ простыхъ кожаныхъ или соломенныхъ стульевъ (въ залѣ, между прочимъ у стараго генерала Каменскаго стояли турецкія знамена, висѣло оружіе и около этихъ воинственныхъ трофеевъ денно и нощно дежурили крѣпостные часовые, одѣтые испанцами, но такая роскошь была только у Каменскаго). Изъ залы обычно шелъ длинный корридоръ, дѣлившій домъ на двѣ половины—парадную и черную. Парадная состояла изъ кабинета, гостиной, гдѣ по стѣнамъ стояли канапе, между ними кресла и столы, а за гостиной неизмѣнная диванная; въ дни пріемовъ, въ ожиданіи обѣда, гости размѣщались группами: въ кабинетѣ хозяина и залѣ мущины, въ гостиной дамы, и въ диванной дѣвицы. Затѣмъ на парадной же половинѣ была спальня хозяевъ; во дворъ выходили уборная, дѣвичья, дѣтская. Послѣдняя часто помѣщалась въ антресоляхъ. Особыхъ помѣщеній для прислуги не было — дѣвушки спали въ дѣвичьей, въ дѣтской, лакеи въ передней, въ корридорѣ. Гувернантки и учителя—кто въ дѣтской, кто въ столовой.

Укладъ жизни былъ таковъ, что даже небогатые люди въ 30 г. г. въ Петербургѣ занимали квартиры не менѣе, чѣмъ въ 8—10 комнатъ. Кромѣ того, даже въ Петербургѣ, въ наемныхъ квартирахъ, нужны были сараи для коровъ, лошадей, птицы; мало кто не держалъ коровы и лошадей, нужны были обширныя кладовыя, ледники, такъ какъ помѣщики, переѣзжая на зиму въ городъ привозили изъ деревни битую птицу, телятину, свинину, замороженныя сливки, масло, сметану, даже яйца, которыя разбивались, выливались въ боченки и замораживались, не говоря уже о всякихъ вареньяхъ и соленьяхъ. Для всего этого нужны были помѣщенія.

Въ обстановкѣ комнатъ въ началѣ XIX в. происходитъ замѣтная перемѣна. Въ это время стремятся все дѣлать „а л'антикъ". Вездѣ появляются алебастровыя вазы, курительные столики въ формѣ треножниковъ, „курульныя кресла", длинныя кушетки, гдѣ руки опускались на орловъ или сфинксовъ. Въ моду входитъ красное дерево, съ бронзовыми фигурами, съ лирами, головками медузы, львовъ, барановъ съ загнутыми рогами. „Все это пришло къ намъ не ранѣе 1805 г., говоритъ въ своихъ запискахъ Вигель и добавляетъ: по моему лучшаго и придумать нельзя" (рис. 1).

Нѣсколько позже появляются огромные диваны съ высокими спинками, съ выгнутыми боковинами, съ разставленными ножками, глубокіе, большіе, въ которыхъ могло сѣсть въ рядъ чуть ли не десять человѣкъ. Такіе диваны особенно привились въ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ ихъ по образцамъ столичныхъ мастеровъ „строили" мѣстные доморощенные столяры изъ корельской березы, липы, ясеня. Въ рѣдкомъ дворянскомъ гнѣздѣ не было такихъ дивановъ „саркофаговъ", овальныхъ или круглыхъ столовъ, на одной массивной ножкѣ, тяжелыхъ креселъ, съ деревянной спинкой... (2 и 3). Типичны для этой эпохи изящные шкафчики, для посуды, застекленные съ трехъ сторонъ. Кажется, въ общемъ ни одна эпоха не оставила столько изящной мебели, какъ начало XIX в. Въ рѣдкой гостиной даже небогатыхъ людей не было теперь музыкальнаго инструмента: клавикордовъ, фортепіано, арфы, гуслей, позже—рояля (4).

Освѣщались дома сальными или восковыми свѣчами; послѣднія стоили дорого и представляли большую роскошь. Во время баловъ на окнахъ ставили деревянныя треугольныя дощечки со вставленными жестяными подсвѣчниками и козачки бѣгали съ кружками съ водой, снимали щипцами нагаръ и бросали въ кружки. Въ офиціальномъ описаніи роскошнаго бала въ Таврическомъ дворцѣ съ особеннымъ вниманіемъ описывалось новое изобрѣтеніе: жестяные футляры съ пружинами, въ

которые вставлялись фонари, на подобіе каретныхъ, со свѣчами: „свѣтъ разливался ровно и воскъ не падалъ на полъ“ (1827 г.). Позже появились стеариновыя свѣчи и замѣнили восковыя, хотя стоили не меньше ихъ. Только въ 30-хъ годахъ стали употреблять масляныя лампы.

Изящество проникаетъ и въ посуду; теперь, быть можетъ, меньше серебряной и золотой посуды, которой щеголяли и гордились въ XVIII в., но зато начинаютъ любить хорошій фаянсъ и фарфоръ. Въ серединѣ XVIII в. фарфоры были только привозные—китайскіе или западно-европейскій (1, 2, 3). Но уже въ концѣ XVIII в. при Екатеринѣ II въ Россіи открываются и мѣстные фарфоровые заводы въ Петербургѣ, въ Кіевѣ Межигорскій, подъ Ревелемъ. Въ началѣ XIX в. въ Россіи было уже довольно много фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ — въ одной Московской губ. было 48 заводовъ, а всего въ Россіи 55 заводовъ. Особенно отличались изяществомъ работы и высокимъ качествомъ матеріала заводы Поскочина (4), Гарднера, Сафронова, Всеволожскаго, Поливанова и др. (5—9). Межигорская фабрика особенно славилась фаянсовыми издѣліями—тарелками, вазами и др. Фаянсъ покрывался бѣлой или цвѣтной глазурью, расписывался По сравненію съ издѣліями другихъ фабрикъ русскихъ, въ межигорскихъ вещахъ заслуживаютъ особаго вниманія тѣ издѣлія, въ которыхъ не слѣдовали общепринятымъ формамъ и орнаментамъ, но старались придать мѣстный колоритъ; такими являются тарелки съ портретами мѣстныхъ дѣятелей, съ видами Кіева, съ орнаментомъ, заимствованнымъ изъ народныхъ вышивокъ, и т. д. (10—15).

МОДЫ И БЫТЪ (Табл. XXXII, XXXIII и XXXIV).

Въ концѣ XVIII в. въ модахъ происходитъ коренная перемѣна: по примѣру Франціи, вездѣ перестаютъ носить пудреные парики и шитые костюмы, напоминавшіе маркизовъ временъ Бурбоновъ. Вмѣсто бархатныхъ и шелковыхъ кафтановъ и камзоловъ стали носить фраки или сюртуки изъ сукна; сапоги смѣнили открытыя туфли съ пряжками; волосы стали коротко стричь и только спереди отпускали пышный клокъ, вмѣсто треуголокъ появились круглыя шляпы. Наконецъ, вышли изъ употребленія дворянскія шпаги, вмѣсто которыхъ стали носить дубинки, называвшіяся „droit de l'homme“. Франты стали одѣваться такъ въ Петербургѣ еще во времена Екатерины, но она съ негодованіемъ встрѣтила моду и до ея смерти при дворѣ всѣ одѣвались по старому. Чтобы отбить охоту слѣдовать новымъ модамъ, Екатерина приказала одѣть всѣхъ будочниковъ въ круглыя шляпы и фраки и снабдить дубинками. Еще большему гоненію подверглись новыя моды при Павлѣ, и только со вступленіемъ Александра I окончательно были брошены пудреные парики и костюмы маркизовъ. Костюмъ щеголя начала XIX в. дополнялся высокимъ воротникомъ, который закрывалъ шею до самыхъ ушей, а поверхъ него еще закрывался намотаннымъ въ нѣсколько разъ галстухомъ; всѣ модники, даже и не страдавшіе близорукостью, стали носить очки, или лорнетъ на длинной лентѣ (рис. 1, 2, 3, 4, 5).

Дамы тоже стали одѣваться по иному—всѣ онѣ желали походить на Діанъ и Венеръ и вмѣсто пышныхъ платьевъ съ подборами и кринолинами стали носить легкія, прозрачныя туники, съ глубокими вырѣзами, съ короткими рукавами, съ высоко перехваченными таліями. Брошена пудра, въ прическѣ тоже подражали античнымъ богинямъ; небрежно схваченные узломъ волосы переплетались лентами, золотыми обручами. Короткое платье оставляло открытой ножку въ античной туфелькѣ. Дамы научились изящно драпироваться въ длинныя и мягкія шали, прозрачные шарфы (1, 3, 4). Драгоцѣнные камни выходятъ изъ моды — ихъ носятъ только купчихи; считаютъ болѣе стильными и античными камеи, мозаичныя украшенія; браслеты оставлены совсѣмъ; позже стали возвращаться къ этому виду украшенія, но стали носить небрежно намотанную на руку нитку жемчуга, столь же рѣдко надѣваютъ ожерелья, тоже не больше одной, двухъ нитокъ жемчуга; не въ модѣ и серьги. Позже, въ 20—30 г.г. снова мѣняются моды — теперь носятъ платья снова широкія, съ множествомъ оборокъ, съ складками. Снова стали щеголять длинными и тонкими таліями, перетянутыми, какъ у осы. Съ каждымъ годомъ платья носятъ все болѣ широкими и въ

50-хъ г. т. приходятъ къ безконечно широкимъ кринолинамъ. Небрежныя греческія прически смѣнены замысловатыми локонами, пуклями, съ огромными бантами (8, 9, 10). Съ 20-хъ годовъ въ моду входитъ шитье гладью, начинаютъ носить платья съ множествомъ широкихъ оборокъ, волановъ, вышивками украшаютъ не только дамскія платья, но и концы мужскихъ галстуховъ (табл. XXXIII, рис. 1, 2, 3, 4 и 5).

Насколько типичны и характерны для старой помѣщичьей усадьбы эти работы крѣпостныхъ мастерицъ — тонкія какъ паутинка кружева, воздушныя вышивки съ завитками рококо, настолько же неразрывно связаны съ ними и вышиванья бисеромъ, чѣмъ занимались не только крѣпостныя дѣвушки, но и барышни. Вышивали тогда не по канвѣ, но по холсту, полотну, мельчайшимъ разноцвѣтнымъ бисеромъ: портфели для бумагъ, подставки для лампъ, подсвѣчниковъ, чехлы на чубуки, кисеты для табака, кошельки, туфли, ошейники для собакъ и т. д. (табл. XXXIII, рис. 6, 7, 8 и 9). Интересны сюжеты этихъ вышивокъ: сентиментальныя развалины, бесѣдки, храмы дружбы, турки, турчанки въ огромныхъ чалмахъ... Въ рѣдкомъ помѣщичьемъ домѣ не было какихъ нибудь вышиваній такого рода — нерѣдко цѣлыхъ картинъ, въ родѣ гобеленовъ, такъ называемое petits points — полукрестики, вышивавшихся по мелкой конвѣ, надъ которыми по тяжкой неволѣ губили глаза крѣпостныя вышивальщицы—и по собственной охотѣ слѣпли барыни, убивая ненужное имъ время. Во многихъ домахъ были такъ называемыя „вѣчныя работы“: въ диванной или гостиной разставлялись пяльцы, въ которыхъ вышивался огромный коверъ: въ этомъ дѣлѣ участвовали не только хозяйки, но и гости, даже кавалеры и тѣ допускались вышить нѣсколько крестиковъ одноцвѣтнаго фона, или разматывать шерсть.

Жизнь городская протекала въ столицахъ въ XIX в. съ внѣшней стороны также, какъ и въ концѣ XVIII в.; въ Петербургѣ, впрочемъ, мѣняется характеръ придворной жизни, такъ какъ императоръ не любилъ пышности. Попрежнему развлекались спектаклями, балами; въ началѣ XIX в., „до пожара“, въ одной Москвѣ было около 30 крѣпостныхъ театровъ; впрочемъ, въ XIX в. театры составляютъ не только предметъ роскоши богатаго барина, но нерѣдко доставляютъ ему большой доходъ, такъ какъ многіе давали платные спектакли. Въ XIX в., по сравненію съ вѣкомъ Екатерины, болѣе развивается клубная жизнь: въ Москвѣ, напримѣръ, быть членомъ Англійскаго Клуба считались необходимымъ для каждаго „порядочнаго“ москвича; на балы по вторникамъ въ Благородномъ собраніи собирается вся „дворянская“ Москва, а провинціальные помѣщики нарочно привозятъ въ Москву своихъ дочекъ, чтобы дать имъ возможность потанцовать на „вторникахъ“ и увезти въ глушь Симбирской или Саратовской губерніи на всю жизнь воспоминаніе объ этихъ балахъ. Танцами въ началѣ XIX в. увлекались непомѣрно; ухаживанія, влюбленія наполняли жизнь и давали ей смыслъ. „Ежели сіе сумашествіе продержится всю зиму, то къ будущей зимѣ нуженъ будетъ рекрутскій наборъ танцовщицъ“, писалъ одинъ современникъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о той жизни, которая характеризуетъ свѣтское общество начала XIX в.; яркая картина его всѣмъ знакома по „Евгенію Онѣгину“, по „Горе отъ ума“... Отсутствіе высшихъ интересовъ, сплетни, стремленіе наполнить пустоту жизни развлеченіями... Увлеченіе всѣмъ французскимъ не было остановлено войной 1812 г., поддаваясь общей реакціи противъ увлеченія Франціей дамы и кавалеры стали учиться русскому языку, стали носить русскія платья, но война кончилась, съ ней миновало и патріотическое воодушевленіе—и снова французскія моды и французскій языкъ водворились въ ненадолго покинутые салоны.

Но наряду съ увлеченіями балами, свѣтскими удовольствіями въ XIX в. характерно и стремленіе къ большей образованности, стремленіе къ книгѣ. Въ университетъ начинаютъ отдавать своихъ сыновей и дворяне; правда, пребываніе дворянскаго юноши въ университетѣ носило не мало комическихъ чертъ. Пассекъ такъ описываетъ годы университетскаго ученія А. И. Герцена. Въ университетъ молодой студентъ являлся въ сопровожденіи гувернера и дядьки, первый сидѣлъ съ питомцемъ на всѣхъ лекціяхъ, второй—дремалъ въ швейцарской въ обществѣ другихъ дядекъ, привезшихъ барчуковъ учиться. Но это не мѣшало съ увлеченіемъ слушать лекціи и въ 16 лѣтъ увлекаться философіей Шеллинга, Гегеля и Канта. Даже среди дѣвушекъ было не мало образованныхъ и начитанныхъ, но многія изъ нихъ боялись прослыть „семинаристомъ въ желтой шали иль академикомъ въ чепцѣ“. Характерно воспоминаніе одной москвички: ей очень хотѣлось подойти

къ столу въ гостиной Благороднаго собранія, и посмотрѣть газеты и журналы, но этого не дѣлали дамы—не рѣшилась на такой смѣлый шагъ и она...

Зато въ губернскихъ городахъ жизнь давала мало пищи уму. Въ Симбирскѣ, напримѣръ, въ 40 г.г. не было ни одной книжной лавки, не было театра, общественнаго собранія, ни концертовъ. Въ Вологдѣ ни о какихъ общественныхъ увеселеніяхъ и не слыхали; единственнымъ развлеченіемъ служилъ приводъ на показъ верблюда, да кукольный театръ. Карты съ утра и до поздняго вечера, танцы, вотъ что наполняло жизнь провинціальнаго общества, и всѣ эти развлеченія сдабривались пересудами и сплетнями. Жизнь въ губернскомъ городѣ оживлялась во время дворянскихъ выборовъ. Къ этому времени въ городъ съѣзжались дворяне, давались обѣды, балы, спектакли; при этомъ велись ожесточенныя интриги, борьба различныхъ партій, каждый претендентъ на постъ предводителя старался расположить избирателей, устраивалъ пиры и балы.

Изъ уличныхъ развлеченій въ Петербургѣ собирали толпы народа катанья съ горъ, устраивавшіеся на Адмиралтейской площади, а въ Москвѣ—знаменитыя гулянья подъ Новинскимъ. Эти гулянья такъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ. „Если есть что либо въ прозаической жизни Москвы фантастическое и поэтичное, то это гуляніе Подновинское 1 мая. Люди усталые отъ зимы идутъ подъ Новинское встрѣтить весну, люди усталые отъ поста идутъ подъ Новинское встрѣтить праздникъ. Тамъ гуртомъ торжествуютъ св. недѣлю: тамъ все, начиная отъ кн. Голицына и до дворника Бучкина пируетъ, веселится, радуется празднику природы и празднику Божію. Экспромтомъ выстроенный городъ съ кабакомъ въ началѣ и ресторацiей Яра въ концѣ и комедіей въ срединѣ зоветъ къ себѣ—кого весной, кого барабаномъ и музыкой, кого дорожкой, посыпанной желтымъ пескомъ. Тамъ... увидите бывало писцовъ, забывшихъ о существованіи канцеляріи, секретарей, экзекуторовъ въ бархатныхъ галстухахъ и жилетахъ, въ панталонахъ съ лампасами, и съ шляпой на бекрень; бывалые московскіе щеголи, дурныя изданія щеголей парижскихъ, нѣчто въ родѣ брюссельскихъ контрафакцій, „бо мондъ“ въ итальянскихъ соломенныхъ шляпахъ, въ корсетахъ м-мъ Ке, блѣдный, кружевной, блондовый, тамъ встрѣчались люди эполетъ, аксельбантовъ, выпушекъ, петличекъ, правительствующій сенатъ и медико-хирургическая академія“.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНІЯ (Табл. XXXV).

Въ городахъ передвиженіе совершалось по старому, въ высокихъ каретахъ на круглыхъ рессорахъ, цугомъ, съ форейторами (рис. 1). Извозчиковъ даже въ Петербургѣ было мало и они были очень неудобны; ихъ называли „гитарами“; это были небольшія дрожки, на которыхъ можно было сидѣть только верхомъ (2). Для катанья употребляли высокіе шарабаны, въ которые входили по откидной лѣсенкѣ (3). При большихъ путешествіяхъ помѣщики попрежнему предпочитали ѣздить на „долгихъ“, съ запасами провизіи, съ остановками у знакомыхъ, избѣгая ночевокъ въ гостиницахъ или „трактирахъ“, „Богъ знаетъ съ кѣмъ черезъ стѣнку“.

Въ 20 г. налаживаются общественныя линейки между Петербургомъ и Москвой, такъ называемыя „сидѣйки“ (4). Между большими городами ходятъ мальпосты—отъ Петербурга до Риги, Варшавы, Харькова; мальпосты эти были мало удобны, такъ что ихъ прозвали „нележанцы“, но тѣмъ не менѣе достать билетъ въ такой мальпостъ было не легко и путешественники записывались туда заранѣе. Главнымъ образомъ пользовались при далекихъ переѣздахъ почтовыми лошадьми, но такой способъ передвиженія тоже былъ довольно неудобенъ; лошадей на станціяхъ было мало и путникамъ приходилось подолгу ожидать ихъ. Къ тому же сами станціи были крайне плохо приспособлены для ожиданія, а дороги нерѣдко были ужасны. На станціяхъ вывѣшивали объявленія о состояніи дороги; характерно такое объявленіе, висѣвшее на одной изъ станцій почтоваго тракта отъ Ярославля до Вологды: „Дорога сія ни въ какое время года для ѣзды не удобна“.

Наконецъ, въ 1836 г. была впервые открыта желѣзная дорога отъ Петербурга до Царскаго села, а въ 1851 г. торжественной поѣздкой Императорской фамиліи, была открыта Николаевская желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвой (5)

ВОЙСКО (Табл. XXXVI).

Внѣшность войска при Александрѣ I мѣняется: онъ отмѣнилъ ту форму, которая была введена Павломъ I, зеленые мундиры съ отворотами, ботфорты, треуголки; при Александрѣ I раньше всего были уничтожены пудренныя букли и косы, приведеніе которыхъ въ порядокъ, заплетаніе и пудреніе отнимали много времени; затѣмъ, Александръ вводитъ обмундированіе по французскому образцу—короткіе мундиры, бѣлыя лосины, высокіе ботфорты для солдатъ; вмѣсто отложныхъ воротниковъ носятъ высокіе стоячіе воротники, закрывающіе шею до самыхъ ушей. Головной уборъ тоже мѣняется: появляются высокія треуголки съ плюмажемъ и кивера различныхъ формъ съ султанами. Офицеры носятъ эполеты и длинные шарфы—пояса (1, 2, 3).

Начиная со второй половины царствованія Александра I начинается въ арміи увлеченіе фронтовой службой, маршировкой; солдатъ стремились превратить въ движущихся манекеновъ. Заранѣе было точно разсчитано сколько шаговъ долженъ сдѣлать солдатъ въ минуту, какой величины долженъ быть шагъ, вся марширующая шеренга должна была уподобляться „движущейся стѣнѣ“ (4).

КРЕСТЬЯНСКІЙ БЫТЪ. (Табл. XXXVII—XXXVIII).

Трудно сказать что либо опредѣленное о бытѣ крестьянъ на протяженіи XVIII—XIX в. в. Съ реформъ Петра народъ русскій раскололся на двѣ части, и тогда какъ высшій слой — дворянство, воспринимая западно-европейскую культуру, постепенно утрачивало свои національныя черты и нивеллировалось, простой народъ продолжалъ жить своей жизнью, сохраняя старые обычаи въ постройкахъ, въ одеждѣ, въ укладѣ жизни. Деревни русскія по внѣшнему виду были различны; располагались онѣ по большей части на высокомъ берегу рѣки (рис. 1). Въ XVIII в., а еще болѣе въ XIX в. уже рѣдко встрѣчались такія деревни, какія были обычны въ XVI—XVII в.в., т. е. состоящія изъ нѣсколькихъ дворовъ; теперь не рѣдки деревни не только въ нѣсколько десятковъ но даже и сотни дворовъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ деревни имѣли своеобразный видъ: въ однѣхъ губерніяхъ деревни располагались болѣе правильно: посреди деревни выстраивалась широкая прямая улица, съ поперечными переулками (2), въ другихъ—дворы располагались безъ всякой системы, какъ Богъ дастъ (3). Отъ обычныхъ деревень отличались своимъ опрятнымъ видомъ и правильностью улицъ и построекъ Военныя поселенія, возводившіяся въ началѣ XIX в. въ Новгородской, Харьковской, Екатеринославской губ. (4). Помѣщики, а иногда и правительство вмѣшивались въ жизнь деревни и пытались достичь большей правильности въ расположеніи селеній. Нѣкоторые помѣщики приказывали строить дома непремѣнно въ одну линію, оставляя широкую улицу; самыя избы строить на большомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы при пожарѣ удобнѣе было дѣйствовать и чтобы огонь не перекидывался съ одной избы на другую. Такіе же указы изданы въ началѣ XIX в. Александромъ I; онъ предписывалъ проводить въ деревняхъ широкую улицу съ переулками; оставлять площадь, на которой должна была стоять церковь; избы предписывалось обсаживать деревьями; даже колодцы должны были быть не такіе, какіе обычно дѣлались въ деревняхъ — не съ высокими „журавлями“ съ подвѣшеннымъ ведромъ, но съ колесомъ, съ валомъ. Въ каждомъ селеніи долженъ былъ быть столбъ съ надписью, кому принадлежитъ селеніе, какъ

называется, сколько въ немъ душъ крестьянъ. Но эти постановленія, изданныя съ оговоркою, что исполнять ихъ слѣдуетъ только при возведеніи новыхъ селеній, или при перестройкѣ старыхъ послѣ пожаровъ, мало гдѣ исполнялись.

Избы строились въ разныхъ губерніяхъ различно. Въ великорусскихъ деревняхъ онѣ имѣли, по большей части довольно унылый видъ: бревенчатыя, съ небольшими окошечками, крытыя соломой; иногда солома настилалась просто и только притягивалась соломенными жгутами, такъ что вся изба издали напоминала видомъ стогъ сѣна (3); въ другихъ же мѣстахъ крыши дѣлались болѣе аккуратно—солома притягивалась деревянными шестами (2). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ — Костромской, Ярославской и особенно Владимірской, избы украшались рѣзьбой—строились фигурныя крылечки, ставни раскрашивались, надъ избой красовался рѣзной конекъ (5). Въ сѣверныхъ, лѣсныхъ губерніяхъ соломенныя крыши иногда замѣнялись деревянными, тесовыми.

Печальный видъ великорусской деревнѣ придаетъ, по большей части, отсутствіе зелени; въ лучшемъ случаѣ на улицѣ, или около избъ растутъ ракиты. Иной видъ имѣютъ малорусскія деревни, съ ихъ бѣлыми хатками, подъ соломенными крышами, съ вишневыми садочками, съ цвѣтами въ огородѣ (7 и 8).

Внутренній видъ избы XVIII—XIX в. в. мало измѣнился сравнительно съ XVI—XVII в. в.; это та же клѣть, о которой мы говорили выше; по большей части къ клѣти этой пристроены сѣнцы; большую часть избы занимала печь. Въ красномъ углу, между оконъ, висѣли образа. Окна сначала дѣлались слюдяныя, потомъ стали вставлять стекла; въ Великороссіи до послѣдняго времени окна въ избахъ не распахиваются, но нижняя часть окна поднимается и подпирается палочкой (10 и 11).

Если различны были по внѣшнему виду селенія и избы, то еще болѣе разнообразенъ былъ нарядъ, какъ мужской, такъ и въ особенности, женскій. Трудно указать какія либо черты сходства въ одеждѣ крестьянокъ не только различныхъ частей Россіи, но даже и различныхъ уѣздовъ. Одежды эти, яркія, пестрыя, дѣлались почти исключительно изъ домотканныхъ матерій, и только въ серединѣ XIX в. въ крестьянскомъ обиходѣ являются фабричные ситцы и китайки. Мѣстами, главнымъ образомъ, въ богатыхъ торговыхъ селахъ, праздничные уборы крестьянокъ были очень нарядны; въ Поволжьѣ во многихъ крестьянскихъ семьяхъ передавались по наслѣдству парчевыя кики съ жемчужными подвѣсками, шитые золотомъ кокошники. Но обычно нарядный праздничный уборъ въ лучшемъ случаѣ украшался стеклянными бусами, а въ Малороссіи—кораллами (12—17).

Въ жизни деревенской сохранялись старые обряды, святочныя гаданія, завиванія вѣнковъ на Троицынъ день; развлеченія XVIII—XIX в.в. не отличались отъ старо-русскихъ — качанія на качеляхъ, хороводы; толпы народа собирали заходившіе въ деревню поводыри медвѣдей, гусляры, скоморохи (18). Описаніе этихъ всѣхъ развлеченій и обрядовъ русской деревни XVIII—XIX в. в. не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что обо всемъ этомъ уже была рѣчь ранѣе, во II выпускѣ, при описаніи быта Московской Руси.

ВЕЛИКІЯ РЕФОРМЫ (Табл. XXXIX).

Эпоха великихъ реформъ служитъ заключительной гранью періоду, начатому преобразованіями Петра Великаго. Россія дореформенная отдѣляется такой же глубокой пропастью отъ Россіи новой, пореформенной, какъ и Русь Московская отъ Руси Петровской. Однимъ почеркомъ пера 19 февраля 1861 г. было уничтожено рабство милліоновъ людей; для всѣхъ этихъ милліоновъ людей началась новая жизнь, жизнь свободнаго труда; городская, судебная, воинская реформы повели Россію дальше по пути обновленія и довершили начатое.

Не можетъ быть спора: новая жизнь лучше той, которая отошла въ прошлое съ великими реформами. Въ ней нѣтъ той дикости, той грубости. Въ ней больше свѣта, въ ней больше знанія, въ ней больше простора личности, простора самосовершенствованія; въ ней должно быть больше счастія и было бы чудовищно желать возвращенія стараго. Но въ томъ прошломъ, которое осталось

за реформами, и которое, слава Богу, не возвратится, — несмотря на всѣ его темныя стороны, на мракъ невѣжества, на жестокость произвола—тамъ осталось много и красоты, которая тоже не повторится... Съ нововведеніями во всѣхъ областяхъ жизни мѣнялась и рамка жизни; отмирали тѣ особенности быта, которыя свойственны только самобытной культурѣ, которыя придавали жизни столько своеобразной красоты. Съ реформами Петра эту своеобразность, цѣльность утратили высшіе классы, утратили города. Шагъ за шагомъ все нивеллирующій „городской“ лоскъ проникаетъ все дальше, въ глубь Россіи; все рѣже встрѣчаемъ мы оригинальныя своебразныя постройки — улица „культурнаго“ русскаго города ничѣмъ не отличается отъ улицы любого нѣмецкаго, французскаго города; космополитическіе пиджаки и шляпы вытѣсняютъ руское платье. Произведенія фабричной промышленности, одинаковыя на сѣверѣ и югѣ Россіи, точно вышедшія изъ подъ штампа, дешевыя, удобныя, но скучныя въ своемъ казенномъ однообразіи вытѣсняютъ посуду и утварь, которую заказывали, или дѣлали сами, каждый по своему вкусу. Лишь кое гдѣ въ глухихъ мѣстахъ обширной Россіи живутъ, какъ пережитки стараго, прежніе наряды, старая утварь.

Но пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ деревнѣ, также какъ въ городѣ, сотрется послѣдній слѣдъ индивидуальности, особности... И наши дѣти будутъ также разсматривать русскій сарафанъ, или украшенныя рѣзьбой розвальни, какъ смотримъ мы въ музеяхъ расшитый боярскій охабень или обитый серебромъ „теремокъ“.

Напомнить это прошлое, оживить передъ глазами потомковъ ту рамку, въ которой жили и дѣйствовали ихъ предки, въ которой создавалась и крѣпла та жизнь, плодами которой живемъ мы, напомнить ту красоту, которой овѣяна эта старая жизнь—такова была цѣль атласа...

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Таблица I. ГОРОДЪ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Рисунки взяты: 1, 5 и 6—съ гравюры Зубова. 2—съ гравюры Штелина (Божеряновъ. Петербургъ въ Петрово время). 3—съ гравюры Ростовцева (оттуда же). 4—съ гравюры XVIII в. 7—фотографія.

Таблица II. ПОСТРОЙКИ.

Рисунки: 1, 2, 3, 4 — гравюра Пикара. 5, 6 и 7 — гравюра Зубова. 8 — фотографія. 9 — „Палаты библіотеки Кунсткамеры".

Таблица III. ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО.

Рисунки: 1, 2, 4—Юбилейное изданіе: Государи изъ дома Романовыхъ, т. I. 3—Грабарь. Исторія русскаго искусства, т. III. 5—гравюра XVIII вѣка. 6—съ гравюры Вортмана. 7—Мартыновъ. Русская старина. 8 и 9—Историческая выставка 1911 г.

Литература къ I—III таблицамъ, кромѣ указанныхъ сочиненій: И. Грабарь. Барокко Петровской эпохи. (Ист. русск. искусства подъ ред. И. Грабаря, т. III). Его же: Архитекторы иностранцы въ Россіи. (Старые Годы, 1911, VII). Корольковъ. Архитекторы Трезины. (Тамъ же 1911, IV). Рудзинскій. Историческій очеркъ (въ книгѣ „Историческая выставка архитектуры"). Божеряновъ. Очеркъ развитія искусствъ въ Россіи въ царствованіе Петра В. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго. Его же: Дополненія къ дѣяніямъ. Бенуа и Успенскій. Дворецъ Петра В. въ Ревелѣ. (Худож. Сокровища Россіи, 1903. 1—3). Петербургъ въ 1720 г. Записки поляка—очевидца, (Русск. Стар. 1879. VI). Башуцкій. Панорама Петербурга, 1834 г. Шубинскій. Лѣтній садъ и лѣтнія Петербургскія увеселенія. (Истор. очерки). Клочковъ. Москва при Петрѣ Великомъ. (Москва въ прошломъ и настоящемъ вып. VII). Нечаевъ. Общій видъ Москвы въ XVIII в. (Тамъ же). Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца.

Таблица IV. ОДЕЖДЫ И ЭКИПАЖИ.

Рисунки: 1 и 2—Божеряновъ и Эрастовъ. Невскій проспектъ, т. I. 3—Старые Годы, 1910 г., I. 4, 5, 8 и 10—Брикнеръ. Петръ Великій. 6—Божеряновъ. Петербургъ въ Петрово время. 7—Юбилейное изданіе: Государи изъ дома Романовыхъ, т. I. 9—фотографія.

Таблица V. РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Рисунки: 1 и 4—Невскій проспектъ. 2, 3 и 4—Шубинскій. Историческіе очерки и разсказы.

Таблица VI. ВОЙСКО и ФЛОТЪ.

Рисунки: 1 и 2—Павловскій. Полтавская битва. 3, 4, 5 и 6—Бартеневъ. Московскій кремль. 8—Николаевъ. Истор. очеркъ о регаліяхъ русск. арміи. 8 и 9—Брикнеръ. Исторія Петра Великаго. 10, 12, 13—Божеряновъ. Петербургъ въ Петрово время. 11—Исторія арміи и флота.

Таблица VII. ШКОЛА И КНИЖНОЕ ДѢЛО.

Рисунки: 1, 2, 3—Петербургъ въ Петрово время. 4—Исторія русской литературы (подъ ред. Овсянико-Куликовскаго). 6, 8—Невскій проспектъ. 7, 9, 10—Русскіе государи изъ дома Романовыхъ.

Литература къ IV—VII табл.: Богословскій. Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Поповъ. Татищевъ и его время. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в. Брикнеръ. Петръ Великій. Его же. Гордонъ и его дневникъ. Хмыровъ. Гр. Головкина и ея время. Шубинскій. Первые балы въ Россіи. (Историч. очерки). Его же: Лѣтній садъ и лѣтнія увеселенія. (Тамъ же). Его же. Свадьба карликовъ. (Тамъ же). Его же. Московскій маскарадъ. (Тамъ же). Бочкаревъ. Дворянство при Петрѣ Великомъ. (Три вѣка русской исторіи, т. III). Улановъ. Москва и Петръ Великій. (Москва въ прош- и настоящемъ, вып. VII). Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. Штелинъ. Записки о Петрѣ Великомъ. Сахаровъ. Записки русскихъ людей. Шамбинаго. Театръ и народныя развлеченія въ Москвѣ въ XVIII в. (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. VII). Голубцова. Школа Петровской эпохи. (Тамъ же). Пекарскій. Исторія Академіи наукъ. Григорьевъ. Историческій очеркъ русской школы. Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованія въ Россіи. Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. I. IV. Порфирьевъ. Исторія русской словесности, т. II.

Таблица VIII. ЦЕРКВИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ.

Рисунки: 1—Мартыновъ. Русская старина. 2—3—Старые Годы. 4, 6, 7 и 9—Исторія русскаго искусства, т. I. II и III. 5 и 8—фотографіи.

Литература указана къ таблицамъ I—III.

Таблица IX. ГОРОДЪ СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Рисунки: 1, 4, 5, 6 и 7—Исторія русскаго искусства, т. III. 3 Старые Годы, 1907, VI. 2—Невскій проспектъ.

Таблица X. БЫТЪ И НРАВЫ XVIII В.

Рисунки: 1, 3 и 5—Валишевскій. Дочь Петра Великаго. 2, 4, 7 и 10—Невскій проспектъ. 6, 8 и 9—Описаніе Оружейной Палаты.

Таблица XI. ЦЕРКВИ.

Рисунки: 1, 4 и 5—Исторія русскаго искусства, т. II. 2 и 3—фотографіи. 6—Труды XIV Археол. Съѣзда. 7—Искусство, 1912, I.

Литература къ табл. IX—XI. Грабарь. Барокко Аннинскаго и Елизаветинскаго времени. (Ист. русск. искусства подъ ред. Грабаря, т. III). Бенуа и Успенскій. Царское село при Елизаветѣ. Петровъ. Матеріалы для исторіи Растрелли. (Зотчій, 1876, V). Петровъ. Архитекторъ Земцовъ. (Тамъ же 1877, VIII). Успенскій. Императорскій Аничковъ дворецъ. (Худож. Сокр. Россіи, 1906, 1—2). Его же. Большой Петергофскій дворецъ. (Тамъ же, 1902, VIII). Божеряновъ. Гр. Строгоновъ. (Тамъ же 1901, IX). Бондаренко. Архитектура XVIII—XIX в. (Москва, вып. VIII). Шубинскій. Домашній быть императрицы Анны Іоанновны. (Очерки). Нечаевъ. Петръ II, Анна и Елизавета въ Москвѣ. (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. VII). Бенуа. Первоначальный Елизаветинскій дворецъ въ Царскомъ селѣ. (Старые Годы, 1907, VII). Павлуцкій. Творчество Растрелли. (Искусство, живопись, графика, 1912, I). Хмыровъ. Гр. Головкина. Поповъ. Татищевъ и его время. Записки дюка де Лиріа. (XVIII вѣкъ). Рудницкій. Очеркъ (въ книгѣ „Историческая выставка“).

Таблица XII. ГОРОДЪ ЕКАТЕРИНЕНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Рисунки: 1, 4 и 2—Брикнеръ. Исторія Екатерины II. 2—фотографія. 3—Старинная гравюра XVIII в. 5—Великая реформа, изд. Сытина. 7—гравюра XVIII в. Де ла Барта. („Старые Годы“, 1910, VIII).

Таблица XIII. ПОСТРОЙКИ.

Рисунки: 1, 3, 4, 10—Исторія русскаго искусства подъ ред. Грабаря, т. III. 5—Москва въ прошломъ и настоящемъ. 2, 6, 7, 8 и 9—фотографіи.

Литература къ XII и XIII таблицамъ: И. Грабарь. Переломъ къ классицизму. Его же. Екатерининскій классицизмъ. (Обѣ статьи въ Исторіи русскаго искусства, т. III). Бондаренко. Архитектура Москвы XVIII—XIX в. в. Москва въ прошломъ и настоящемъ, VIII. Рудницкій, (Очеркъ въ изданіи: Историческая выставка архитектуры). Пыляевъ. Старый Петербургъ. Его же. Старая Москва. Рудницкіе Л. и М. Мосты Перроне въ Петербургѣ. (Старые Годы, 1908, IV). Записки Екатерины II. Записки Порошина. Успенскій. Имп. Большой Петергофскій дворецъ. (Худож. Сокровища Россіи, 1904). Курбатовъ. Павловскъ. Бар. Врангель. Бренна. (Старые Годы, 1908, I—III). Сборникъ Имп. Истор. Общ., т. XXIII. Архивъ гр. Воронцовыхъ. Горяиновъ. Впечатлѣнія короля Станислава—Августа отъ пребыванія въ Петербургѣ. (Старые Годы, 1908, X). Лонгиновъ. Петербургскіе дворцы. (Русскій Архивъ, 1873, II). Вигель. Воспоминанія. Мертваго. Записки. Курбатовъ. Подготовка неоклассическаго стиля въ Россіи. (Старые Годы, 1911, VII—IX). Лукомскій. Барокко и классицизмъ въ архитектурѣ Костромы. (Тамъ же, 1913, I). Дитятинъ Русскій дореформенный городъ. (Статьи по исторіи р. права).

Таблица XIV. ПОМѢЩИЧЬЯ УСАДЬБА.

Рисунки: 1, 2 и 3—Записки. Болотова. 4 и 7—Москва въ прошломъ и настоящемъ. 5 и 6—Великая реформа, I. 8—Деревенское Зерцало, изд. 1794 г.

Таблица XV. ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ДОМОВЪ.

Рисунки: 1—9—Великая реформа, III. 10 и 11—Москва въ прошломъ и настоящемъ. 12 и 13—Исторія русскаго искусства, т. III.

Литература къ табл. XIV—XV: Ю. Шамуринъ. Подмосковныя. Руссовъ. Помѣщичья Россія. Горностаевъ. Строительство Разумовскихъ въ Черниговщинѣ, тр. XIV Арх. Съѣзда. Макаренко. Ляличи. (Стар. Г., 1910, VII—IX). Записки Глинки. Записки Мертваго. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX в. (Р. Стар., 1898 г.). Павленко. Нравы русскаго общества въ Екатерининскую эпоху. Записки Державина. Записки Винскаго (Р. Арх. 1877 г.) Записки гр. Сегюра. Записки А. Тургенева. (Р. Стар., 1885, XI). Воспоминанія Брусилова. (Историч. В., 1893, IV). Маковскій. Двѣ Подмосковныя кн. Голицыныхъ. (Ст. Годы, 1910, I). И. Грабарь. Останкино, Подмосковная гр. Шереметева. (Тамъ же, 1910, V—VI). Бар. Врангель. Помѣщичья Россія. (Тамъ же, 1910, VII—IX). Срединъ. Полотняный заводъ. (Тамъ же). Вейнеръ. Марфино. (Тамъ же). Трубниковъ. Кн. Голицынъ. (Тамъ же). Вейнеръ. Жизнь и искусство въ Останкинѣ. (Тамъ же 1910, V—VI). Голомбіевскій. С. Надеждино. (Тамъ же, 1911, I). Бондаренко. Подмосковные дворцы XVIII в. (Тамъ же, 1911, III). Бар. Врангель. Иностранные художники въ Россіи. (Тамъ же, 1911, VII—IX). Записки Данилова.

Таблица XVI. БЫТЪ СТОЛИЧНЫЙ.

Рисунки: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 9—Невскій проспектъ. 7—Три вѣка русской исторіи. 8—Брикнеръ. Исторія Екатерины II.

Таблица XVII. БЫТЪ СТОЛИЧНЫЙ.

Рисунки: 11, 12—Старые Годы, 1910, IV и IX; 13, 14, 15—Тамъ же, 1909, I—X; 16 и 17—Тамъ, 1911, I.

Таблица XVIII. ВЫѢЗДЫ.

Рисунки: 1—Гравюра Де ла Барта. (Старые Годы, 1910, VII). 2, 7 и 8—Брикнеръ. Императрица Екатерина II. 3 и 5—Великая реформа. 4—Деревенское Зеркало. 6—Невскій проспектъ.

Литература къ табл. XVI—XVIII: Павленко. Нравы русскаго общества въ Екатерин. эпоху. Записки Порошина. Записки Екатерины II. Записки Державина. Записки Мертваго. Записки Тургенева. (Р. Старина, 1885, XI). Воспоминанія Брусилова. (Историч. Вѣстн., 1893, IV). Покровскій. Щеголи въ сатир. литер. XVIII в. (Чт. О. И. и Др. Р., 1903, кн. II). Бар. Врангель. Очерки по исторіи миніатюры въ Россіи. (Ст. Годы, 1909). Его же: Рокотовъ. (Тамъ же, 1910, IV).

Верещагинъ. Вѣеръ и грація. (Тамъ же, 1910, IV). Шамуринъ. Допожарная Москва. (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. IX). Пыляевъ. Старая Москва. Его же. Старое житье. Его же. Старый Петербургъ. Никифоровъ. Старая Москва. Хмыровъ. Гр. Головкина и ея время. Вейдемейеръ. Дворъ и замѣчательныя люди въ Россіи. Князьковъ. Бытъ дворянской Москвы конца XVIII в. и начала XIX в. (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. VIII). Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ XVIII в.

Таблица XIX. АРМІЯ И ФЛОТЪ.

Рисунки: 1—5—Саввантовъ. Обмундированіе россійскихъ войскъ. 6—Брикнеръ. Императрица Екатерина II. 7—Стар. гравюра.

Литература: Исторія арміи и флота. Валишевскій. Вокругъ трона. Невскій проспектъ.

Таблица XX. ШКОЛА И КНИЖНОЕ ДѢЛО.

Рисунки: 1, 2, 3, 4, 6, 8 и 9—Невскій проспектъ. 5—Старые Годы, 1907, VII. 7—Исторія русской словесности, подъ ред. Аничкова.

Литература: Григорьевъ. Историческій очеркъ русской школы. Голубцова. Московская школа Екатерининской эпохи. (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. VIII). Довнаръ-Запольскій. Реформа общеобразовательной школы при Екатеринѣ II. Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. IV. Порфирьевъ. Исторія русской словесности, ч. II. Исторія русской литературы, подъ ред. Овсянико-Куликовскаго, т. II. Покровскій. Щеголи въ русской сатирической литературѣ XVIII в. (Чтенія въ М. О. И. Др., 1903, II). Князьковъ и Сербовъ. Очерки исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи Александра I. Незеленовъ. Новиковъ, издатель журналовъ.

Таблица XXI. МОНЕТА.

Рисунки: 1, 3, 5, 6, 14—Баронъ де Шадуаръ. 2, 4, 7,8, 9, 10, 11, 12, 16, 17 — Невскій проспектъ. 13, 15 и 18 — Брикнеръ. Исторія Екатерины II.

Литература: Кауфманъ. Серебряный рубль. Печеринъ. Государственная ассигнація. В. Евр. 1876. Baron de Schadoir, Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies etrangères. Винклеръ. Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Арсеньевъ. Историко-статистическій обзоръ монетнаго дѣла въ Россіи.

Таблица XXII. ГОРОДЪ И ПОСТРОЙКИ МАЛОРОССІИ.

Рисунки: 1, 2—Исторія русскаго искусства, II и III. 3, 5, 6 и 8—фотографіи. 7—Брикнеръ. Исторія Екатерины.

Таблица XXIII. ЦЕРКВИ.

Рисунки: 1, 2, 4—фотографіи. 3—Исторія русскаго искусства, т. II. 5—Полевой. Русская исторія. 6—Труды XIV Арх. съѣзда. 7—Старые Годы.

Таблица XXIV. КОСТЮМЫ И УТВАРЬ.

Рисунки: 1, 7, 9 и 13 — Ефименко. Исторія Украинскаго народа. 8 — Грушевскій. Иллюстрированная исторія Украины. 14—фотографія.

Таблица XXV. УТВАРЬ.

Рисунки: Искусство и графика, 1909.

Литература къ табл. XXII—XXV: Грушевскій. Иллюстрированная исторія Украины. Кузьминъ. Отъ XVII в. къ XVIII в. О нѣкоторыхъ памятникахъ южно-русскаго искусства. (Ст. Годы, 1909, IX). Ефименко. Исторія Украинскаго народа. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и докумены. Его же. Описаніе старой Малороссіи. Эварницкій. Исторія запорожскихъ козаковъ. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Антоновичъ. Гайдаматчина. Миллеръ. Очерки исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Щербакійскій. Украинське мистецтво. Шероцкій. Живописное убранство украинскаго дома. (Искусство въ Южной Россіи, 1913, VI—XII). Лукомскій. Волынская старина. (Тамъ же, VII—XII). Иконниковъ. Кіевъ. Багалѣй. Исторія города Харькова. Г. и Л. Лукомскіе. Вишневецкій замокъ. (Старые Годѣ, 1912, III). Горностаевъ. Строительство гр. Разумовскихъ на Украинѣ. (Труды XIV арх. съѣзда). Его же. Гетманскій дворецъ въ Батуринѣ. (Тамъ же). Его же. Козелецкій соборъ. (Тамъ же). Полонская. Церковныя древности Кіева. Павлуцкій. Каменное церковное зодчество на Украинѣ. (Исторія русскаго искусства, ч. II). Его же. Гражданское зодчество на Украинѣ. (Тамъ же).

Таблица XXVI. ГОРОДЪ XIX В.

Рисунки: 1, 2, 5, 6 и 8—Старыя гравюры. 3, 4—Исторія Н. Новгорода. 7—Старые Годы.

Литература: Свиньинъ. Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ. Свербеевъ. Записки. Вигель. Воспоминанія. Пыляевъ. Старая Москва. Его же. Старый Петербургъ. Его же. Старое житье. Пассекъ. Воспоминанія. Никифоровъ. Старая Москва. Шамуринъ. Допожарная Москва. (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. VIII). Храниловъ. Ярославскій уѣздъ. Мичуринъ. Краткій очеркъ исторіи Н. Новгорода. Никитинъ. Исторія Смоленска. Филоновъ. Очерки Дона. Багалѣй. Исторія города Харькова. Иконниковъ. Исторія Кіева. Волга отъ Твери до Астрахани. (Изд. „Самолетъ"). Башуцкій. Панорама Петербурга. Никитинъ. Записки о Смоленскѣ. Вистенгофъ. Внѣшній видъ Москвы середины XIX в. (Москва, вып. X). Василичъ. Москва 1850—1910 г.г. (Москва, вып. XI).

Таблица XXVII. ПОСТРОЙКИ.

Рисунки: 1 и 3—Старые Годы, 1909, III и 1911—XI. 2—фотографія. 4—Исторіи русскаго искусства, т. III. 5—Невскій проспектъ. 6—гравюры.

Таблица XXVIII. ЦЕРКВИ.

Рисунки: 1, 3, 3, 4, 5—Старые Годы, 1911, IX. 6—Труды XIV Арх. Съѣзда. 7 и 8—фотографіи. —Исторія русскаго искусства, т. III. 6 и 7—Старая гравюра.

Литература къ табл. XXVII—XXVIII: И. Грабарь и Фоминъ. Александровскій классицизмъ. Исторія русскаго искусства, т. III. Тарасовъ. Горный Институтъ. (Ст. Годы, 1909, III). Лукомскій. Нѣсколько памятниковъ старины въ Калугѣ. (Тамъ же, 1913, I). Лансере. Захаровъ и Адмиралтейство. (Тамъ же, 1911, XII). А. Бенуа и Лансере. Дворцовое строительство Николая I. (Тамъ же, 1913, VII—IX). Рудницкій. Очеркъ въ книгѣ „Историческая выставка архитектуры". Павлуцкій. О церковныхъ постройкахъ стиля Ampire въ Полт. губ. (Труды XIV Арх. съѣзда).

Таблица XXIX. ПОМѢЩИЧЬЯ УСАДЬБА.

Рисунки: 1—Старые Годы, 1910, IX. 2, 4—фотографіи. 3 и 5—Старыя гравюры. 6—Двадцатипятилѣтіе коллегіи Павла Галагана.

Таблица XXX. ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО.

Рисунки: 1 и 2—Москва въ прошломъ и настоящемъ. 3—Историческая выставка архитектуры. 4—„Нива". 1894 г. 5, 6, 7 и 9—Старые Годы, 1910, VI и 1911, 1907, VI. 8—фотографія.

Таблица XXXI. ПОСУДА.

Рисунки: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 16 и 17—фотографіи. 10, 11, 12, 13, 14 и 15—Журналъ Искусства, 1911.

Таблица XXXII. МОДЫ.

Рисунки: 1, 7 и 9—Невскій проспектъ. 2, 3, 4—Шильдеръ. Александръ I. 5, 6, 8—Снимокъ съ картины Толстого.

Таблица XXXIII. ВЫШИВАНІЕ И КРУЖЕВА.

Всѣ рисунки—фотографіи.

Таблица XXXIV. ГОРОДСКІЯ СЦЕНЫ.

Рисунки съ старинныхъ гравюръ.

Таблица XXXV. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНІЯ.

Рисунки: 1—Шильдеръ. Николай I, т. I. 2—фотографія. 3 и 4—Невскій проспектъ. 5—Старинная гравюра.

Таблица XXXVI. ВОЙСКО.

Рисунки: 1—4—старая гравюра. 2—Шильдеръ.

Таблица XXXVII. КРЕСТЬЯНСКІЙ БЫТЪ.

Рисунки: 1, 4, 5 и 9—Великая реформа, т. II. 2, 3, 7 и 8—фотографіи.

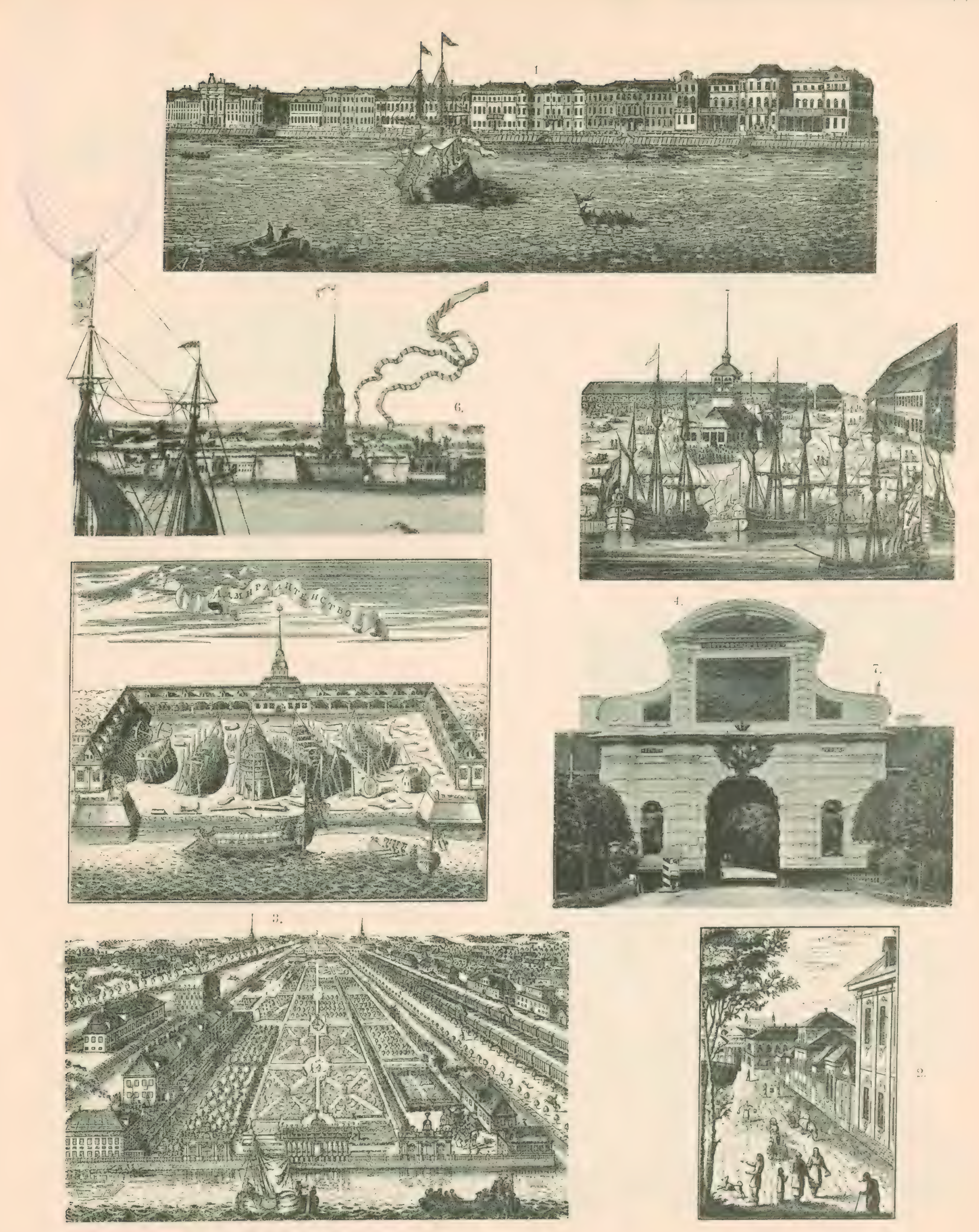
Таблица XXXVIII. КРЕСТЬЯНСКІЙ БЫТЪ.

Рисунки: 10, 11—фотографія. 12, 13, 14, 15, 16, 17—Великая реформа, т. II, III и IV. 18—Древности Государства Россійскаго.

Таблица XXXIX. ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА.

Рисунки: 1, 2 и 4—Великая реформа, т. IV и V. 3—картина Мясоѣдова. 5—фотографія.

Литература къ табл. XXIV—XXXIX: Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Русск. Стар. 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902. Его же. Послѣ отечественной войны. Тамъ же, 1903, XI - XII; 1904, I. Записки М. И. Глинки. Записки С. Н. Глинки. Петербургская жизнь въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. (Русск. Стар., 1902, III). Винскій. Записки. (Р. Арх., 1907, I—II). Б. Гакстгаузенъ. Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній р. жизни. Вигель. Воспоминанія. Записки Свербеева. Дубасовъ. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Кн. Голицынъ. Прошедшее и настоящее. Корнилова. Быль изъ временъ крѣпостничества. Записки современника съ 1805—19 г. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Селивановъ. Сочиненія, т. I и II. Записки Хвостовой. Гротъ. Воспоминанія изъ семейной хроники. Фадѣевъ. Воспоминанія. Дневникъ Поповой. Гиляровъ-Платоновъ. Изъ пережитого. Смирнова. Записки (Сѣв. Вѣстн., 1893—4, и отд.). Чалый. Воспоминанія. (Кіевск. старина, 1890). Гречь. Записки о моей жизни. Гр. Ростопчина. Семейная хроника. Филипсонъ. Воспоминанія. Карповъ. Изъ прошлаго. Башуцкій. Панорама Петербурга, 1834. Его же. Петербургскіе типы. (Библіотека для чтенія, 1840 г.). Записки гр. Головиной. (Истор. Вѣстн., 1899). Кичеевъ. Изъ семейнаго архива. (Р. Арх., 1891, II). Довнаръ-Запольскій. Крѣпостники первой четверти XIX в. (Вел реф., II). Его же. На зарѣ крестьянской свободы. Записки Кирѣева. (Р. Стар., 1890, VII). Мартемьяновъ. Страничка изъ исторіи крѣп. театра въ Орловской губ. (Истор. Вѣстн., 1913, IX). Воспоминанія. Пассекъ: (Русск. Стар., 1872, 1873 и 1876). Приживальцы и приживалки. (Р. Арх., 1883, III). Петерсонъ. Черты стараго дворянскаго быта. (Р. Арх., 1877, II).

1. Набережная Невы. 2. Набережная Фонтанки у Калинкина моста. 3. Адмиралтейство. 4. Гостиный дворъ. 5. Лѣтній садъ. 6. Петропавловская крѣпость. 7. Петровскія ворота.

1 и 2. Образцовые дома для „подлыхъ“ людей. 3. Образцовый домъ для зажиточныхъ людей. 4. Образцовый домъ для „именитыхъ“ людей. 5. Домъ кн. Меншикова 6. Палаты Шафирова и Зотова. 7. Зимній дворецъ. 8. Дворецъ въ Лѣтнемъ саду. 9. Кунсткамера. 10. Дворецъ въ Петергофѣ.

1. Залъ засѣданія въ Екатерингофскомъ дворцѣ. 2. Столовая въ домикѣ Петра въ Ревелѣ. 3. Залъ въ Екатеринентальскомъ дворцѣ. 4. Кофейная комната въ домикѣ Петра въ Лѣтнемъ саду. 5. Кабинетъ Петра (тамъ же). 6. Библіотечный залъ Кунсткамеры. 7. Комната въ домѣ Ягужинскихъ въ с. Сафаринѣ. 8 и 9. Мебель Петровской эпохи.

1. Бородовые знаки. 2. Обрѣзываніе полъ кафтановъ. 3. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. 4. Петръ Великій. 5. Лефортъ. 6. Петръ Великій и Екатерина. 7. Царевна Анна Петровна. 8. Возокъ Петра В. 9 и 10. Кареты Петра В.

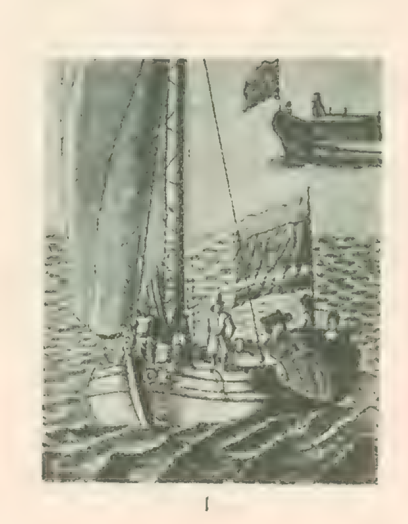
4

2

3.

1

5

1. Яликъ. 2. Празднованіе Ништадскаго мира. 3. Свадьба шутовъ. 4. Медвѣдь кн. Ромодановскаго. 5. Свадебный пиръ Петра Великаго.

1. Пѣхотные солдаты. 2. Драгунъ. 3 и 4. Пушки. 5. Круглая батарейка. 6. Пушка—револьверъ. 7 а и 7 б. Знамя Преображенскаго полка. 8. „Дѣдушка“ русскаго флота—ботикъ Петра. 9. Галера, сдѣланная въ Амстердамѣ. 10. Корабль, сооруженный „кумпанствомъ“. 11. „Полтава“. 12. Флотъ передъ Котлиномъ. 13. Спускъ судна.

КАЛЕНДАРЬ

или

мѣсяцословъ
На лѣто отъ рождества
Господа нашего Іисуса
Хрiста, 1722.
указующiи затмѣнiя солнеч-
ная мѣсячная рожденiя.
и полныи мѣсяцъ
съ четвертми.

Такожде время солнечнаго восхожденiя
и захожденiя. долгоденствiе и долго-
нощiе на всякiи день.

учиненныи по мерiдiану, и
шiринѣ царствующаго
санктъпiтербурха.

Въ Санктъпiтербургской
Тѵпографiи, Лѣта Господня, 1721.
Декемврiя въ день.

5.

9.

прiклады
како пишутся
комплементы
разные на немецкомъ языкѣ,
то есть писанiя
отъ потентатовъ
къ потентатомъ,
поздравителные i сожалѣтелные, i иные:
Такожде между сродниковъ
i прiятелеi.

Переведены съ Немецкого на Россiискii языкъ
напечатаные повелѣнiемъ благочести-
вѣишаго великого Государя Царя,
I великого Князя

ПЕТРА АЛЕКСIЕВИЧА

Всея великiя i малыя iбѣлыя Россii
самодержца.

При благороднѣишемъ Государѣ царевичѣ,
i великомъ Князѣ

АЛЕКСIИ ПЕТРОВИЧѢ.

Въ царствующемъ великомъ Градѣ Москвѣ.
Лѣта Господня 1708. Апрiллiа.

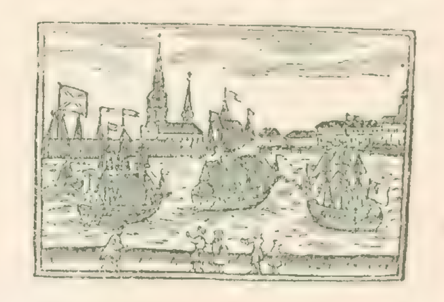
Обложка книги Ѳеофана Прокоповича

7.

10.

санктъпiтербурхъ

8.

Сентября 20 дня получены
изъ лагаря отъ тарковъ.
вѣдомости.

1

Ихъ Величествы со всѣмъ флотомъ
прiбыли Моремъ. до Агроханского
заливу. Iюля противъ 28 числа.
благополучно. И здѣлавъ лагаръ.
2 были

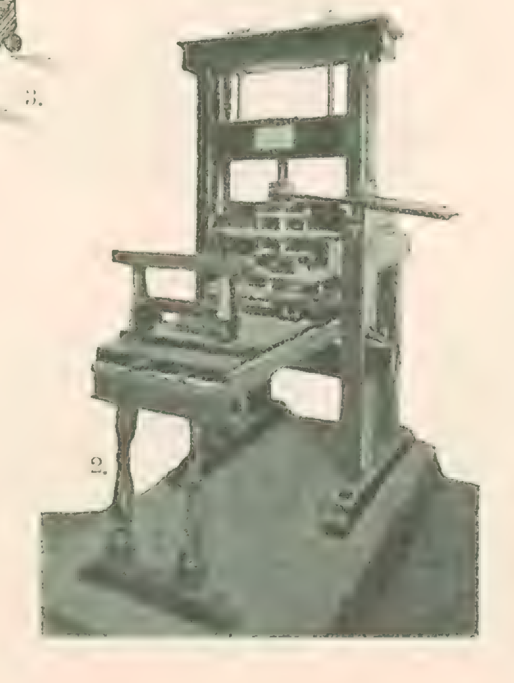
6.

Чернiлница

3.

1.

2.

4.

1. Школа. 2. Печатный станокъ Петра В. 3. Чернильница (изъ букваря Истомина). 4. Ариѳметика Смотрицкаго. 5. Календарь. 6. Типографія. 7. Одна изъ первыхъ книгъ, отпечатанныхъ въ Петербургѣ. 8. „Вѣдомости" 1722 г. 9. Автографъ Петра В. 10. Жалованная грамота Петра I стольнику Толстому.

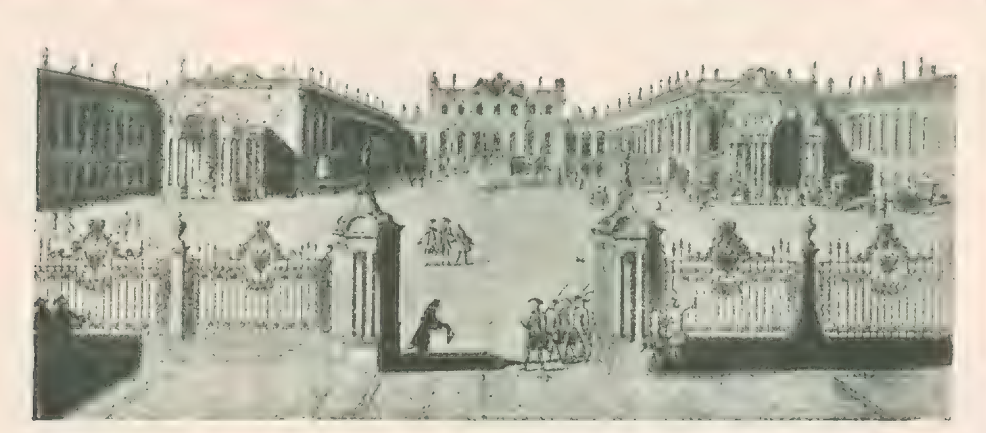
1. Церковь св. Николая „большой крестъ“ въ Москвѣ. 2 и 3. Внѣшній и внутренній видъ церкви въ с. Дубровицахъ. 4. Церковь Покрова въ с. Филяхъ. 5. Церковь „Строгановская“ въ Нижн.-Новгородѣ. 6. Церковь въ Москвѣ (Меншиковская башня). 7. Исаакіевская церковь въ Петербургѣ. 8. Первоначальный видъ Петропавловскаго собора. 9. Петропавловскій соборъ (соврем. видъ). 10. Проектъ Александро-Невской лавры.

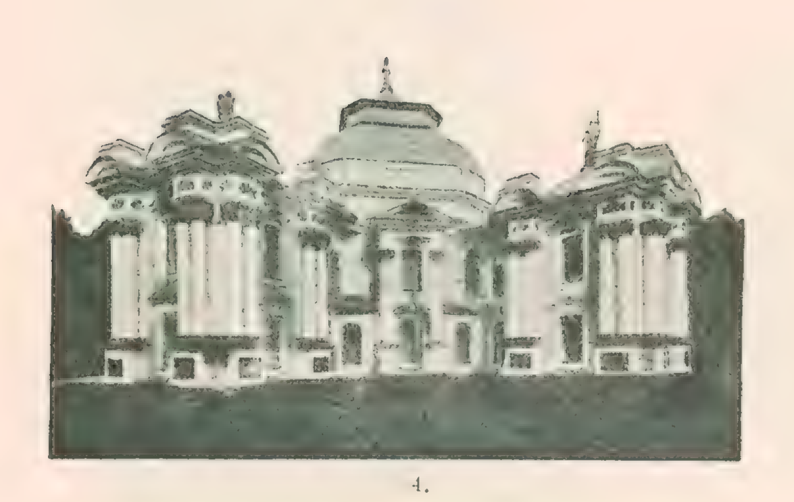
2.

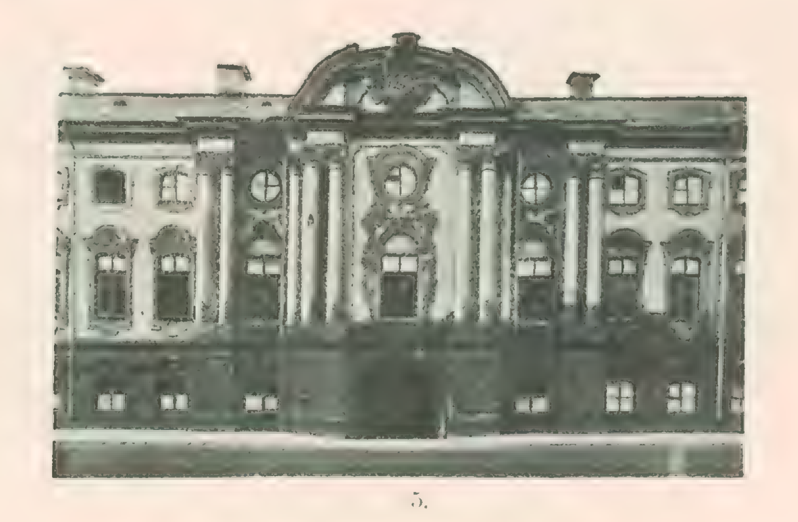
3.

1.

4.

5.

7.

6.

1. Лѣтній дворецъ на Фонтанкѣ. 2. Аничковъ дворецъ. 3. Царскосельскій дворецъ. 4. Эрмитажъ въ Царскомъ Селѣ. 5. Дворецъ гр. Строгонова. 6. Анфилада комнатъ въ Царскосельскомъ дворцѣ. 7. Купеческая лѣстница Петергофскаго дворца.

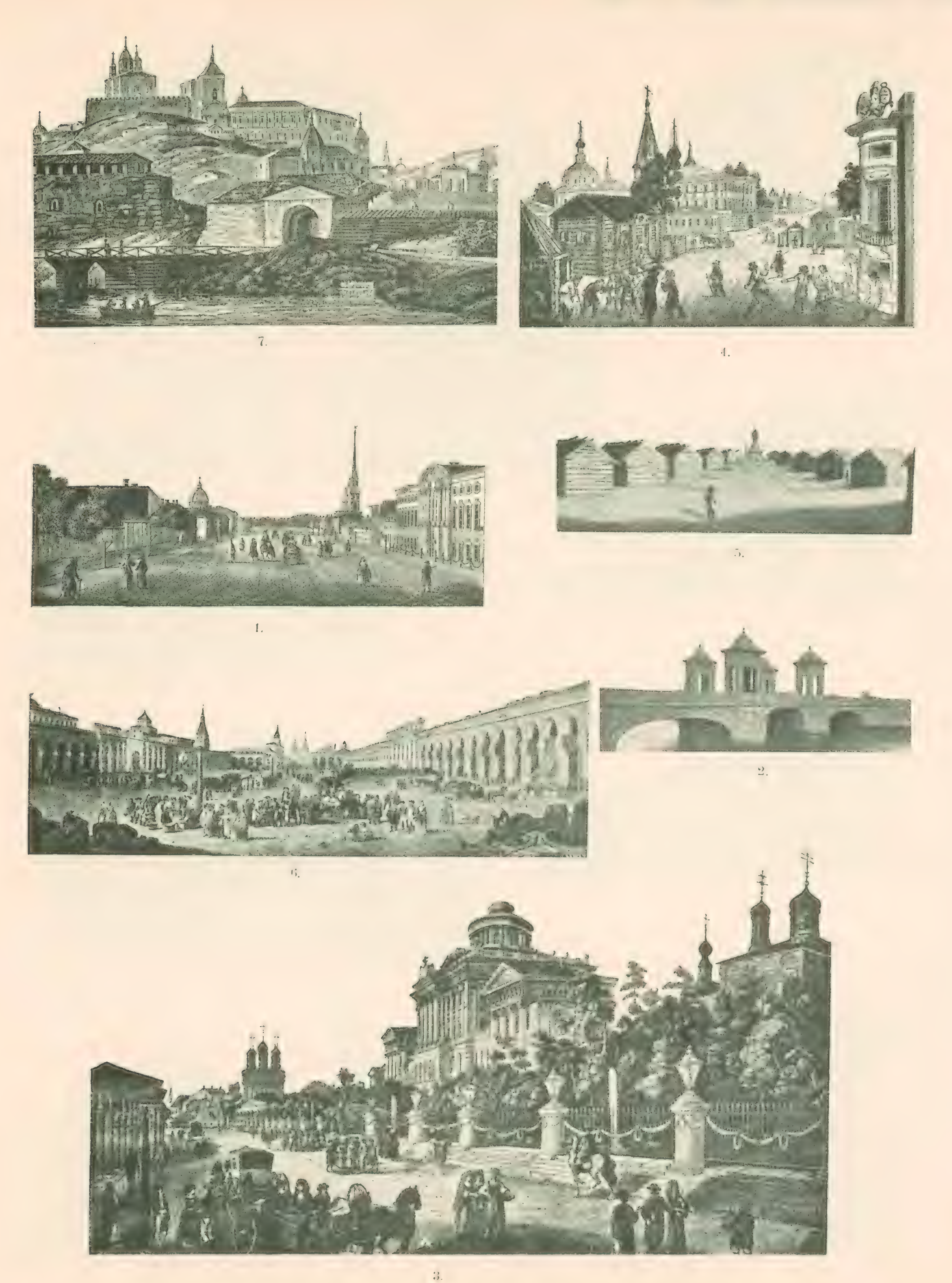

1. Императрица Елисавета въ коронаціонномъ нарядѣ. 2. Кн. Голицына. 3. Кн. Долгорукая. 4. Гр. Бестужевъ. 5. Гр. Шуваловъ. 6. Тронъ императрицы Елисаветы. 7. Парадный въѣздъ императрицы Елисаветы Петровны въ Москву. 8. Возокъ императрицы Елисаветы. 9. Кареты императрицы Елисаветы. 10. Ледяной домъ и свадебный поѣздъ.

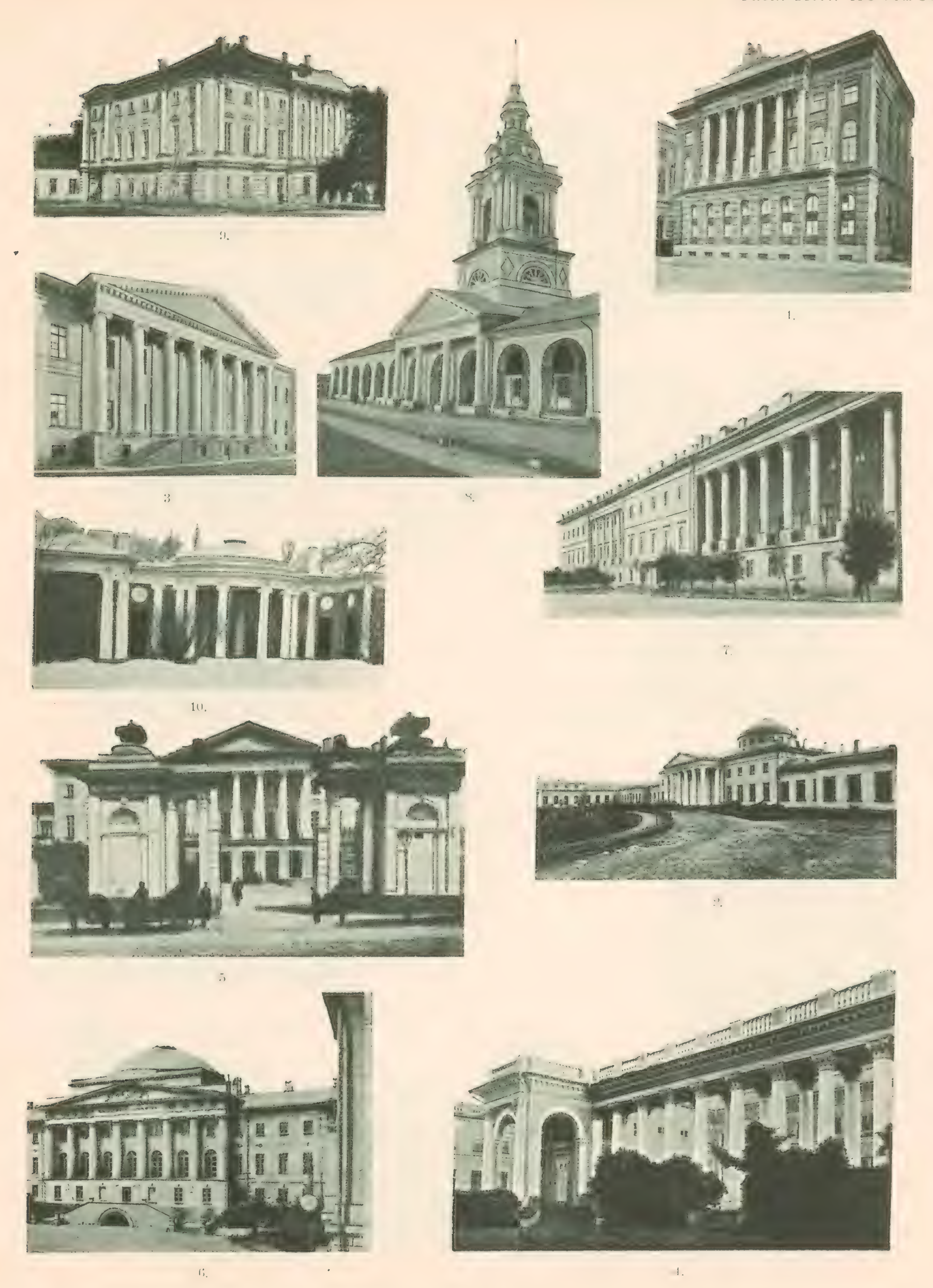

3. 2. 5. 1. 7. 4. 6.

1. Церковь Св. Петра и Павла въ Царскомъ Селѣ. 2. Андреевская церковь въ Кіевѣ. 3. Соборъ Смольнаго монастыря. 4. Никольскій Морской соборъ въ Петербургѣ. 5. Колокольня того же собора. 6. Иконостасъ Козелецкаго собора. 7. Каѳедра Андреевской церкви.

1. Видъ Невскаго проспекта въ серединѣ XVIII в. 2. Чернышевъ мостъ. 3. Моховая улица въ Москвѣ въ серединѣ XVIII в. Домъ Пашкова (нынѣ Румянцевскій музей). 4. Улица Москвы. 5. Улица уѣзднаго города XVIII в. 6. Красная площадь и торговые ряды въ Москвѣ. 7. Видъ Смоленска.

9. 1. 3 8. 7. 10. 5 2. 6. 4.

1. Старый Эрмитажъ. 2. Таврическій дворецъ. 3. Академія Наукъ. 4. Колоннада Царскосельскаго дворца. 5. Яузская больница въ Москвѣ. 6. Московскій Университетъ. 7. Головинскій дворецъ въ Москвѣ (Кадетскій корпусъ). 8. Торговые ряды въ Костромѣ. 9. Дворецъ въ Воронежѣ. 10. Павильонъ агатовыхъ комнатъ въ Царскомъ Селѣ.

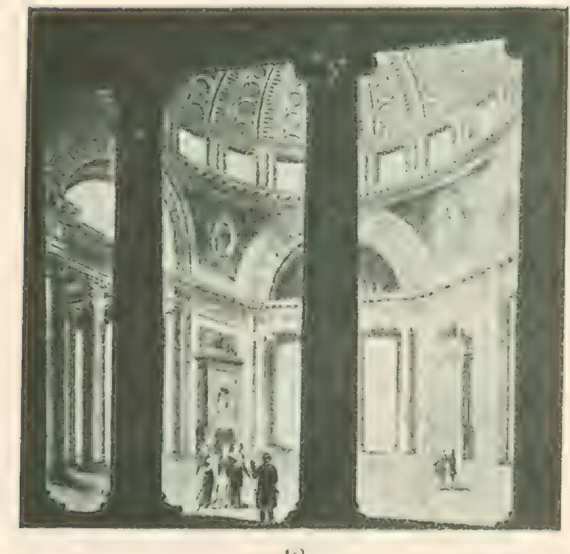
1 и 2. Домъ Болотова. 3. Планъ дома Болотова. 4. Дворецъ гр. Шереметьева въ с. Останкинѣ. 5. Домъ кн. Дашковой. 6. Усадьба с. Шаблыкино. 7. Бесѣдка въ с. Братцевѣ. 8 а и 8 б. Помѣщичья усадьба (по книгѣ конца XVIII в).

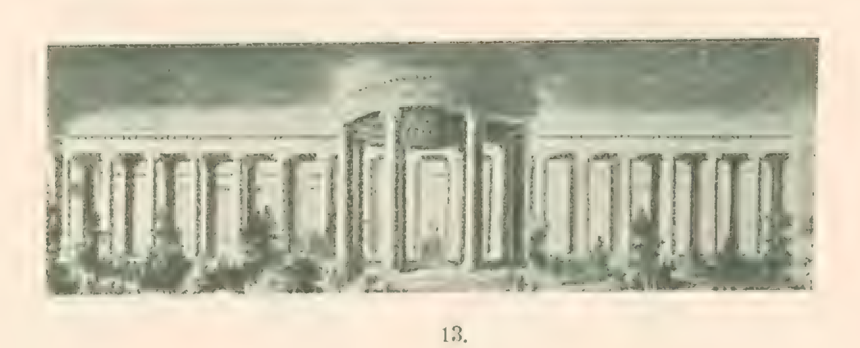
9.

10.

12.

13.

11.

9. Театръ въ с. Архангельскомъ. 10. Парадная лѣстница Яузской больницы. 11. Залъ въ Останкинѣ. 12. Купольный залъ Таврическаго дворца. 13. Колонный залъ того же дворца.

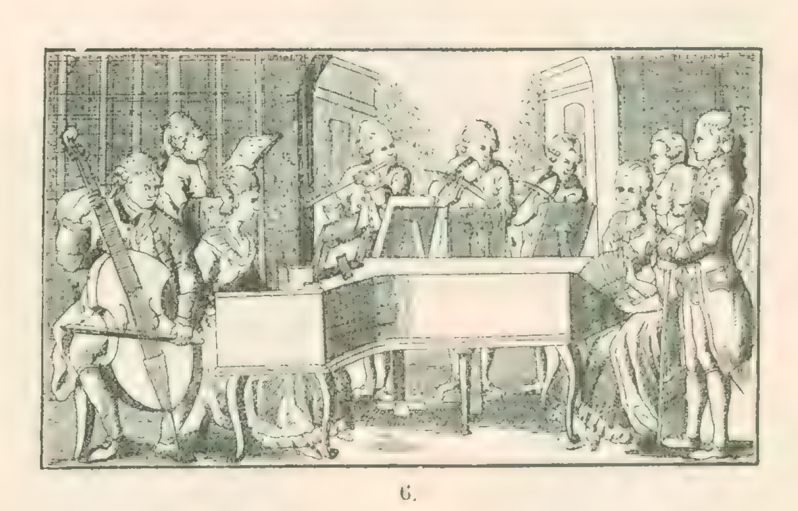
1.

2.

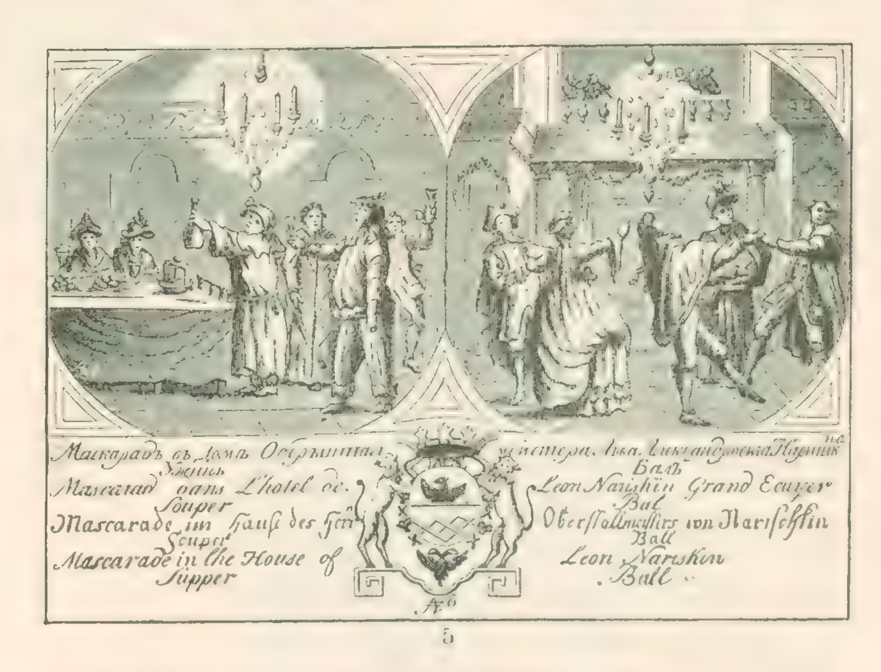
3.

6.

4.

5

8.

9.

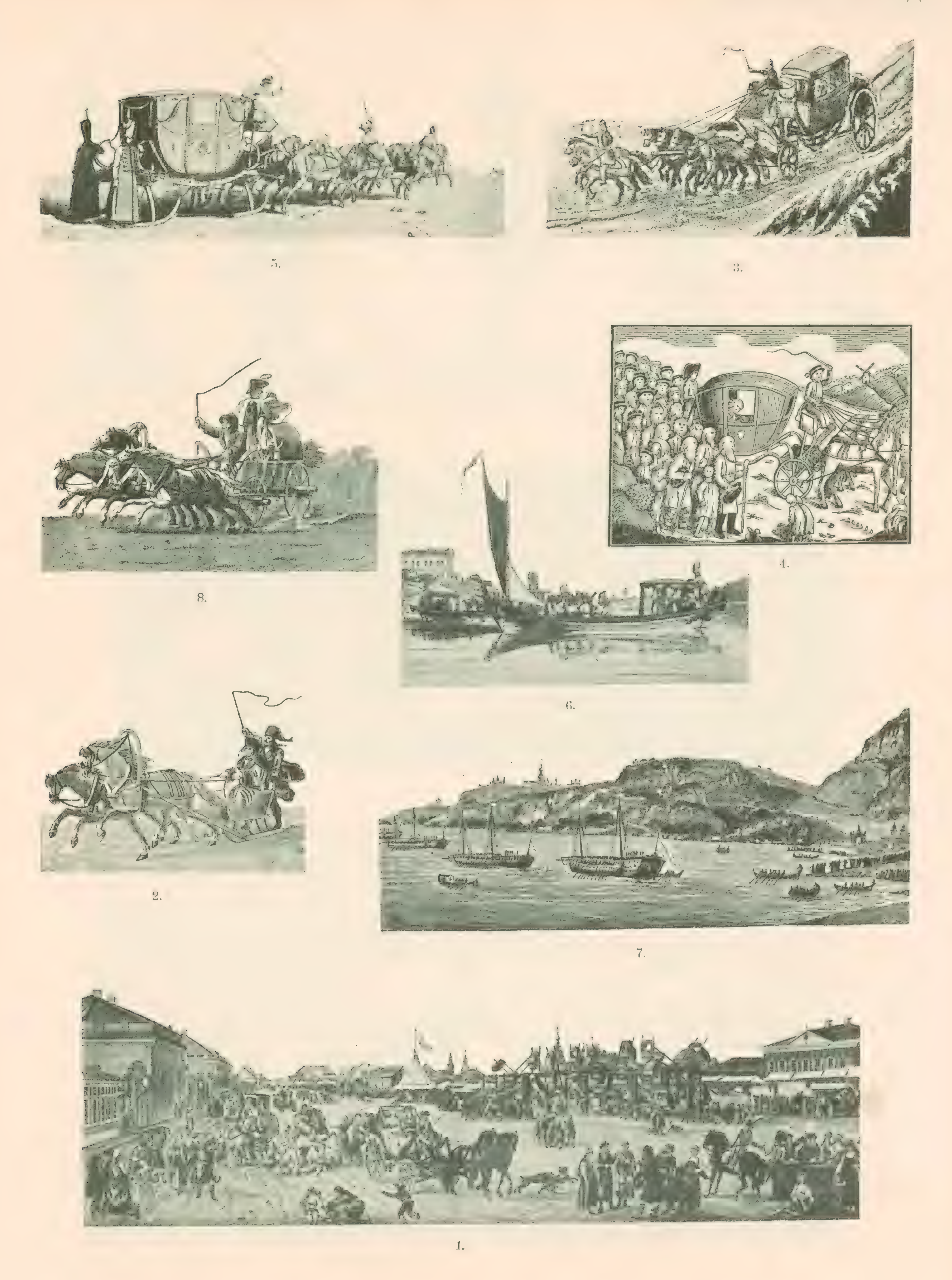
7.

1. Семейство гр. Салтыковыхъ. 2. Портной. 3. Цвѣточная мастерская. 4. Магазинъ матерій. 5. Пригласительный билетъ на маскарадъ. 6. Концертъ. 7. Принятіе въ масонскую ложу. 8. Визитная карточка гр. Румянцева. 9. Обстановка комнаты Екатерининской эпохи.

13. 12. 15. 11. 14. 16. 17.

11. Вѣеръ. 12. Коробочка для мушекъ. 13 и 14. Табакерки. 15. Медальонъ съ миніатюрнымъ портретомъ. 16. Портретъ кн. А. Куракина. 17. Портретъ гр. Строгоновой.

5. 3. 8. 4. 6. 2. 7. 1.

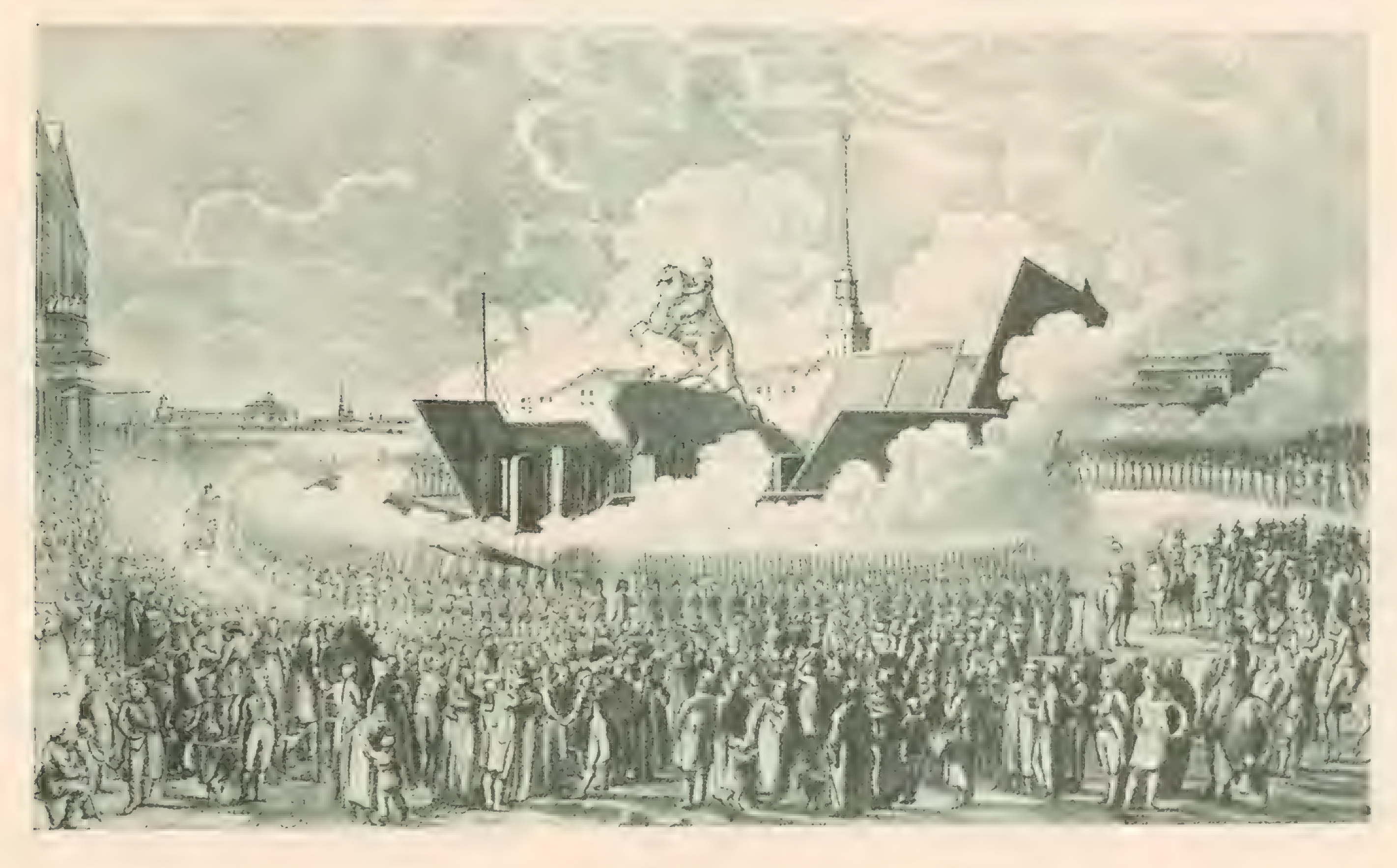
1. Катанье въ Москвѣ. 2. Катанье въ санкахъ. 3 и 4. Лѣтніе выѣзды. 5. Возокъ. 6. „Рябикъ". 7. Галеры Екатерины II подъ Кіевомъ. 8 Курьеръ.

1. 2. 3. 4. 5.

6.

7.

1. Гусаръ. 2. Фельдмаршалъ. 3. Кавалергардъ. 4. Казачій офицеръ. 5. Мушкетеръ. 6. Чесменскій бой. 7. Открытіе памятника Петру Великому.

2.

9.

1.

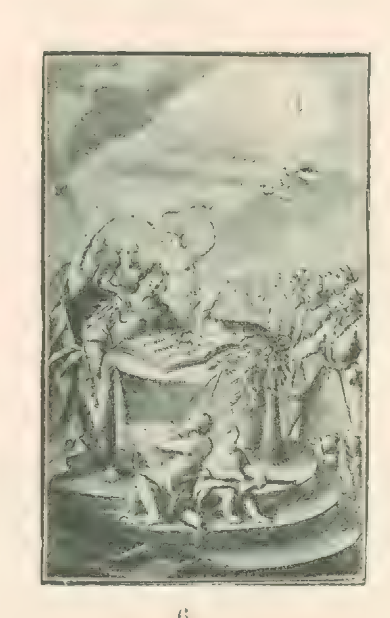
4.

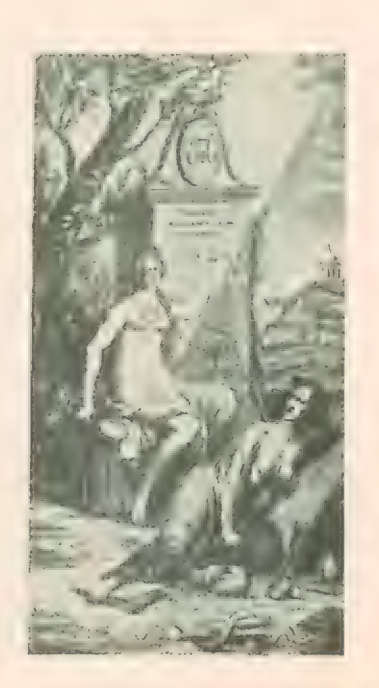
ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.

Опасно настаиленье строги,
Гдѣ зверства и безумства много.
прит. Р. Сумар.

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ

6.

7.

ВСЯКАЯ
ВСЯЧИНА.

Симъ листомъ бью челомъ; а слѣдую-
щія впредь изволь покупать.

3.

8.

5.

1. Урокъ Закона Божьяго въ шляхетскомъ корпусѣ. 2. Урокъ въ пансіонѣ. 3. Заглавная страница журнала „Всякая всячина". 4. Заглавная страница журнала „Трутень". 5. Заглавная страница „Ябеды" Капниста. 6. Заглавная стра-

1. Двухрублевикъ золотой. 2 и 3. Серебр. рубль. 4. Полтинникъ. 5. Десятикопѣечникъ. 6. Пятикопѣечникъ. 7. Алтынъ. 8. Копѣйка. 9 и 10. Гривна и пятикопѣечникъ „платы“. 11. Золотой двухрублевикъ. 12. Рубль. 13. Червонецъ. 14. Десятикопѣечникъ. 15. Пятикопѣечникъ. 16. Полушка. 17. Денежка. 18. Ассигнація.

9. 4. 2. 5. 6. 1. 7. 8. 3.

1 и 2. Флигеля Кіево-Печерской лавры. 3. Домъ въ Кіевѣ на Подолѣ. 4. Духовная академія въ Кіевѣ. 5. Ворота усадьбы Софійскаго собора въ Кіевѣ. 6. Митрополичьи покои въ усадьбѣ Софійскаго собора въ Кіевѣ. 7. Дворецъ, въ которомъ останавливалась Екатерина II въ Кіевѣ. 8. Замокъ кн. Любомирскихъ въ г. Ровно. 9. Развалины дворца гр. Разумовскаго въ Батуринѣ.

1. Софійскій соборъ въ Кіевѣ (съ XVIII в.). 2. Церковь св. Петра и Павла въ Кіевѣ. 3. Соборъ въ г. Ромнахъ. 4. Колокольня Кіево-Печерской лавры. 5. Колокольня Софійскаго собора. 6. Соборъ въ г. Козельцѣ. 7. Иконостасъ Срѣтенскаго придѣла Софійскаго собора.

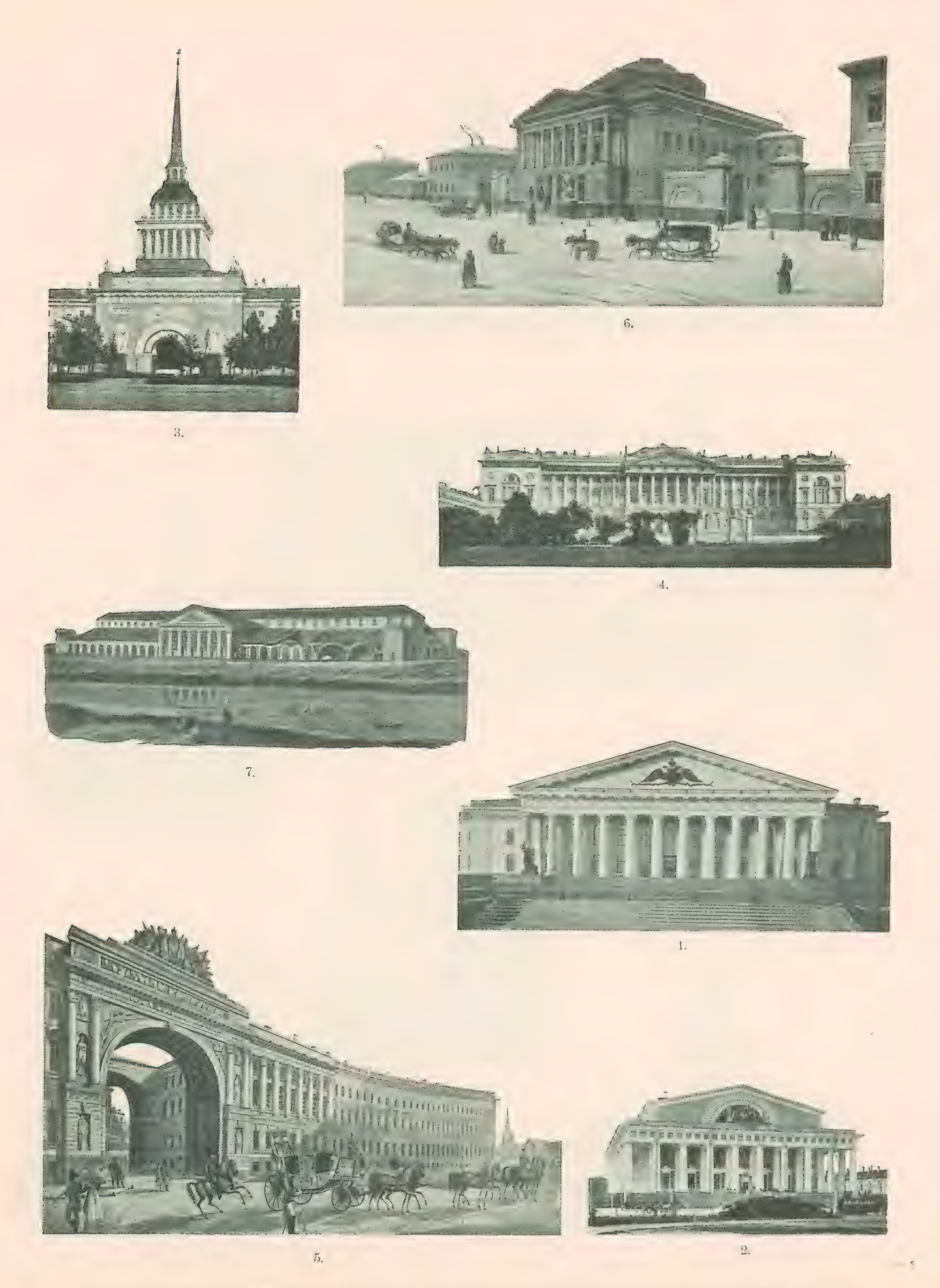
1. Козацкій подпомощникъ. 2. Полковникъ. 3. Малороссійскій шляхтичъ. 4. Шляхетская госпожа въ зимнемъ нарядѣ. 5. Шлях. госпожа въ лѣтнемъ нарядѣ. 6. Шлях. госпожа въ намиткѣ. 7. Шлях. госпожа въ кибалкѣ. 8. Знатная госпожа. 9. Мѣщанинъ. 10 и 11. Крестьянки. 12. Гайдамакъ. 13. „Казакъ Мамай“. 14. Убранство комнаты XVIII в. (мебель XIX в.).

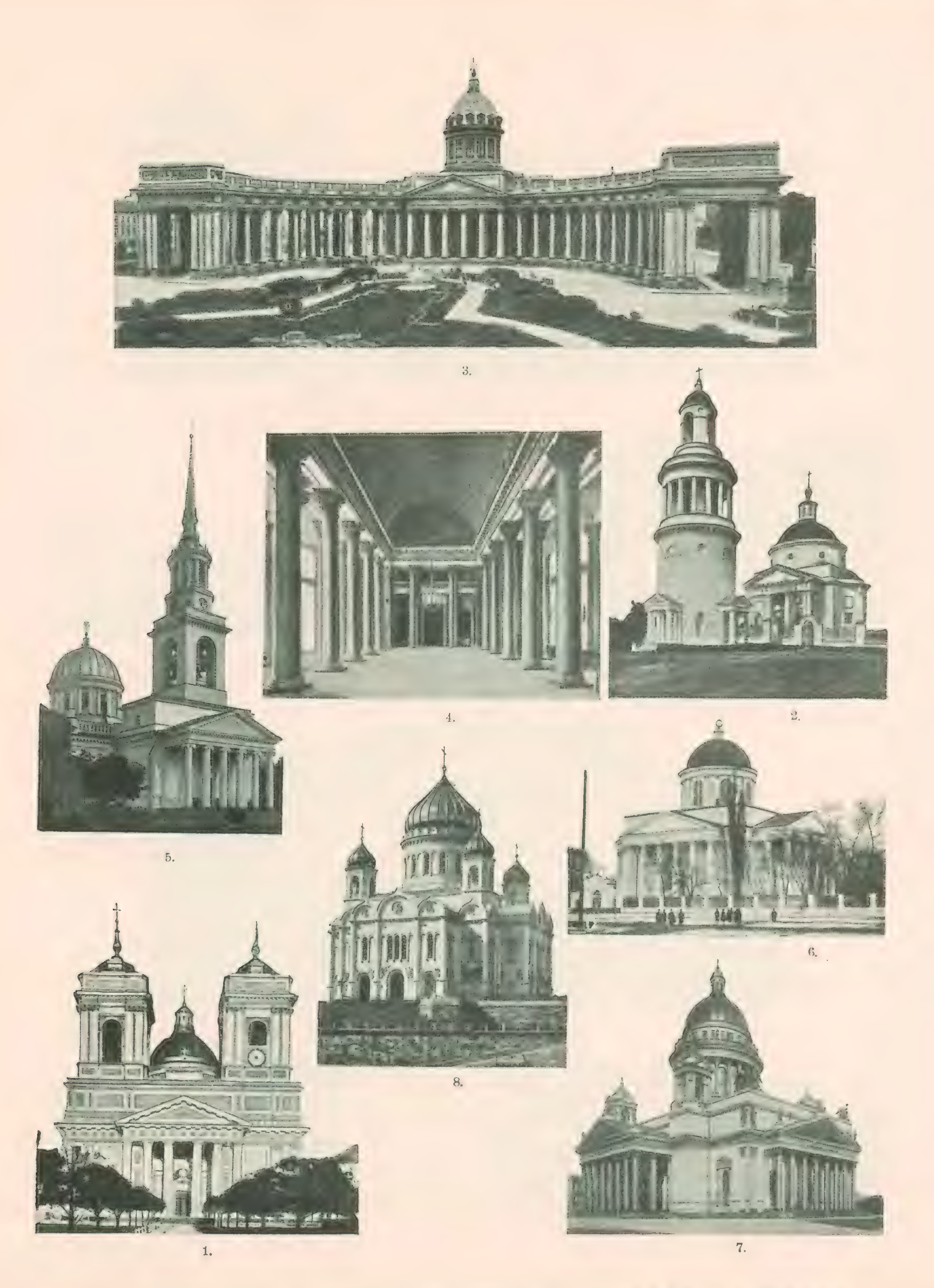
Украинскій коверъ Полтавской губ. (конца XVIII в.).

1. Кіевъ, Крещатикъ и Институтъ благородныхъ дѣвицъ. 2. Орелъ, Банный мостъ и соборъ. 3. Тула, Кремль. 4. Нижній Новгородъ. 5. Петрозаводскъ. 6. Кіевъ-Подолъ. 7. Херсонъ. 8. Пермь.

1. Горный институтъ. 2. Биржа въ Петербургѣ. 3. Ворота адмиралтейства. 4. Михайловскій дворецъ. 5. Арка главнаго штаба. 6. Опекунскій совѣтъ въ Москвѣ. 7. Главное зданіе Нижегородской ярмарки.

3. 4. 2. 5. 8. 6. 1. 7.

1. Соборъ Александро-Невской лавры. 2. Церковь въ с. Никольскомъ. 3 и 4. Казанскій соборъ снаружи и внутри.
5. Соборъ въ Кронштадтѣ. 6. Соборъ въ Кременчугѣ. 7. Исаакіевскій соборъ. 8. Храмъ Спасителя.

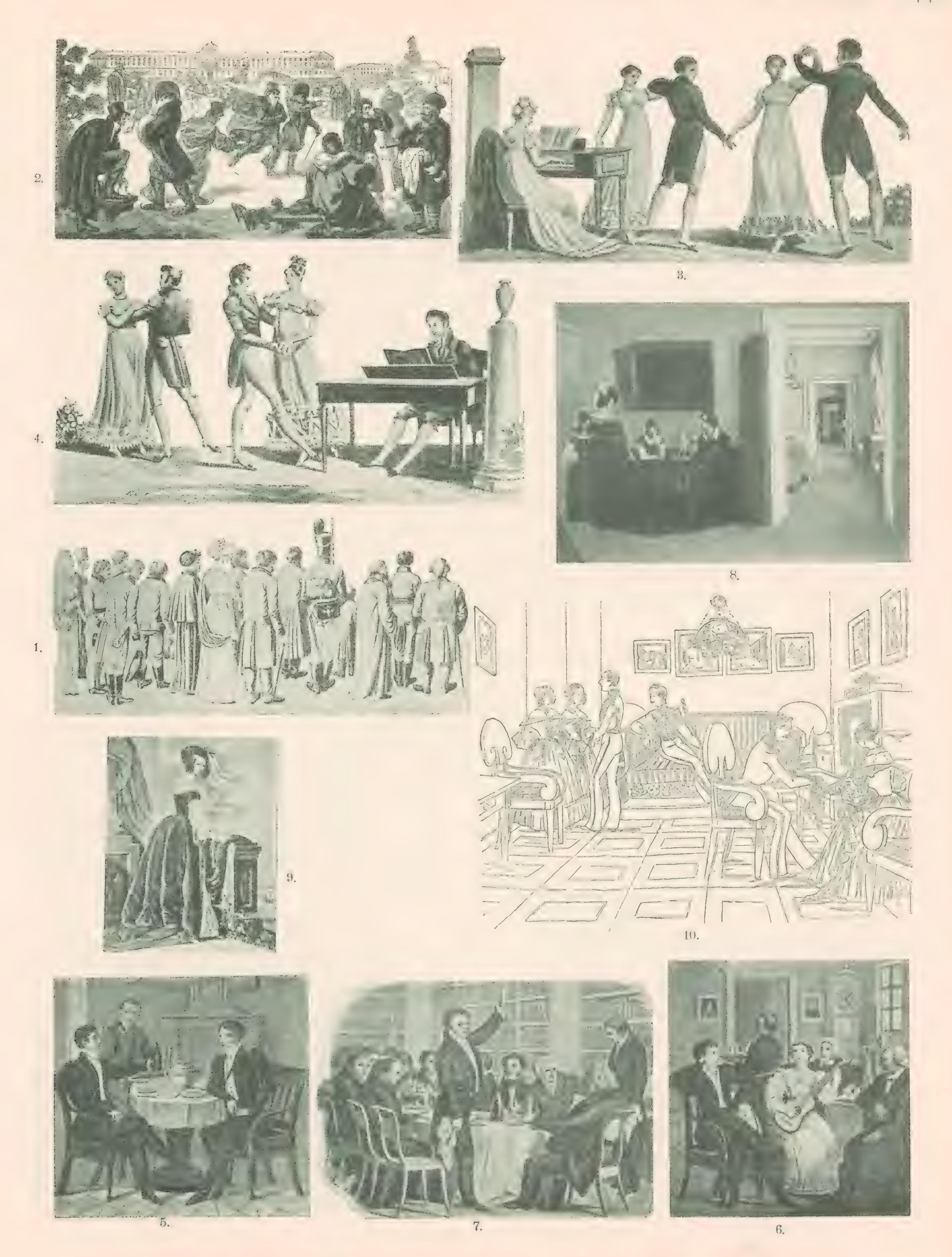
1. Усадьба Орл. губ.. Груново. 2. Помѣщичій домъ Орловской губ. 3. Усадьба Бѣлоруссіи. 4. Помѣщичій домъ Воронежской губ. 5. Домъ М. И. Глинки (Смоленской губ.) 6. Домъ Галагана (Черниговской губ.).

1. Мебель корельской березы. 2. Уголокъ гостиной. 3. Диванъ. 4. Залъ въ домѣ М. И. Глинки. 5. Столъ съ бронзой. 6. Столъ съ бронзой и ваза въ Останкино. 7. Бюро. 8. Туалетный столъ. 9. Кровать съ балдахиномъ.

1. Чайница (саксонскій фарфоръ). 2, 2 а и 2 б. Чашка съ крышкой (тоже). 3. Молочникъ (тоже). 4. Миска (русскій фарфоръ). 5, 6, 7 а 7 б. Чашка (тоже). 8. Флакончикъ (тоже). 9 Тарелка. 10 и 11. Тарелки Межигорскаго завода. 12, 13 и 15. Ваза (тоже). 14. Флакончикъ (тоже). 16 и 17. Бокалы.

1. Уличные костюмы временъ Александра I. 2. Катанье на конькахъ начала XIX в. 3 и 4. Вальсъ и экосезъ начала XIX в.
5, 6 и 7. Костюмы 20-хъ годовъ. 8. Комната 20-хъ годовъ. 9. Костюмъ 30-хъ годовъ. 10. Гостиная 30-хъ годовъ.

1. Кружевная шаль. 2. Шитый воротникъ. 3 и 5. Кружево. 4. Уголокъ шитаго платка. 6, 7 и 8. Вышитые бисеромъ кошельки. 9. Вышитая бисеромъ картина.

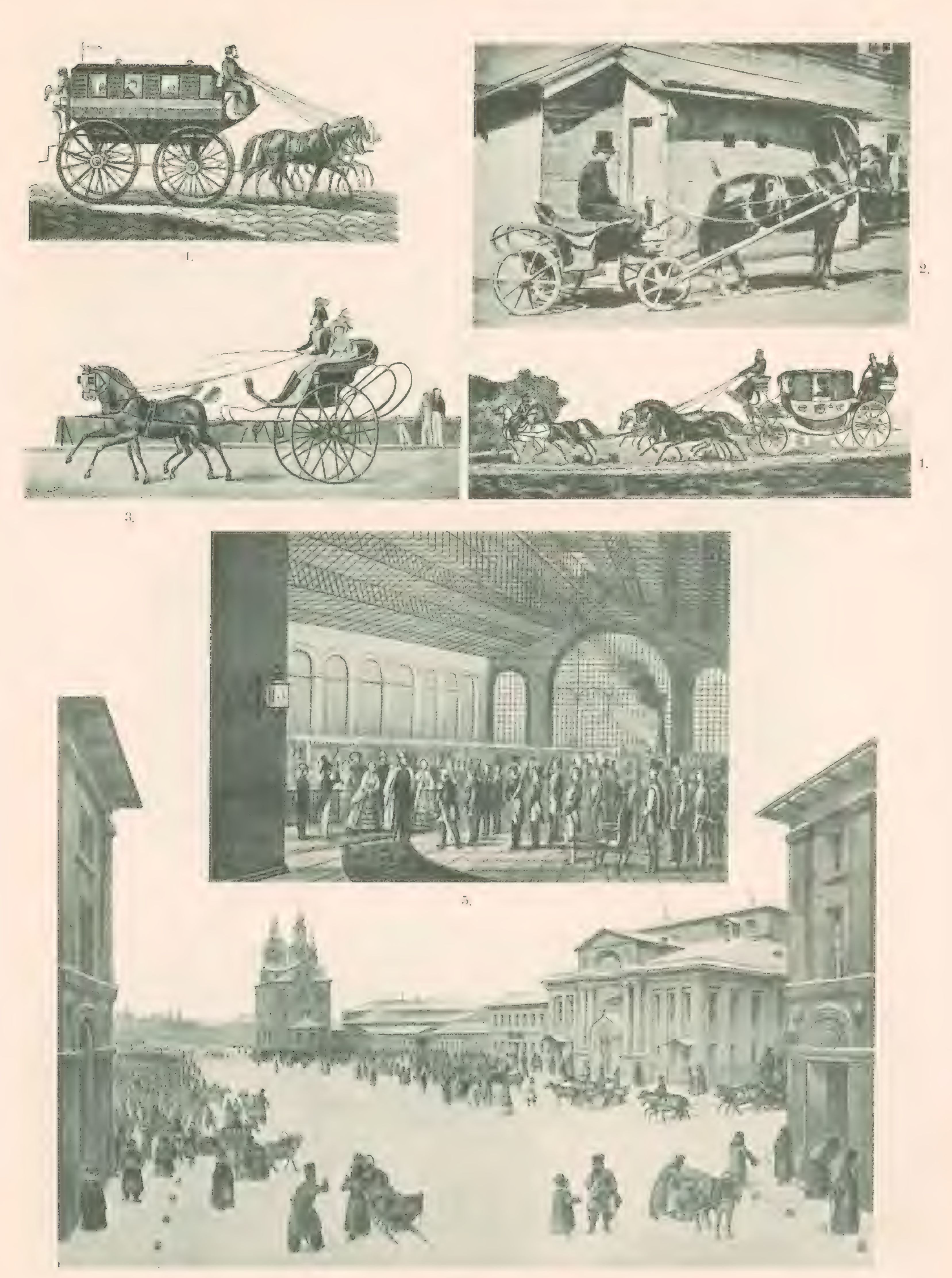

1.

2.

1. Катанье съ горъ на Адмиралтейской площади. 2. Сѣнная площадь въ Петербургѣ.

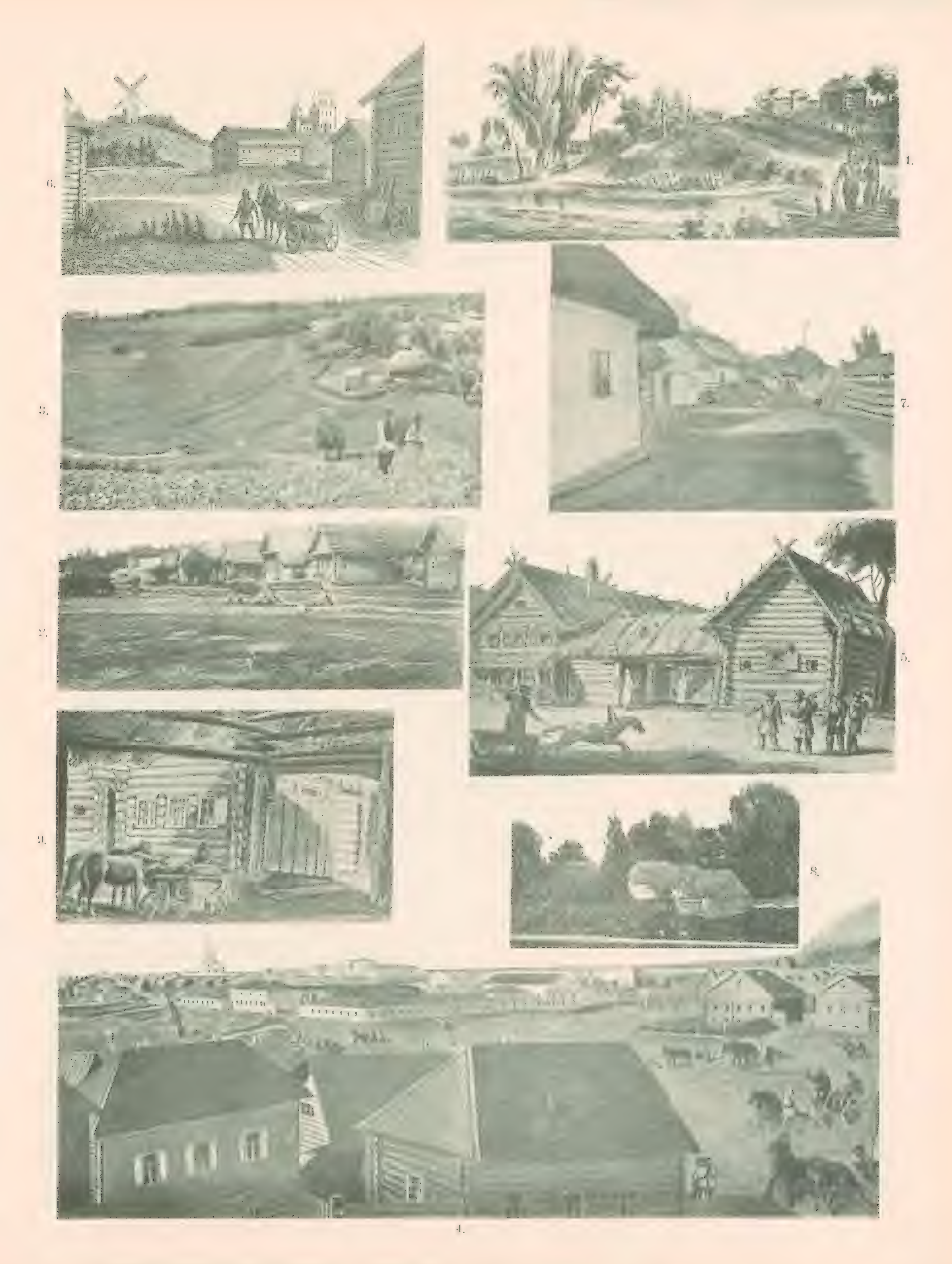
Табл. XXXV. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНІЯ.

1. Барская карета начала XIX в. 2. Извозчикъ „гитара“. 3. Шарабанъ. 4. „Сидѣйка“. 5. Отходъ перваго поѣзда Николаевской желѣзной дороги. 6. Площадь въ Москвѣ, Благородное собраніе.

1. Офицеры гвардіи. 2. Офицеры на бивакѣ 1812 г. 3. Парадъ войскъ на дворцовой площади начала XIX в. 4. Разводъ передъ Михайловскимъ замкомъ въ 40-хъ годахъ. 5. Будка часового.

1. Деревня средней Россіи. 2. Деревня Смоленской губ. 3. Деревня Орловской губ. 4. Военное поселеніе. 5. Улица деревни Владимірской губ. 6. Деревня Арханг. губ. 7. Улица деревни Волынской губ. 8. Малорусскій хуторъ. 9. Крестьянскій дворъ.

10. Внутренность великорусской избы. 11. Внутренность малорусской избы. 12, 13 и 14. Крестьяне Великороссіи. 15. Крестьяне Малороссіи. 16. Праздничный нарядъ женщинъ Тверской губ. 17. Городскіе типы. 18. Медвѣдь съ поводыремъ.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ **НАМИ** Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же **НАШЕГО** въ седьмое.

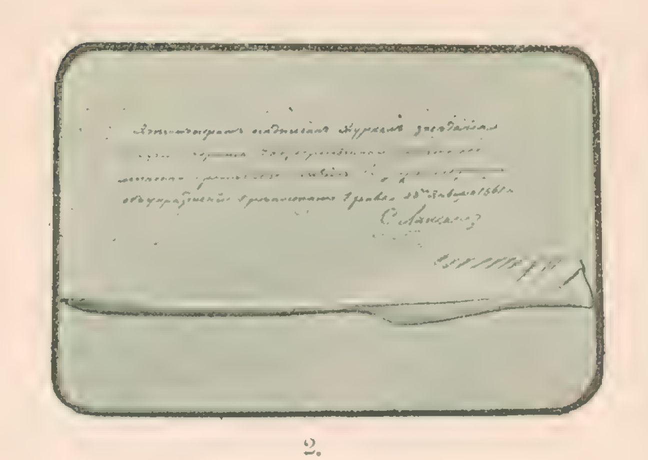
На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.

1.

2.

3.

5.

4.

300498

1. Манифестъ 19 февраля 1861 г. 2. Перо, которымъ государь императоръ Александръ II подписалъ журналъ Государственнаго Совѣта объ уничтоженіи крѣпостного права. 3. Чтеніе манифеста въ деревнѣ (карт. Мясоѣдова). 4. Хоругвь, вышитая бывшими крѣпостными дѣвушками въ память освобожденія. 5. Размежеваніе земель.

